ПАВЕЛ ВЕЖИНОВ

Следы остаются

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЛИТЕРАТУРЫ
НА ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКАХ

С НЕБА ПАДАЕТ КЛЮЧ

Хороши вечерние часы, когда солнце уже давно зашло, но ночной мрак все еще не опустился. Играть уже поздно, но зато сейчас ведутся самые приятные, самые интересные и задушевные разговоры, когда даже не успеваешь заметить, как быстро пролетает время.

В этот вечер ребята собрались во дворе большого дома. Их любимым местом была куча старого железа в углу двора, оставшегося после ремонта парового отопления. Ребята сидели в живописных позах на неудобных трубах и тихо разговаривали. Высоко, над глубоким двором-колодцем, уже темнело теплое июньское небо и заливало двор мягкими синими сумерками. Кое-

где в домах начали вспыхивать широкие окна, но их свет все еще казался бледным, даже бледнее неба с его богатыми густыми тонами. Было тихо, и в тишине доносился легкий шум — где-то приятно позванивали посудой, тихо звучало радио, на белых занавесях, как на экране, мелькали причудливые фигуры, время от времени долетали человеческие голоса. Все это, вместе с приятным, соблазнительным благоуханием кухонь создавало какое-то особенное вечернее очарование, которое мальчики бессознательно, но глубоко чувствовали.

Они были приблизительно одного возраста — двенадцати-тринадцати лет, но Пешо выделялся среди них своими синими баскетбольными тапочками и высокой фигурой. Он был самым стройным и, вероятно, самым сильным. Глаза его были темными, горячими, его тонкая фигура дышала здоровьем и ловкостью. Вообще у него был спортивный вид, даже если и не считать тапок, вызывающих тайную зависть у всех мальчишек.

— Как бы не так! — недовольно отозвался он. — Если хочешь знать, советские МИГ самые быстрые в мире.

— Что да, то да!— охотно согласился Веселин. — Только мне хочется выдумать самолеты с еще большей скоростью.

Мальчики улыбнулись добродушно и с участием. Действительно, Веселин был известным изобретателем, самым известным во всей школе. Несколько лет тому назад он изобрел волчок, который вертелся в обе стороны. Но изобрести самолет быстрее, чем советские МИГ-и, это уж слишком. Веселин проверил взглядом эффект своих слов и опять задумался. Он был мальчиком небольшого роста, плечистый, с круглым добродушным лицом и стриженой круглой головой. Его зеленые глаза смотрели умно и живо.

— Представьте себе самолет, который летит со скоростью света! А, как вам это кажется!

На этот раз ребята засмеялись:

— Ну, ты многого захотел, —отозвался маленький, кудрявый, полненький Бебо. — Где ты ему подходящее место для аэродрома найдешь?

— Он будет взлетать прямо вверх.

— Хорошо. А садиться?

— А садиться будет прямо вниз, — засмеялся живой и подвижный Чарли. — Не успеешь моргнуть, а он уже в центре земли.

Дружный смех залил притихший дворик. Веселин понял, что перехватил и смущенно наморщил свой коротенький курносый носик.

— Ничего вы не понимаете! — пробурчал он недовольно. — Все предусмотрено! Самолет подымается медленно, как обыкновенный, потом идет все быстрее, быстрее, быстрее, а когда нужно сесть — убавляет скорость.

— Ну, так можно! — согласился Пешо. — Только мне кажется, что сейчас важнее придумать какое-нибудь. . . какое-нибудь такое. . . самое опасное оружие!

Веселин удивленно посмотрел на него.

— Я же ведь придумал лучи, — сказал он медленно.

— Какие лучи?

— Да вот те, которые уничтожают самолеты в воздухе.

— Ах, да, — кивнул Пешо. — Но ты должен был придумать и еще что-то.

— Я придумал и другие лучи, — осторожно сказал Веселин, ощупывая глазами своих друзей. — Направляешь, значит, прожектор на окопы интервентов. . . Как только на человека попадает хотя бы один луч, он сразу же вспыхивает, как. . . как мышка. . .

Мальчики замолчали, обдумывая новое изобретение. Что-то унылое промелькнуло в их глазах, лица нахмурились.

— А как называются эти лучи? — недовольно спросил Пешо.

— Косинус гамма. . .

Ребята с уважением посмотрели на него. Этот дьявол всегда придумывал очень удачные названия своим изобретениям. Но несмотря на это, неприятное чувство не оставляло их.

— Мне не нравится твое изобретение, — сказал наконец со вздохом Бебо. — Как это — гореть, как мышки. . . Совсем не приятно. . .

Веселин сам чувствовал это.

— Да нет, это я так. . . шутя. . . У меня есть и другие лучи. . . Значит, направляешь прожектор, когда луч попадает на человека, он сразу же засыпает. Так можно проспать и двадцать часов, не просыпаясь.

Мальчики облегченно вздохнули.

— Правда интересно? — осмелел Веселин. — Потом просто клади их в грузовик, как мешки. . .

В этот момент что-то сильно звякнуло о каменные плиты. Мальчики удивленно оглянулись.

— Что это? — спросил Чарли.

Все стали шарить глазами. Веселин первый заметил упавший предмет — обыкновенный металлический ключ от английского замка, сейчас спокойно лежавший на плитах. Пешо поднял его. Наверное, кто-то уронил ключ с верхних этажей, что другое можно было подумать? Мальчик вышел на середину двора, поднял голову и внимательно осмотрел этажи. Кое-где были видны открытые освещенные окна, но ни в одном из них он не заметил человеческого лица

— Э-э-э-э-й, — крикнул Пешо.

Этажи молчали. Пешо пожал плечами и крикнул еще раз, но ответа опять не последовало.

— Интересно, — повернулся он к ребятам. — Роняют ключи, а не отзываются.

— А, может быть, ключ не из этого дома, — предположил Веселин.

— А из какого же?

— Из какого-нибудь соседнего.

— Глупости ты говоришь, — покачал головой Пешо. — Если он из соседних домов, то должен был упасть в соседние дворы, а не в наш. . .

— Может быть, его бросили. . .

— Кто этот сумасшедший, который бросит свой ключ из окна?

Пешо был прав. Двор, в котором они сидели, принадлежал дому, выходящему на улицу, и был отгорожен от соседних дворов высоким каменным забором. Три дома образовывали букву П, но боковые здания были довольно далеко, чтобы ключ мог упасть оттуда.

— Но почему же никто не отозвался? — спросил Веселин.

На этот вопрос никто, конечно, не смог ответить, и мальчики, увлеченные своими разговорами, скоро забыли об этом незначительном случае. Кто его знает, может быть, это ненужный ключ, и кто-то просто решил отделаться от него. Вскоре совсем стемнело, небо потеряло свои светлые тона. Где-то на верхнем этаже бренчало пианино, где-то изо всех сил плакал грудной ребенок. Только ребята решили расходиться, как перед ними внезапно выросла крупная мужская фигура в белом летнем костюме.

— Ага! — сказал мужчина добродушно и ласково. — Играете?

Мальчики с удивлением посмотрели на незнакомца. Это был полный широкоплечий человек, с коротко остриженной, начавшей плешиветь головой. На его мясистые, толстые губы словно приклеилась доброжелательная дружеская улыбка, почему-то показавшаяся мальчикам не совсем искренней.

— Играем, — осторожно ответил Пешо.

— И давно вы здесь играете? — внимательно спросил мужчина.

Этот вопрос уже определенно не понравился мальчикам. Они быстро переглянулись, потом Пешо как-то сердито ответил:

— Не очень давно. . .

— Так, так, хорошо! — добродушно кивнул мужчина. — Все-таки час, наверное, есть, а?

— Да, — уже совсем неохотно ответил Пешо.

— Та-а-ак! А вы случайно не находили здесь ключ?

Мальчики переглянулись: вот в чем дело!

— Нашли! Нашли! — почти в один голос закричала вся компания. — Он упал с верхнего этажа!

Пешо ясно заметил, как лицо незнакомого мужчины словно посветлело от облегчения.

— Чудесно! — воскликнул он уже совсем непринужденно. — У кого он?

— У меня, — ответил Пешо и полез в карман.

Конечно, найти что-нибудь в кармане мальчишки не легкое дело. Пока Пешо молчаливо и сосредоточенно

рылся в правом кармане, незнакомец вытер лоб и быстро заговорил:

— Знаете, у меня есть маленькая девочка, такая же шалунья, как и вы, только, конечно, поменьше. . . Она бросила ключ из окна, хорошо, что ее мама увидела, а то мы бы остались без ключа. . . Другого у нас нет, мы их все растеряли. .

— Вы в этом доме живете? — спросил Пешо.

— В этом, — быстро ответил мужчина. — А ты, мальчик, уж не потерял ли ключ?

— Как я мог его потерять, я никуда не уходил, — сказал Пешо и от волнения вывернул весь карман. Здесь среди стеклянных шариков, бечевок, кусочков мела и алюминиевой точилки для карандашей он сразу же увидел ключ.

— Вот он, — сказал Пешо с облегчением. — Помню я, в этот карман его положил.

Ему показалось, что незнакомец, торопливо и как-то нелюбезно вырвал ключ из его рук. Этот жест совсем не соответствовал его ласковому голосу, его дружеской улыбке. Не сказав больше ни слова, незнакомец повернулся своей широкой спиной и быстро зашагал к черному входу дома.

— Интересный человек! — пробормотал ему вслед Веселин. — Даже и спасибо не сказал.

— Взрослые такие, отметил с огорчением Бебо. — Пока ты им нужен, они хорошие, а потом. . .

— Такие они, — покачал головой в знак самого глубокого сочувствия и Веселин.

Только Пешо сердито и хмуро молчал.

ДОМА

Вскоре мальчики вышли на улицу. Там и небо казалось светлее, да и фонари бросали обильный свет. На троллейбусной остановке собралась обычная очередь, одни старались читать газету, другие смотрели вдаль с надеждой увидеть красную звездочку идущего троллейбуса. На тротуарах все еще было много людей,

девочки с криками играли в «классы». Мальчики пренебрежительно посмотрели на них и прошли мимо. В это мгновение позади их раздался девчачий голос.

— Пешка-а. . . Пошка! Пешка. . . Пошка. . .

Пешо сердито засунул руки в карманы, но не обернулся. Не очень то приятно, когда тебя дразнит девчонка. Голос сзади продолжал:

Пешка, Пошка,
Мать твоя кошка,
Отец — петух,
Весь от жиру опух! . . .

Это уже было чересчур. Пешо повернулся, а за ним вся компания. Девочки перестали играть и смотрели на них, улыбаясь чуть ли не до самых ушей.

— Кто кричал? — грозно спросил Пешо.

Молчание. Только улыбки исчезли с лиц смеющихся детей.

— Я вас спрашиваю, соплячки, кто кричал?

На сей раз его голос был таким недвусмысленно угрожающим, что одна из маленьких девочек тут же отозвалась:

— Посмотри наверх, — указала она тоненьким пальчиком.

Пешо поднял глаза. В одном из окон первого этажа, облокотившись на подоконник, стояла Юлия. Чувствуя себя в безопасности, вне власти мальчишек, вся красная, она торжествующе смотрела на них. Юлия была одета в голубое шелковое платье, ее густые кудрявые волосы свободно рассыпались по плечам. И хотя она была так хороша и нежна, мальчишки смотрели на нее чуть ли не с ненавистью. Пешо приблизился на несколько шагов и посмотрел на нее.

— Чего кричишь? — спросил он строго, но все еще сдерживаясь.

— Хочется мне, вот и кричу!

Вызывающий ответ мгновенно запутал мальчика.

— Ты. . . ты. . . обезьяна — едва прошептал он.

— Нет, ты обезьяна. . .

Пешо сделал шаг назад. Разговор был не в пользу его достоинству.

— Ну, смотри же ты, вот поймаю тебя на улице, проучу! — сказал он мрачно, измерив сердитым взглядом красивую девочку.

— Да ну! А если мой папа схватит тебя, знаешь, что с тобой сделает?

— Что? — презрительно полюбопытствовал мальчик.

— Налупит тебя хорошенько — вот что!

— Руки коротки у твоего отца, запомни это!

— Это у твоего отца руки коротки!

Пешо ошеломленно посмотрел в разгневанное лицо девочки.

— Ты чего пристаешь ко мне? — спросил он с удивлением. — Что я тебе сделал?

— Вот и сделал!

— Ничего я тебе не делал!

— А зачем однажды обозвал меня буржуйкой?

Пешо задумался. Правда, однажды он обозвал ее так.

— Обозвал, потому что ты действительно буржуйка! Потому и сказал!

Красивые синие глаза девочки широко раскрылись от обиды, потом внезапно утонули в слезах. Она была так поражена и ошеломлена повторной обидой, сказанной таким серьезным голосом, что мгновенно отпрянула от окна, потом, плача, сказала:

— Я вот скажу твоей учительнице, посмотришь!

— Пожалуйста! — злорадно ответил Пешо. — Только тебе придется немного подождать, пока кончатся каникулы!

— И противный же ты! — вскипела Юлия. — Противный! Противный!

Пешо хотел ей что-то ответить, но увидев фигуру взрослого человека, показавшегося в глубине комнаты, поспешил убраться.

Все же совсем не было легко у него на сердце, воспоминание о плачущей девочке угнетало его. Он медленно поднялся по лестнице на третий этаж, рассеянно пошарил в кармане, вынул ключ и сунул его в замок. К его удивлению, ключ не повернулся. Он нажал второй раз, еще сильнее, но опять ничего не получилось.

В чем дело, уж не перепутал ли он этажи? Конечно нет — к дверям была прибита знакомая медная дощечка с надписью «Кирилл Андреев». Мальчик вытащил ключ и внимательно посмотрел на него. Одного взгляда было достаточно, чтобы убедиться в том, что в руках у него чужой ключ. Этот ключ действительно был похож на его, но зубчики были совсем другими и, конечно, ничего удивительного не было в том, что он не смог открыть дверь. Но откуда взялся этот чужой ключ?

Молниеносная мысль заставила его смущенно почесаться. Все ясно — он спутал свой ключ с ключом незнакомого человека во дворе. Так получилось, не иначе.

Мальчик позвонил, и его мать открыла дверь. Это была небольшого роста подвижная женщина, с такой же, как у сына, гладкой белой кожей, ее добрые глаза остановились на мальчике немного удивленно:

— Как это ты так рано? — сказала она довольно. — Ключ ты потерял, что ли?

— Нет, — коротко ответил мальчик. — Папа вернулся?

— Давным-давно. . .

Пешо пошел в кухню умываться. Интересные люди эти взрослые, никто им не мешает опаздывать, а вот не опаздывают. . . Его родители уже поужинали, ему пришлось есть одному. Пока он ел, кто-то позвонил, в прихожей послышался какой-то мужской голос, но Пешо не обратил на это никакого внимания. Через четверть часа он вошел в комнату. Отец сидел в кресле и читал газету, но потому, что он даже не поднял головы, мальчик понял, что не все в порядке.

Отец Пешо был секретарем в одном из Министерств. Мальчик взял у него высокий рост и твердый характер. Отцу было около сорока лет, он уже поседел, лицо его всегда выглядело немного уставшим. Пешо знал, что он начал седеть в тюрьме, где будучи политическим заключенным, провел четыре года.

Наконец отец оторвал глаза от газеты и смерил сына с головы до ног. Взгляд его был не на шутку сердитым.

— Садись! — сказал он твердо.

Пешо сел. Его ум быстро заработал — что плохого он мог сделать? Насколько помнит — ничего, ну совсем ничего особенного. Верно, вчера он провел в бассейне два часа вместо одного, но откуда знать об этом отцу? Что же еще? Ах, да! Сегодня на футбольном поле он порвал рубашку о колючую проволоку. Но и это не может быть причиной — он никогда не обращал внимания на такие дела.

— Только что приходил Юлин папа, — строго начал отец.

Пешо перевел дух — вот, значит, в чем дело!

— Жаловался на тебя. Ты называл Юлию буржуйкой. Это правда?

— Правда, — с удивлением сказал Пешо. — Так она и есть буржуйка. . .

В строгих глазах отца внезапно промелькнула тень улыбки.

— Кто дал тебе право обзывать людей? — спро-

сил отец, все еще довольно хмуро. — С какой это стати Юлия буржуйка?

— Так. . .

— Как это так?

— Все эти ее платьица, бантики. . . Дуется все. . . А скажешь ей два слова — сразу в рев пускается.

Снова тень улыбки промелькнула в глазах отца.

— Я представляю себе, что это за два слова. . .

— Да ничего плохого я не говорил ей. . . Чего она в наши игры лезет. . . Говорит, что она медсестра, а однажды нужно было перенести раненого. . . Хорошо, говорю, садись в самолет.

— Какой самолет?

— Ну, мусорный ящик, — с досадой ответил мальчик. — Влезай, говорю, нужно торопиться, люди кровью истекают. А она не хочет. Испачкает, видите ли, платьице. Зачем нам нужна буржуйка, которая думает о платьях, когда люди кровью истекают. . .

На этот раз отец действительно рассмеялся.

— Слушай, глупыш, уж не такой ты и маленький, — сказал он с улыбкой. — Игра игрой, а девочки девочками. У них не настолько развинчена фантазия, как у вас. . . Зачем же обижать милую девчушку?. . . Я знаю тебя, ты слишком высокого мнения о себе, но Юлия лучше тебя, а если бы она была твоей ровестницей, наверное, была бы и умнее. . .

— Ну, да! — воскликнул Пешо, но ничего больше сказать не смог, так сильна была обида.

— Так, так — покачал головой отец. Если бы ты был умным, ты никогда не обижал бы ребенка, только за то, что он не хочет пачкать платьице из-за ваших фантазий. Ты почему не постелил ей свой пиджак, кавалер ты эдакий?

— Я не кавалер! — ответил Пешо жестко.

— А-а-а, вот видишь, ты обиделся за то, что я назвал тебя кавалером! Короток же у тебя ум! А я в твои годы был кавалером, да и сейчас кавалер, признаюсь.

Пешо уставился на отца — настолько чудным казалось ему, что его отец может быть каким-то кавалером! Ведь только маменькины сынки да буржуи —

кавалеры. С какой стати настоящий мужчина будет кавалером? Настоящий мужчина даже и не разговаривает с разными там девчонками и черт знает с кем. . .

— Нечего пялить глаза, — улыбнулся отец. — Так оно. . . Юлия младше тебя, и ты должен ее беречь, как. . . цветок, не давать, чтобы волосок упал с ее головы. . . А если ее кто-нибудь обидит, ты должен броситься, как орел, и если даже тебя налупят, я скажу: «Браво. Ты мужчина, а не олух».

— А я не олух, — мрачно ответил мальчик.

— А, может быть, все же олух? — сердито возразил отец. — Раз твою игру ты ставишь выше простых человеческих обязанностей, может быть, ты и олух. Вместо того, чтобы оберегать Юлию от обид и оскорблений, ты сам набрасываешься на нее с несправедливыми обидами. . . Почему буржуйка? Потому что она всегда чистая или потому что чувствительная?. . . Ее отец видный болгарский ученый, лауреат Димитровской премии. Ты это знаешь?

— Знаю.

— А ты знаешь, что Юлия пионерка?

Пешо замолчал.

— Знаешь? — повысил тон отец.

— Знаю.

— Тем хуже для тебя. . .

Отец немного помолчал, потом серьезно заговорил:

— Завтра пойдешь к ним и извинишься перед ней! Ясно!

Пешо покраснел как рак. Все что угодно — только не это! Просить прощения у какой-то девчонки — разве он может так унизиться. Лучше пусть руку отрежут, чем так унижать его.

— Не хочу! — сказал он глухо.

Отец промолчал, глубоко задумавшись.

— Хорошо, иди в свою комнату, — сказал он холодно. — Я не насилую тебя, это не мое дело. . . Но я не хочу заниматься тобой, пока ты останешься при своем мнении. . .

Пешо молча вышел. Хотя он был очень уставшим, в эту ночь заснул после двенадцати. Он был очень огорчен и обижен, слова отца тяготили его. Назвать

его «олухом»! Как это возможно! Нет, отец увидит, олух ли он, когда. . . когда уедет в Корею! Да кто его пустит так далеко? А может, он поедет на границу, поймает там диверсанта? Да, это самое лучшее! Тогда газеты будут писать: «Мальчик-герой», или: «Маленький смелый болгарин, пламенный патриот». Ох, как придет тогда отец к нему, как виновато посмотрит на него, как виновато пробормочет: «Нет, нет, Пешо, ты не олух, ты настоящий герой, как я горжусь, что ты мой сын!» А тогда он — Пешо — бледный и гордый, будет стоять перед ним и ничего не ответит.

Мальчик вытер неожиданно скатившуюся слезу и вдруг ясно представил сражение, в котором он захватит диверсанта в плен. Все залегли, шевельнуться не смеют, а он гордо идет вперед, не боясь свистящих над головой пуль. Все смотрят на него и удивляются. «Эх! Вот это герой, вот это герой!» Эти мысли были так приятны, что он начал забывать все обиды, сон отяжелил его веки.

Перед тем, как заснуть, Пешо сердито вспомнил о Юлии. Она виновата во всем, она! И если его случайно убьют в бою, опять она будет виновата! Внезапно он вспомнил русую головку с кудрявыми волосами, падающими до плеч. «Ты не должен давать волоску упасть с ее головы!» Он улыбнулся, и какая-то совсем неожиданная нежность залила его сердце.

ЧЕЛОВЕК В БЕЛОМ КОСТЮМЕ

Только к полудню следующего дня Пешо вспомнил о ключе. Он сунул руку в карман, чтобы достать оттуда стеклянный шарик, нащупал ключ, и моментально нахлынули воспоминания. Ой, несчастный человек! Ведь он же сказал, что у него этот ключ единственный. Надо было до сих пор отыскать его и исправить ошибку! Может быть, все вышли из квартиры и, когда вернутся, не смогут открыть дверь!

Но как найти человека в белом костюме, когда имени его он не знает? Вдруг он вспомнил его необык-

кєвенно ясно — полненький, кругленький, с широким одутловатым лицом, как у безбородых, покрытым сеткой мельчайших морщинок. Пешо нахмурился: было что-то неприятное в воспоминании, но он уже не мог уловить, что именно — может быть, его внешность, может быть, его маслянистые глаза, может быть, его фальшиво-любезное обращение с ними. Воспоминание было настолько неприятным, что Пешо мгновенно исполнился неприязнью к этому человеку. Пожалуй, он не заслуживает, чтобы его разыскивали. Найдешь его, дашь ему ключ, а он только схватит его, даже спасибо не скажет. Лучше Пешо будет ждать, и пусть тот его поищет!

Все же, подумав немного, он решил, что пионер не должен так поступать. Ничего, Пешо сам его поищет! Верно, его имени он не знает, но ведь дом-то знает. Косте, сыну дворника, известны все люди, живущие в этом доме, и они смогут легко его найти. Придя к такому решению, Пешо быстро зашагал к большому белому дому, в котором жил один из его лучших друзей — сын дворника. В это время он обычно замещал своего отца.

Но в дворницкой, хотя она и не была закрыта, Кости не оказалось. Зимой в таких случаях он обычно бывал у котла парового отопления и «поддерживал давление», но где он может быть сейчас? Пешо пошел во двор, но внезапно остановился и чуть было не повернул назад. Там он заметил мелькнувшее кокетливое клетчатое платьице Юлии.

Девочка была не одна. Костя сидел на куче кирпичей и, нахмурившись, обтесывал карманным ножичком чурку. Его босые ноги, тонкие и сухие, были подогнуты под самый подбородок, нахмуренное лицо выражало откровенную досаду. Не было никакого сомнения, что эта досада вызвана присутствием Юлии, хотя она делала вид, что ничего не замечает. Девочка стояла на одной ноге, а другой раскачивала взад-вперед, внимательно рассматривая сына дворника. Оба они не замечали, что Пешо стоит у подъезда и колеблется — уходить или подойти к ним.

— Вы куда сегодня пойдете? — внезапно спросила Юлия.

— Никуда, — ответил мрачно Костя, не отрывая глаз от чурки. — Сегодня я весь день занят. . .

Юлия помолчала.

— А я думала, что вы на чердак пойдете. . .

— На какой это чердак? — спросил Костя с таким безучастным видом, что сразу же выдал себя.

— На наш чердак. . .

— Может быть! — ответил Костя с досадой. — Кто тебе сказал?

— Мне? — встрепенулась Юлия. — Никто, я просто так спросила. . .

— Кто тебе сказал? — сердито настаивал Костя.

Юлия перестала раскачивать своей тоненькой ножкой.

— Если тебе так хочется знать, Бебо мне сказал, вот кто, — ответила она вызывающе. — Вы думаете, что если ничего мне не говорите, так и сказать мне некому?

— Хорошо, хорошо! — угрожающе покачал головой Костя. — Ему тоже теперь ничего говорить не будем!

— А меня вы возьмете? — уже вполне миролюбиво спросила Юлия.

— Куда тебя взять?

— Как куда?. . На чердак!

— Нельзя! — сердито отрезал Костя.

— Почему это нельзя?

— Вот так, нельзя! Во-первых, мы девчонок вообще не берем, а во-вторых, зачем тебя брать? Еще платьице свое испачкаешь и нюни распустишь. . .

— Да я старое платье одену, — с последней надеждой настаивала Юлия.

— Нельзя, — снова отрезал Костя. — И вообще я терпеть не могу людей, которые лезут без приглашения!

Юлия беспомощно опустила плечи. Действительно, есть ли большее удовольствие, чем шарить по старым чердакам? Темно, страшно. . ., нет, не страшно, а интересно. . . Повсюду развешана старая одежда, валяются поломанные стулья, пустые бутылки, распотро-

шенные диваны, ящики, утюги без ручек, дырявые кастрюли и чего там только нет! Если поискать как следует, чего только не найдешь там — куклу без головы, коробку из-под красок, большой кристалл, почтовые марки, даже гербарий с самыми интересными растениями, забытый там много лет тому назад. Как же можно пропустить такое интересное развлечение?

— Костя, ну прошу тебя! — почти плача сказала Юлия. — Возьми меня с вами! Если ты возьмешь меня, я тебе что-то интересное дам. . .

Только теперь мальчик поднял голову и посмотрел на нее.

— Что? — спросил он серьезно.

Но Юлия еще не придумала, что именно.

— Я тебе дам. . . я тебе дам. . . а-а-а. . . карту Африки!

Костя даже зажмурился, так велико было искушение. Хорошо иметь карту Африки! Читаешь, например, Майн Рида и сразу же находишь реку, или пустыню, или огромное озеро, или водопад. . .

— Ох, нельзя! — вздохнул Костя с явным колебанием.

— А еще я тебе дам, — заторопилась Юлия, — еще тебе дам поправить мою авторучку. . .

Это уже было слишком, Костя почувствовал, как руки у него зачесались. Давненько он не поправлял авторучек и, если сейчас ему попадется в руки. . . И только он решил сдаться, как его взгляд внезапно остановился на подъезде и он увидел Пешо, смотревшего на него с молчаливым упреком.

— И речи не может быть! — быстро сказал он и встал. — Здорово, Пешо!

Юлия, как кукла, быстро повернулась на пятке. Лицо ее мгновенно побледнело, глаза широко раскрылись. Пешо молча смотрел на нее, потом хмуро пробурчал:

— Не бойся, я тебя не съем!

Но девочка продолжала испуганно смотреть на него, готовая в любой момент пуститься наутек.

— Я ведь сказал, что ничего тебе не сделаю, — с досадой повторил Пешо и сделал несколько шагов вперед. — Что было, то было. . .

Наступило неловкое молчание. Лицо Пешо совсем потемнело, губы сжались.

— И еще я хочу тебе сказать. . . извиниться перед тобой, — начал он глухо.

— Ну, что ты, за что тебе извиняться, — залепетала встревоженно Юлия. — Не надо извиняться.

— Нет, нет! Надо. Я хочу сказать, что ты не буржуйка. . . Раз ты пионерка, значит не буржуйка. Может быть, ты капризная, но это уже совсем другое дело. . .

Юлия с недоверием посмотрела на него, потом подошла совсем близко.

— Тебя били? — просто спросила она.

Пешо покраснел. Вот, значит, как она поняла его извинение! . .

— Как это били? — возмущенно воскликнул он. — Меня никогда не бьют.

— А меня иногда шлепают, — простосердечно созналась Юлия. — Бывает. . .

— Тебя — можно, — согласился мрачно Пешо и посмотрел на Костю. — Давай вставай! Я хочу спросить у тебя что-то

— А мне можно с вами пойти на чердак? — внезапно спросила Юлия, глядя ему в глаза с надеждой.

— Нельзя! — нахмурился Пешо и сухо прибавил: — Ты сразу спешишь воспользоваться!

Мальчики направились в дворницкую. Уже несколько месяцев для детей не было в доме места, интереснее дворницкой, хотя она и была тесной и темной, зажатой между лифтом и подвальной лестницей, и ее узкое, давно немытое окошко выходило во двор.

Но ни теснота ни слабый свет, едва просачивающийся сквозь стекла, не могли нарушить очарования, которое имела эта комнатка для детей.

С тех пор, как дядя Цеко, отец Кости, был привлечен на работу в профсоюз дворников, его часто замещал сын. Пешо и до сего дня завидовал умению своего друга, с которым он выполнял свои обязанности. Пока ребята весело играли на улице, Костя стоял у дворницкой, и на его лице последовательно сменялись то любезная услужливость то ледяная серьезность, в зависимости от того, обращались ли к нему за справкой или подымались по лестнице, не обращая на него внимания.

Иногда, особенно в послеобеденные часы, никто не подымался по лестнице. Но даже и тогда Пешо было интересно сидеть там вместе с Костей и рассматривать бесчисленные иллюстрации, расклеенные по стенам узкой комнатки. Там было все — футбольная команда «Ударник», Затопек на Олимпийских играх, бой Папа с американским негром Уэббом, Московская обсерватория, вулканы Камчатки, озеро Байкал, танковая атака под Сталинградом, летчик Мересьев и еще множество других вещей, которые стали мальчикам очень близкими.

Они и теперь пошли в комнатку, захлопнув перед самым носом Юлии дверь, и важно расположились на стульях.

Выслушав историю ключа, Костя потер ладонью

свой острый подбородок так, как это делал отец. Его продолговатое, сухонькое лицо выглядело озадаченным.

— Сколько ему лет, по-твоему? — спросил он.

Пешо задумался — ему всегда было крайне трудно определить возраст взрослых людей.

— Ну, должно быть, 40-50 лет, если не больше. . .

— Толстоват, говоришь?

— Довольно толстый. . . Такой. . . в белом костюме!

— В нашем доме такого человека нет! — сразу решительным тоном заявил Костя.

— Как это нет? Он же сам сказал, что живет здесь.

— Может, ты мне скажешь, кто здесь живет? — обиделся Костя. — Ты ведь говоришь, что у него есть девочка?

— Он так сказал. . .

— Хорошо. В нашем доме живут три девочки. . . Отец Павлины молодой, носит значок ГТО. . . У Зорьки отец сейчас за границей, на какой-то специализации в Венгрии, он тоже молодой. Вот отец Верки пожилой, но он худой, как щепка.

— Ты уверен?

— Ну а как же? Да я здесь знаю людей, как свои пять пальцев!

Пешо и сам понимал, что Костя не хвастает, и в замешательстве замолчал. Что это за чудная и таинственная история? Значит, человек в белом костюме соврал! Но зачем ему обманывать их? Какой ему интерес? И зачем это взрослому человеку обманывать детей безо всякой нужды?

Пока они размышляли и удивлялись, в комнату вошел Веселин. Подняв брови, он выслушал странную историю, потом, не сказав ни слова, глубоко задумался. Вдруг его лицо просветлело, в глазах появился чудесный огонек: он всегда выглядел таким, когда рассказывал мальчикам о каком-нибудь своем изобретении.

— Посмотрим, что это может быть! — начал Веселин. — Как бы то ни было, ключ с неба не упал. . . Раз человек не живет в этом доме, значит он живет в одном из соседних — слева или справа. . . Иначе, откуда может взяться этот ключ?

— Это немного странно, — сказал Пешо. — Ведь соседние дома довольно далеко. . .

— Ну не очень, — возразил Костя.

Они вышли во двор. Соседние дома находились в десяти метрах от места, куда упал ключ.

— Значит, — глубокомысленно покачал головой Веселин, — чтобы ключ упал сюда из соседних домов его нужно бросить, а не уронить. .

— И то здорово бросили его, — сказал Костя. — Спрашивается, зачем девчонке бросать ключ с такой силой?

— Раскапризничалась, вот и бросила, — ответил Пешо. — Это бывает. . .

Все трое задумались.

— Знаете что! — первым предложил Костя. — Проверим у дворников в соседних домах, есть ли там такой человек!

— Очень хорошо! — почти хором согласились ребята. — Пошли!

Костя закрыл дворницкую, и они вышли. Выйдя на улицу, они остановились у подъезда как вкопанные.

По тротуару навстречу им шел человек в белом костюме. Его полное лицо казалось опухшим, глаза были покрасневшими. В руке он держал большую хозяйственную сумку.

ЗДЕСЬ ЧТО-ТО ЕСТЬ

Трое друзей были так поражены неожиданной встречей, что не успели проронить ни слова. Пока Костя и Веселин обменивались удивленными взглядами, Пешо не отрывал глаз от странного человека в белом костюме. В этот момент и незнакомец взглянул на него, но только на мгновение и быстро отвел глаза. Все же, каким бы молниеносным ни был этот взгляд, Пешо почувствовал, что тот узнал его — что-то холодное и неприятное мелькнуло в его зеленоватых глазах. В следующее мгновение он прошел, не оглядываясь

Первым опомнился Костя.

— Этот? — спросил он тихо, все еще не отрывая

глаз от широкой, гладкой спины человека в белом костюме.

— Он! — ответил Веселин.

— Он! — тихо потвердил Пешо.

— Почему же вы тогда не остановили его?

Мальчики не могли объяснить почему. После всего, что думали о нем, они на мгновение почувствовали себя виноватыми, неожиданная встреча просто приковала их к месту.

— А интересно, почему он сделал вид, что не узнает нас? — задумчиво спросил Пешо.

— Может, он не заметил нас. . . — предположил Веселин.

— Нет, он меня видел и узнал! — хмуро сказал Пешо. — А сделал вид, что не узнает. . .

— Значит, он еще не знает, что ты спутал ключи, — вмешался Костя. — Это довольно странно. . .

— А самое странное то, что я в первый раз вижу его на нашей улице. . .

— Нет, нет! — энергично возразил Костя. — Я видел его, он живет в соседнем доме. . . Сейчас же спрошу о нем у дяди Ламби!

Дядя Ламби был дворником в доме, находившемся слева от того, в котором жил Костя. Когда к нему подошли ребята, он мыл большой тряпкой мозаичную лестницу, и что-то тихо бормотал себе под нос. Его худое лицо, как всегда, было небритым, глаза — сварливыми и нехорошими, но ребята не сердились на него, зная, что у него язва желудка.

— Дядя Ламби, — осторожно начал Костя, — как фамилия этого толстого человека в белом костюме, который только что прошел?

— Какое тебе дело? — сердито пробурчал дядя Ламби.

— Так просто. . . спрашиваю. . .

— Спроси тогда у ветра, что дует. . .

Мальчики переглянулись. Костя подумал, потом хитро подбросил:

— У нас есть письмо с неправильным адресом. . . я думал, может быть, это ему. . .

Только теперь дядя Ламби взглянул на ребят.

— Асен Тороманов его зовут. . . Он живет здесь недавно. . .

— Он, кажется, журналист? — хитро подбросил Костя.

— Какой там журналист! — сердито ответил дядя Ламби. — У него какой-то частный ларек с брошками и булавками. . .

— А вы не путаете?. . Раз у него есть ларек, почему он не сидит в нем? Сейчас рабочее время.

— Ты ведь о том спрашиваешь, который сейчас прошел в белом костюме?

— Да, о нем. . .

— В ларьке сидит его жена. . .

— А кто за ребенком смотрит?

— За каким ребенком?

— Да ведь у него есть маленькая девочка. . .

— Да отвяжитесь же вы от меня! — снова рассердился дядя Ламби. — Какая девочка? Никакой девочки у них нет!

— Ну, дядя Ламби, я серьезно вас спрашиваю! — сказал удивленно Костя. — Я знаю, что у него есть девочка!

— А раз ты так много знаешь, скатертью дорога! — крикнул нервный дворник и опять склонился над лестницей.

Мальчики молча переглянулись. Они поняли, что выудить у дворника что-нибудь большее — безнадежное дело, но и того, что он им сказал, было немало. Значит, человек в белом костюме обманул их и о девочке, у него нет никакого ребенка! Или, может быть, дядя Ламби не знает? Все трое в замешательстве стояли около молчавшего дворника и не знали, что предпринять.

Первым догадался Пешо.

— Давайте проверим в списке! — сказал он тихо. — Ведь в каждом доме есть список жильцов.

Список находился около входной двери, на дверцах большого деревянного ящика, в котором были заперты счетчики всех квартир. Найти имя Асена Тороманова и прочесть все относящееся к нему не представляло трудности. Он жил на четвертом этаже, в квартире

№ 3, ему было 53 года, женат, торговец по профессии. Кроме него было вписано: «Воскресия Торома́нова, 45 лет, замужем, супруга Торома́нова, домашняя хозяйка». В квартире № 3 не было больше никаких жильцов — ни детей, ни взрослых.

Ребята молча вышли из дома и вернулись в дворницкую Кости.

Все трое усиленно думали, хотя и молчали, но мысли их ни к чему не приводили.

— Я же говорил вам! — пробурчал наконец Веселин. — Видите!

Ребята сердито посмотрели на него. Что он им говорил? Ничего!

— Здесь что-то есть! — торжественно заявил Веселин.

— Что это «что-то»? — мрачно спросил Пешо.

— Не знаю что, но дела у этого человека нечистые! Он на каждом шагу обманывает нас: сначала про дом наврал, потом про девочку. Ясно, что никакой девочки нет. Для чего лжет этот человек? . . Здесь что-то есть!. .

Они опять замолчали, их просто ошеломил поток странных, запутанных мыслей.

— Здесь есть и другое, — вмешался Пешо. — Кто тогда бросил ключ? Раз девочки нет, это сделал он сам или его жена. Мне непонятно, зачем человеку бросать из окна свой ключ, а потом искать его. Если ему ключ нужен — он не бросит его, а если не нужен — он искать его не будет. Ведь не маленький же он ребенок, чтобы не понимать, что делает!

Это последнее заключение было настолько ясно и просто, что все трое переглянулись, выпучив глаза.

— Здесь что-то есть!. . — снова торжественно заявил Веселин, и глаза его блеснули.

Действительно, на этот раз все трое убедились, что здесь что-то есть, но что? Может быть, что-нибудь интересное и важное, а может быть, совсем случайное! Как угадать, как проникнуть в эту довольно странную историю?

— Кто его знает, — усомнился Костя, — может быть, вся эта история — глупость!

— Нет, нет, нет! — энергично запротестовал Веселин. — По-моему, здесь есть что-то плохое. Почему он не сказал, где живет, а соврал? Думаешь, ради удовольствия? Наверняка ему не хотелось, чтобы мы знали, где он живет. Значит, хвост у него подмочен, делишки нечистые!

— А интересно, почему этот человек сейчас не спросил о ключе? — сказал Костя. — Честно говоря, все это дело кажется мне страшно запутанным!

— Конечно, запутанное! — с удовольствием воскликнул Веселин. — Я же говорю!

— Сейчас посмотрим, как он откроет дверь, когда вернется домой! — с ехидством заметил Костя.

— Может быть, его жена откроет изнутри, — сказал Пешо.

— Жена! — торжествующе воскликнул Веселин. — Но ведь она в ларьке! Ведь она торгует там. . . брошками!. .

— Верно! — согласился Костя. — Вот в обеденный перерыв мы все узнаем!

Но до обеда оставалось еще два часа. Это время мальчики провели в маленьком квартальном сквере, находящемся против их домов. Время шло мучительно медленно. Разговор не клеился, их мысли постоянно возвращались к загадочной истории с ключом. Время от времени Костя заглядывал в дворницкую, но не задерживался там, возвращаясь к приятелям. Когда пошел второй час дня, мальчики забеспокоились. Подошло время обеда, дома их, наверное, уже ждут, наверное, матери открывают окна и ищут их. Трое мальчиков прижались друг к другу еще теснее, спрятавшись за кустами сирени, но ни на миг не упускали улицу из вида.

— Знаете что, — предложил Костя. — Вы идите обедайте, а я покараулю здесь.

Пешо и Веселин энергично отказались. Несмотря на то, что время текло так медленно, здесь им было интересно, они чувствовали себя едва ли не охотниками в засаде. Особенно возбужденным и взволнованным был Веселин: какие-то фантастические мысли все время приходили ему в голову, мелькали преступники, бан-

диты, диверсанты. И все же до конца поделиться своими мыслями он не смел: он чувствовал, что другие все еще сомневаются.

Наконец в глубине улицы появился человек в белом костюме. На этот раз он был не один. Рядом с ним шла худая женщина, с рыжими крашеными волосами, довольно хорошо одетая. Хотя она была уже немолодая, губы ее были ярко накрашены, точно такими же красными были ее туфли и лаковая сумочка. Как несколько часов тому назад, человек нес большую хозяйственную сумку, на этот раз довольно полную, потому что горбушки нескольких белых хлебов торчали наружу.

Мальчики застыли на своих местах.

— Знаете что? — тихо проговорил Костя. — Я пойду

за ними! Посмотрю, куда они войдут и как откроют дверь! Вы ждите здесь!

Не успели мальчики и слово сказать, как Костя тихомолком вылез из убежища. Пешо и Веселин видели, как он медленно пересек улицу, как зашлепал босыми ногами по тротуару, притворно-рассеянно глазея по этажам, словно ожидал увидеть какого-то знакомого. Супруги Торомановы исчезли в подъезде, Костя ускорил шаг и вошел вслед за ними. Улица опять стала безлюдной.

Прошло пять минут, которые показались мальчикам целой вечностью.

Наконец Костя вышел из дому и быстро зашагал к ним. Уже по его лицу они поняли, что произошло что-то. Он подошел к густым зарослям сирени и опустился на землю. Лицо его было красным.

— Что случилось? — спросил с нетерпением Пешо.

— Случилось! — ответил загадочно Костя, нарочно медля, чтобы возбудить их любопытство. — Интересное дело! Наш человек остановился перед дверью своей квартиры, сунул руку в карман, вытащил оттуда ключ и преспокойно открыл дверь!

— Вот видите! — воскликнул опять Веселин. — Я же говорил вам! Значит, этот ключ не от его квартиры.

— А, может быть, у него два ключа? — сказал Пешо, хотя уже сам не верил в это.

— Но ведь он же сказал, что у него нет другого ключа! — воскликнул Веселин. — Значит, он опять обманул нас!

Таинственно молчавший Костя внезапно вмешался.

— Я придумал кое-что, — сказал он. — Ведь один его ключ у нас? После обеда, когда они уйдут, мы подымемся к ним и проверим, действительно ли наш ключ сможет открыть его квартиру?

— Превосходно! — крикнул восхищенно Веселин.

— Здорово придумано! — прибавил Пешо.

После принятого решения все трое успокоились. Пешо и Веселин пошли обедать, Костя остался дежурить у дома. Ни в коем случае нельзя было упускать Торомановых! Это было необходимо для осуществления задачи.

Около четырех часов дня семья Торомановых вышла из дому и медленно пошла по улице. На этот раз человек в белом костюме был без хозяйственной сумки, его широкое лицо казалось совсем неподвижным и безразличным к окружающему миру.

Только Торомановы свернули в первый переулок, трое приятелей быстро вылезли из своего укрытия в скверике и направились к дому. У подъезда Пешо внезапно остановился.

— Веселин, ты останешься здесь! — решительно сказал он.

Веселин удивленно поднял брови:

— Мне остаться? Почему?

— Потому что кто-то должен быть на посту. Торомановы могут вернуться.

Это было, конечно, вполне разумно, но Веселин надулся.

— А почему остаться должен я? Пусть Костя останется!

— Нет, останешься ты! — решительно покачал головой Пешо. — Костя точно знает их дверь.

— Да ведь на ней есть дощечка?. .

— Может быть, и есть, но останешься ты!

— А почему бы тебе не остаться?

Пешо удивленно посмотрел на него — действительно, это не приходило ему в голову. Костя, который внимательно слушал спор, озабоченно почесал под носом.

— Ведь Пешо командир! — сказал он не совсем решительно. — Ведь он всем звеном командует. . .

— Да, но мы ведь не на самолетах, здесь совсем другое дело. . .

— Все равно! — сказал сердито Костя. — Но если тебе так уж не хочется, тогда останусь я. . .

— Ну, ладно, ладно, незачем, — пробормотал Веселин и повернулся спиной, но лицо его оставалось попрежнему нахмуренным.

Немного угнетенные неожиданным спором, Костя и Пешо вошли в подъезд. На лестнице было тихо и прохладно, яркое летнее солнце не блестело здесь. Они

бессознательно останавливались на лестничных площадках и подозрительно косились на закрытые двери. Сейчас им казалось, что через стеклянные дверные глазки на них смотрят недоверчиво, подкарауливающе, провожая их вверх по лестнице с укором и сомнением. Остановившись на четвертом этаже и увидев медную дощечку, они одновременно почувствовали, как сильно бьются их сердца. Никогда еще они не занимались таким опасным и запрещенным делом, никогда не открывали чужих дверей. Пешо сунул в карман вспотевшую, до того горячую руку, что ключ показался ему кусочком льда.

— А если там кто-нибудь есть? — сказал он шопотом.

Колебание отразилось и на лице Кости.

— И я подумал об этом, — ответил он тихо.

— Может быть, к ним приехал гость, может быть, он открывает им дверь изнутри?. .

Костя закусил губы. И это возможно. Ведь иногда и к ним приезжала бабушка, жила у них месяцами, никто и не думал вписывать ее в список жильцов.

— Тогда давай вернемся, — смущенно сказал Костя.

— Нет! — коротко и решительно ответил Пешо. — Ни в коем случае!

Костя, удивленный быстрой переменой, посмотрел на него. Разве он мог догадаться, что Пешо внезапно вспомнил о Веселине, ожидавшем их у подъезда, что он даже почувствовал на мгновение его насмешливый взгляд. Хорош командир, первой опасности испугался!

— Ты стой на лестнице, — уже более громко добавил Пешо и решительно направился к дверям квартиры.

Когда он сунул ключ в скважину, сердце его снова сильно заколотилось. Ему казалось, что в любое мгновение двери могут распахнуться перед его носом, на пороге покажется сердитый человек и схватит его за ухо. И все же, несмотря на смущение, он почувствовал, что ключ с трудом вошел в скважину. Ему не оставалось ничего другого, как нажать и повернуть его. Раз-два.

— Не поворачивается, — сказал Пешо и повернул к Кости свое вспотевшее лицо.

— Попробуй еще раз!

Пешо еще раз попытался, но ключ не поворачивался — уже было совсем ясно, что он не от этих дверей.

— Не поворачивается, — повторил он слегка дрожащим голосом.

— Хорошо, тогда давай-ка убираться! — сказал Костя, смотря вниз по лестнице.

Пешо дернул ключ, но он не поддавался. Испугавшись, Пешо задергал еще сильнее. Никакого результата. Внезапно мальчик почувствовал, как холодный пот покрыл его спину.

— Не поддается, — сказал он.

— Понял, понял, пошли!

— Да ключ не вылезает, — объяснил Пешо.

Костя снова посмотрел вниз по лестнице, ему показалось, что на первом этаже хлопнула дверь лифта.

— Иди сюда, посторожи!

Костя подошел к двери, взялся за ключ и совсем легко, как будто ничего и не было, вытащил его. Пока оба мальчика быстро бежали вниз, им казалось, что гора свалилась с их плеч. На улице их ждал Веселин. От нетерпения лицо его вытянулось.

— Ну? — спросил он выразительно.

— Ключ не подходит, — ответил задумчиво Костя — Он не от этой двери.

Не глядя друг на друга, мальчики с минуту молча стояли на улице, и каждый думал о своем. После полумрака и прохлады лестницы, сейчас улица казалась им нестерпимо яркой и горячей.

— Пойдемте в дворницкую, — первым предложил Костя, переступая босыми ногами по горячим плитам.

Предложение было дельным. Они вошли в дворницкую, закрыли дверь и завесили газетой маленькое круглое окошечко, выходящее на лестницу. Так, изолировавшись от всего внешнего мира, они могли спокойно обдумать все, что произошло.

— Не нравится мне это, — заговорил первым Веселин. — Здесь уже действительно что-то есть.

Теперь Пешо больше всех был убежден в этом. Его ум усиленно работал, но ни к чему прийти не смог.

— Самое важное — это ключ, — сказал он тихо.

— Конечно, ключ, — оживленно согласился Веселин. — Что бы там ни было, этот ключ открывает какие-то двери. Так ведь?

— Так, — кивнул головой Костя.

— А раз так — дело становится интересным, — увлекся Веселин. — Скажите пожалуйста, почему у этого человека ключи от двух квартир?.. Зачем он бросил ключ?.. Почему после этого искал его?.. Почему до сих пор он не знает, что потерял настоящий ключ?.. Почему он обманул нас несколько раз?

Глаза Веселина просто загорелись от возбуждения.

— Видите, какая запутанная история? — прибавил он, заикаясь. — Я уверен на все сто процентов, что за всем этим скрывается какая-то конспирация... Этот человек — фашист, он задумал что-то плохое против государства!..

Эти слова были сказаны так смело, что все трое замолчали. Дело, которое вначале казалось им едва ли не забавной шуткой, стало принимать необыкновенно серьезный и опасный характер.

— Раз это как, — первым начал Костя, — мы должны сразу же сообщить в милицию.

— В милицию? — встрепенулся взволнованно Пешо. — Только этого не нужно делать.

— Как это так? — не понял Костя. — Мы все сознательные пионеры. Это... это просто... как вам сказать... просто наш долг!

— Подожди, не торопись! — прервал его Пешо, покраснев. — Ведь еще ничего нет, ничего не случилось.

— А по-вашему, что делать? — настаивал Костя. — Так и ждать, что ли?

— А я говорю тебе, не торопись! — уже сердито отозвался Пешо. — А если все это окажется какой-нибудь мелочью? Ведь нас засмеют!

— Нет, это не может быть мелочью! — разозлился в свою очередь Костя.

— Может и не мелочь, но они могут подумать, что

мелочь. Ну, большое дело — у какого-то человека ключи от двух квартир! Просто они, может, не обратят на нас никакого внимания!

— Не может быть! — нахмурился Костя.

— А ты уверен, что не может быть? Вот слушайте. В прошлом году мы ездили на море, в Созополь. . . Ладно, но ведь у нас дома остались две красные рыбки, что с ними делать? И мама оставила ключи тетке, чтобы она сменяла им воду и вообще следила, как бы не пропало что-нибудь. Вот вам и человек с ключами от двух квартир!

Мальчики пораженно молчали.

— А кто же тогда бросил ключ и зачем? — мрачно спросил Веселин.

— Почем я знаю, — пожал плечами Пешо. — Может, его девочка бросила. . .

— Да ведь ты же знаешь, что никакой у них девочки нет, — сердито отозвался Веселин.

— У них-то нет, а может к ним в гости приходила. . . Девочка, значит, была, а потом ушла. . .

— Да, но ведь он сказал, что девочка его. . .

— Сказал, — с досадой пожал плечами Пешо. — Ты разве еще не понял, что когда взрослым лень объяснять, они предпочитают обмануть. . .

Веселин в отчаянии замолчал. Верно, все могло быть так, как объяснял Пешо, но что-то внутри подсказывало ему, что дело в сущности совсем другое.

— Ну, хорошо, что ты предлагаешь? — вздохнул он.

Пешо задумался.

— Я предлагаю пока ничего не говорить милиции, — продолжил Пешо. — Нужно сначала все подробнее выяснить и тогда. . . Первым делом нужно узнать от каких дверей второй ключ. Если мы сумеем узнать это, нам легче будет разобраться во всем -- случайно ли это, или есть что-то опасное. . .

— А как же узнать, ведь дело-то не шуточное, — вздохнул Костя.

— Очень просто — будем следить за ним, — сказал, разгорячившись, Пешо. — Будем постоянно следить, куда ходит, с кем встречается, чем занимается. Будем неотступно ходить по его следам, как разведчики! . .

Если будем следить хорошо, мы не можем не узнать его тайны. . .

— Нелегкое дело, — почесался Костя — Сумеем ли мы справиться?

— Сумеем! — восхищенно воскликнул Веселин. — Я уверен на все сто процентов, что сумеем. Ох, посмотришь, как интересно будет!

Костя тревожно поднялся с места.

— Я не знаю, — пожал он плечами. — Мне кажется, что лучше сообщить в милицию. Там люди знают свое дело, им ясно, что делать!. . Еще испортим что-нибудь. . . Мы ведь пионеры, отвечать будем. . .

— Ответим! — резко сказал Пешо. — Ведь я же говорил, если откроем что-нибудь или появится опасность — сразу же сообщим в милицию.

— Хорошо, я согласен, — все еще колеблясь, произнес Костя.

— Браво, да здравствует Костя! — восхищенно воскликнул Веселин. — Вот это здорово!

С минуту мальчики радостно молчали. Комнатка уже не казалась им такой темной, теперь она была для них самым красивым уголком на земле. Их глаза радостно блестели при мысли о будущих приключениях и будущих интересных раскрытиях.

— А что делать с ключом? — вспомнил внезапно Веселин.

Странно, что эта простая мысль до сих пор не приходила им в голову. И все трое задумались.

— По-моему, лучше всего вернуть ключ человеку. . . — сказал Костя. — Если мы оставим его у себя, он может усомниться. . . Раз мы решили следить за ним, лучше, чтобы никаких подозрений у него не было...

— Верно, и я так думаю, — кивнул головой Пешо.

Наступило короткое молчание.

— У меня идея! — воскликнул Веселин. — Мировая идея!

— Ты сам хвалишь свои идеи! — Пешо немного насмешливо посмотрел на него.

Но Веселин не смутился.

— Вернуть ему ключ — это хорошо! — продолжал он. — Но представьте себе, что нам понадобится этот

ключ! Я предлагаю пойти в мастерскую и заказать для нас еще один или два таких же ключа!

Теперь и Пешо должен был согласиться, что идея действительно чудесная. Подумав, они решили сразу же, не теряя времени, заказать запасные ключи. Человек в белом костюме еще в этот же вечер может потребовать свой ключ.

— Я знаю одного мастера, — сказал Костя, — я часто заказывал у него ключи для наших жильцов. . . Случалось, что иногда и в полчаса сделает, пока там подожду немного. . .

— Тогда пойдемте сейчас же! — предложил Пешо.

И все трое энергично поднялись со своих мест.

— А деньги? Есть деньги? — предусмотрительно спросил Костя.

Ему не успели ответить. В это же мгновение под узким и пыльным окном дворницкой послышался сильный шум — как будто падали ящики, что-то ломалось, — потом тонкий крик девчонки донесся до их ушей. Не говоря больше ни слова, все трое бросились туда — мимо лестницы, через черный вход, во двор.

То, что они увидели, заставило их одновременно остановиться и изумленно вытаращить глаза. Там, под узеньким окошком, среди разбросанных и сломанных ящиков и мусорных ведер, лежала Юлия и испуганно смотрела на них. Ее красивое клетчатое платье было разорвано каким-то гвоздем, колени здорово сбиты, но она не плакала и даже не двигалась с места — только смотрела на них широко открытыми глазами.

Им сразу же все стало ясно — она подслушивала! Она поставила ящики на мусорные ведра, взобралась на них и подслушивала в разбитое окно.

— Что ты там делаешь? — возмущенно спросил Пешо.

Юлия молчала, не двигалась — только ноги ее смешно торчали среди ящиков и ведер.

— Слышишь? — повторил тем же тоном Пешо. — Я тебя спрашиваю, что ты здесь делала?

— Ничего. . . — чуть слышно ответила девочка.

— Как это ничего? Ты подслушивала!

Юлия не ответила.

— Я спрашиваю тебя, ты подслушивала? — угрожающе закричал Пешо и сделал несколько шагов к ней.

Юлия испуганно замигала.

— Подслушивала, — сказала она подавленно, не шевельнувшись.

— Ты все слышала? — спросил Пешо в отчаянии.

Такое же отчаяние, вызванное неожиданным, страшным провалом, который мог положить конец всем их мечтам, отразилось и на лицах двух других ребят.

— Все, — тихо подтвердила Юлия.

Первой мыслью Пешо было подойти к ней и здорово ее налупить. Как осмелилась она так подло подслушивать, так безмилостно разрушить все их планы? Но беспомощный вид девочки, ее испуганные глаза, а быть может, ее искренние ответы мгновенно смягчили его сердце. «Ты должен быть кавалером», — внезапно вспомнил он слова отца. «Быть кавалером! Ох, не легко это!» Не говоря больше ни слова, Пешо подошел к Юлии и осторожно вытащил ее из-под ящиков. Поднимая ее, он почувствовал, что девочка вся дрожит — от страха или от только что пережитой неприятности — понять было нельзя.

— Не бойся, мы тебя не съедим, — сказал Пешо мрачно.

Юлия испуганно рассматривала свои ободранные колени, но примирительный тон мальчика ободрил ее.

— Нечего сказать, разукрасилась же ты, — с известным злорадством прозвучал за их спинами голос Кости. — Так тебе и надо!

— Оставь ее! — недовольно проворчал Пешо и повернулся к девочке. — Пошли с нами!

Мальчики почти втолкнули Юлию в дворницкую, но сами не вошли. Их взгляды выражали полное отчаяние.

— Что теперь делать? — первым начал Пешо. — Если Юлия знает, значит весь город знает. . .

— Надо пригрозить ей! — твердо сказал Веселин. — Заставим ее дать клятву, что не выдаст.

— И я так думаю, — сердито отозвался Костя. — Чертова обезьяна, подкараулила-таки!

— Мы сами виноваты, — мрачно сказал Пешо. —

Провалились еще в самом начале. Как можно никаких мер не принять! Тепер все пропало.

— Не пропало, — вмешался Веселин. — Пригрозим ей как следует. Скажем ей, если проронишь хоть одно слово — голову тебе оторвем!

— Глупости, — вздохнул Пешо. — Мы ее напугаем сегодня, а завтра она все забудет и выдаст нас.

— Вот беда! — мрачно пробормотал Костя.

— Хорошо, тогда заставим ее дать нам честное пионерское!

Предложение Веселина заставило их задуматься. Это уже другое дело, никакой настоящий пионер не может изменить своему слову. Значительно успокоившись, трое друзей вошли в комнатку. Юлия стояла близко к дверям и по ее смущенному лицу они поняли, что она снова пыталась подслушивать.

— Эх и противная же ты девчонка! — не сдержался Костя. — Все суешь свой нос, куда не следует!

— Ты слышала о чем мы говорили? — спросил Пешо.

Юлия обиженно передернула плечами.

— Вот еще! Да я вообще не подслушивала!

— Знаю, знаю, ты не из тех, что подслушивают! — усмехнулся Веселин. — Разве можно, ты ведь как ни как пионерка. . .

Юлия нахмурилась и села на стул.

— А в прошлый раз, когда под окошком подслушивала, ты что слышала? — спросил Пешо.

— Слышала. . .

— Знаю, что слышала, а что?

Юлия не ответила. Потом мгновенно повернулась к приятелям с широко открытыми блеснувшими глазами и таинственно зашептала:

— И я хочу войти в вашу банду!

— Какую банду? — вздрогнул Пешо. — Да мы что, бандиты что ли?

— Знаю, знаю. Я все поняла. Я хочу вместе с вами искать ключ!

— Какой ключ?

— Да ключ, который открывает комнату.

— Какую комнату?

— Да комнату Торöманова!

— Вот так поняла, ничего ты не поняла! — с досадой сказал Костя. — И откуда приходят в твою голову такие глупости?

— Только посмей выдать нас, мы из тебя котлету сделаем! — пригрозил Веселин.

— Да-а, а вы возьмете меня в свою банду?

— Да ведь тебе же сказали — какая банда, мы не бандиты! — ответил Веселин. — Мы пионеры и действуем по-пионерски.

— И я пионерка.

— Пионерка, а мелешь, сама не знаешь что, — вмешался Пешо. — Это дело не для детей, а тем более не для девчонок.

— Раз так, то я в милицию заявлю, — решительно сказала Юлия.

— Трое друзей вздрогнули. В это мгновение им хотелось надавать ей таких пощечин, чтобы она посинела.

— Что же ты заявишь в милицию? — все еще сдерживаясь, спросил Пешо.

— Скажу, что вы не хотите им сказать!

По упрямому выражению девочки, по ее решительно сжатым губам они почувствовали, что она выполнит свою угрозу. Положение становилось совсем безвыходным, они молча и беспомощно посмотрели друг на друга, потом Пешо хмуро сказал:

— Ты подожди здесь, мы сейчас придем!

Около четверти часа продолжалось совещание у дверей дворницкой. Когда же они вернулись, судьба Юлии уже была решена, хотя и после тысячи колебаний.

— Хорошо, — сухо сказал Пешо. — Мы принимаем тебя. Только ты должна предварительно дать клятву и честное пионерское слово.

— Я поклянусь! — засветившись от радости, воскликнула Юлия. — Пусть мои глаза лопнут, если. . .

— Нет, не так, — поморщились мальчишки. — Нужно по всем правилам!

Уже через несколько минут Юлия стала официально членом их группы.

Как мальчики и предполагали, старый мастер сделал запасной ключ в полчаса. Он подал ключ, даже не взглянув на них, молча взял деньги и небрежно бросил их в ящик стола.

Выйдя из мастерской, трое друзей сразу же сравнили ключи. Разумеется, они были совсем одинаковы, только второй был не железный, а бронзовый. Да, нет сомнения, придумано было отлично! С этого дня таинственная квартира, открывавшаяся ключом Торманова, будет принадлежать и им, лишь бы, конечно, открыть, где она находится.

Этим же вечером Пешо отнес ключ человеку в белом костюме. Он пошел один — Костя и Веселин остались ждать на улице. Второй раз за этот день он встал перед коричневой дверью с широкой медной дощечкой. Нажав звонок, Пешо почувствовал, как усиленно забилось его сердце. Нет, это никуда не годится, надо любой ценой, словно ничего и не произошло, выглядеть как можно спокойнее перед человеком в белой одежде!

В коридоре послышался ясный и резкий звонок, потом наступила тишина. Пешо стал ждать, внимательно прислушиваясь, не раздадутся ли в квартире шаги. Прошла минута, две, но внутри было все так же тихо — не скрипнула дверь, не послышались шаги. Только Пешо хотел было позвонить еще раз, как он инстинктивно почувствовал, что в маленький круглый глазок за ним внимательно следит невидимый человек. Еще несколько секунд — и двери бесшумно отворились, на пороге появилась высокая и худая мадам Торманова, одетая на этот раз в длинный до полу красный бархатный халат. Лицо ее выглядело неприветливым, так же неприветливо прозвучал ее немного сиплый голос.

— В чем дело, мальчик?

— Можно видеть господина Торманова? — учтиво спросил Пешо.

— Зачем он тебе? — мелькнуло удивление в голосе женщины.

Только сейчас Пешо заметил, что Торманова держит в руке зажженную папиросу.

— Дело касается одного ключа, — все так же вежливо добавил мальчик.

Пешо ясно заметил, как его неожиданный ответ сильно смутил женщину. Она вздрогнула, ее глаза на мгновение сузились, потом снова широко раскрылись.

— Какого ключа? — спросила она изменившимся голосом.

— Господин Тороманов потерял свой ключ! — почти с удовольствием ответил Пешо.

— Глупости, никакого ключа он не терял! — нервно воскликнула женщина.

— Я хочу сказать — мы обменялись по ошибке ключами. . .

Лампы на лестнице внезапно погасли — они были с автоматическим выключателем. Пешо почувствовал, как мимо него прошумел красный халат, и его обдало сильным неприятным запахом духов.

Потом лампы снова вспыхнули.

— Подожди немного! — сказала уже спокойно женщина и быстро исчезла в квартире.

Вскоре на пороге показался Тороманов. Как Пешо и ожидал, по его лицу разливалась любезная, почти угодническая улыбка.

— А, это ты, малыш? — спросил он ласково. — Так что, говоришь, случилось?

— Вы наверное помните, что вчера я возвратил вам потерянный ключ. . .

— Помню, мой мальчик, как не помнить!

— Хорошо, но произошла ошибка. . . Я отдал вам мой ключ, а ваш остался у меня.

— Да? — вздрогнул Тороманов. — Вот это да! А где мой ключ?

Пешо вынул его из кармана и вежливо протянул. Как и в первый раз, ему показалось, что человек в белом костюме как-то алчно выхватил ключ из его рук, его широкое полное лицо потемнело от прилива крови.

— Молодчина!. . Большое тебе спасибо! — сказал он с непритворной благодарностью.

— А вы сейчас вернете мне мой? — спросил Пешо.

— Конечно! — воскликнул Тороманов. — Сию минуту!

Тороманов, с неожиданным для его полноты проворством, исчез в квартире и скоро вернулся с ключом и каким-то бумажным пакетиком в руках.

— Это конфеты! — сказал он добродушно и быстро сунул их ему в руки. — Угощайся! Хорошие и сознательные мальчики должны получать вознаграждение за свое усердие!

Пешо взял конфеты, смущенно пробормотав какую-то благодарность.

— А откуда ты узнал, что я живу здесь? — спросил Тороманов невинным голосом.

— Увидел вас, когда вы входили в дом. . .

— А я, не желая того, подвел тебя. . . Я в сущности был в гостях в соседнем доме. . . Там их девочка бросила ключ. . . А как ты узнал мою фамилию?

— Расспросил людей, — ответил Пешо. — Они мне сказали.

— Так. . . так. . . Браво, умный мальчик!. . — промямлил Тороманов.

Этим и закончился разговор. Тороманов по-отцовски потрепал мальчика по худеньким плечам, подмигнул ему и вошел в квартиру. Пешо задумчиво стал спускаться по лестнице.

Человек в белом костюме держался так естественно, ответы его были так разумны и убедительны, что Пешо действительно встревожился.

Внизу на улице его ждали друзья. Увидев их любопытные глаза, Пешо еще больше нахмурился. Нечего делать, нужно им сказать всю правду! Он не пропустил ни одной даже мальчайшей подробности и наконец с горечью заключил:

— Я же говорил вам, что не нужно ничего сообщать милиции. Сейчас там просто посмеялись бы над нами!

Костя и Веселин угнетенно молчали. Первым попытался поднять настроение Веселин.

— Что бы ты не говорил, — пробормотал он, — одно остается по-прежнему: ключ не от его квартиры!

— Ну, и что?

— Как, что? Да это по-твоему не сомнительно? Вместо того, чтобы сказать правду, он опять обманул

тебя. Это человек обманывает тебя на каждом шагу, а ты готов ему верить!

Лица Кости и Пешо просветлели.

— Лучше всего, — подхватил обнадеженный Костя, — давайте опять проверим все его обманы! По его словам, он был в нашем доме и какая-то девочка бросила ключ! Хорошо, я вам вчера сказал, что в доме живут три девочки — Павлина, Зорька, Вера. . . Можем их спросить, — был ли у них Тороманов и верно ли, что они бросили его ключ?. .

Эта мысль им понравилась, все трое сразу же ухватились за нее. Первым, однако, усомнился в удаче Пешо.

— Все три девочки очень маленькие, — заметил он. — Как будем их расспрашивать? Они только выпучат глаза и испугаются нас. Ничего не выйдет из всего этого!

— Нет! Выйдет! — возразил оживленно Веселин. — Поручим Юлии расспросить их! Она девчонка, знает, как подойти к ним.

Пешо и Костя переглянулись в нерешительности.

— Лучше не вмешивать Юлию в это дело! — покачал головой Костя. — Вместо пользы натворит какую-нибудь беду!

— Мы ее приняли, и она дала честное пионерское слово! — упорствовал Веселин. — Почему она не может нам помочь?

— А какая это Верка? Сестра Бебо? — догадался Пешо.

— Да, — кивнул Костя.

— Тогда спросим у Бебо?

— Нельзя, ведь Бебо был с нами во дворе! Нужно спросить именно девочку. Говорю вам, что лучше всех справится с этим Юлия.

Первым уступил Пешо. Приняв решение, трое друзей быстро отправились к дому, где жила Юлия. Окно на первом этаже как всегда было открыто, но Юлии не было видно. Мальчики повертелись внизу, подождали, потом тихо, но настойчиво свистнули.

Еще при втором сигнале в окошке показалась кудрявая головка девочки. При виде трех приятелей лицо

ее засветилось от удовольствия, она радостно высунулась из окна.

— Слушай, Юлия, спустись к нам! — заговорщически прошептал Веселин.

— Сейчас?

— Да. . .

— Но мой папа здесь, — сказала почти испуганно Юлия, беспомощно глядя на ребят.

— Ну и что же? Ты выйдешь ненадолго. . .

— Он меня потом ругать будет.

Костя презрительно пожал сухими плечами.

— Я ведь говорил не связываться с девчонками, — сказал он недовольно.

Этого было совсем достаточно, чтобы разбить все колебания девочки. Она зло сверкнула глазами на неожиданного врага, быстро, как мышка, оглядела комнату, и тихо шепнула:

— Сейчас иду! Подождите!

Действительно, через несколько минут она уже была с ними, радостная и гордая тем, что находится в такой почтенной компании, счастливая от того, что она нужна. О строгом отце она быстро забыла, ее глаза так и горели во мраке.

— Говорите! — поторопила она, сгорая от нетерпения и любопытства.

— Слушай! — начал строго Пешо. — Возлагаем на тебя важную задачу! Берешься за нее?

— Берусь! — воскликнула восхищенно Юлия.

Тогда все трое почти в один голос начали объяснять ей, что нужно делать.

ЮЛИЯ НАПАДАЕТ НА СЛЕД

Каждое утро к десяти часам в дом Кости приходила старая немка с тростью, которую дети называли танти Клара. Не поднимаясь на этажи, она звонила внизу и скоро на тротуар высыпала целая куча оживленных и весело щебечущих детей. За небольшую плату танти Клара водила их каждый день на прогулку в большой

городской парк, где учила их различным играм и немецкому языку. Дети — мальчики и девочки — были маленькими, преимущественно дошкольного возраста, но в это утро, как никогда, с ними пошла и Юлия.

Как и обещала, она выполняла возложенную на нее задачу, хотя сейчас это далеко не казалось таким увлекательным и интересным, как вчера вечером.

Скоро с веселыми криками дети направились в парк. Танти Клара отлично командовала своей детской армией. Когда нужно было пересекать какую-нибудь улицу, все останавливались, старая немка внимательно оглядывала улицу своими водянисто-синими близорукими глазами, поднимала тонкую тросточку и важно произносила:

— Вперед!

Дети бросались вперед, крича и подставляя ноги друг другу.

В конце детской процессии, неловко, чуть нахмурившись, шла Юлия. Ох! Хоть бы ее не встретили школьные подруги! Чего доброго, они подумают, что Юлия пошла играть с детьми в жмурки! Большая девочка, а с детьми играет! Стыд и срам! И лишь одно поддерживало ее настроение — в группе были все три девочки, которые ей необходимы — Павлина, Зорька, Вера. Самая маленькая, Павлина — в коротком платьице, из-под которого виднелись белые трусики, черненькая, подвижная, шумная; самая большая, Вера — худенькая, задумчивая девочка с острыми плечиками и в очках. Средняя — Зорька была самой несчастной из всех троих, хотя несчастье свое она переносила с добродушной улыбкой. Она была очень толстая, ее розовые щечки просто лопались, а платьица всегда казались тесными. Дети непрестанно вертелись около нее, щипали за голые ноги, дразнили ее Толстухой и Бочкой, но Зорька терпеливо переносила все, и с ее розовых губ не сходила добрая улыбка.

Скоро дети достигли парка. Там было еще тихо и безлюдно, громадные старые деревья бросали густые тени, кое-где на скамейках сидели то студент с книгой в руке, то молодая мать, легко покачивающая маленького ребенка в колясочке. Дойдя до детской площадки,

питомцы танти Клары сразу же разбежались кто куда — одни строили в песке тонели и водохранилища, другие носили воду в ведерочках, третьи столпились в конце аллеи, чтобы посмотреть красивую разноцветную радугу, образовавшуюся от искусственного дождя автоматических оросителей. Юлия сразу же взяла трех девочек и отошла с ними в сторону. Вначале нужно было их расположить, поиграть с ними. Но в какую игру? Дети предложили сами: «Добрый день, царь великодушный!»

— Хорошо, кто будет царь? — спросила Юлия.

— Я, я, я!. .

Больше всех кричала маленькая Павлина.

— Царем будет Зорька, а ты, Павлинка, будешь ей отвечать. Согласны?

Павлина надулась, но согласилась. Дети пошептались, потом пошли к Зорьке, торжественно мигавшей на своем мнимом троне, и глубоко поклонились. Павлина начала игру.

— Добрый день, царь, великодушно поздравляем вас с днем ангела!

— Что, что? — удивилась Юлия. — Великодушно поздравляем?

— Да. . . — тонким фальцетом ответила Павлина.

— Не так, Павлина, нужно сказать «царь великодушный».

— Это нехорошо — «цар великодушный».

— Почему нехорошо?

— Потому что царь плохой!

— Видишь ли, Павлина, это игра такая. . . Этот царь может быть хороший. . .

— А папа говорил, что все цари плохие, — упорствовала Павлина.

— Хорошо, давай, как знаешь.

— Добрый день, царь, великодушно поздравляем тебя с днем ангела!

— Добрый день, — ответила тонким голосом Зорька. — Где вы были?

— Дома,

— Что вы делали?

Не говоря ни слова, три девочки начали молчаливо

мять руками. Их лица были необыкновенно серьезны, как будто они выполняли какую-то очень трудную и важную работу.

Зорька глубоко задумалась.

— Вы месили хлеб! — воскликнула она с посветлевшим лицом.

— Нет! Нет! — торжествующе раскричались подруги. — Не узнала!

Зорька опять погрузилась в глубокое раздумье, ее круглое лицо стало совсем красным. Что же это может быть?

— Ага! Угадала! Душите кошку!

— Что? — встрепенулась Юлия. — Что ты сказала?

— Душите кошку руками! — спокойно объяснила Зорька.

— Как не стыдно! — искренне возмутилась Юлия, потом строго прибавила: — Но как же это, царь великодушный, хорошие девочки могут душить. . . кошек! Просто странно, как это могло прийти тебе такое в голову!

— А ты душила когда-нибудь кошку? — полюбопытствовала Верка.

— Душила. . . — призналась немного пристыженная Зорька.

— А кошка?

— Кошка царапала меня. . .

— Ну, и мало тебе! — рассердилась Юлия. — Слушай, царь великодушный, мы не такие, никаких кошек не душим! Делаем что-то другое!

— Покажите снова! — со вздохом попросила Зорька.

Дети повторили игру.

— А. . . а. . . поняла! — догадалась наконец Зорька. — Стираете!

Дети громко рассмеялись и начали скакать на месте.

— Вот теперь ты узнала! — серьезно ответила Юлия. — Хорошо, кто сейчас будет царем?

— Я! — выступила вперед Павлина.

— Пусть будет сначала Вера, а потом ты.

— Нет, сначала буду я, а потом Вера!

— Видишь, какая ты непослушная, — сказала с укором Юлия.

— Да ну-у!?

— Конечно непослушная! Зачем ты два дня тому назад бросила ключ одного дяденьки? Я знаю, мне все сказали!

Павлина сердито посмотрела на подруг.

— Ничего я не бросала! — сказала она обиженно. — Зачем выдумываешь!

— Павлина, ты не должна мне врать! Ведь приходил же к вам в гости человек? А ты взяла да выбросила его ключ.

— Нет!

Юлия продолжала допрос, но маленькая Павлина упорно отрицала — нет и нет! Юлия задумалась.

— Слушай, Павлиночка, если ты скажешь мне правду, дам тебе одну. . . конфету. . .

— Да я не бросала ключ! — уже сердито возразила Павлина.

— Хорошо, дам тебе. . . куклу. . .

Девочка немного удивленно и подозрительно посмотрела на Юлию.

— Тряпичную?

— Нет, не тряпичную, настоящую. . .

Павлина наморщила свой маленький курносый носик.

— Я бросила ключ дяденьки, — сказала она со вздохом.

— Какого дяденьки?

— Да того, которого. . . ключ я бросила. . .

— А как он был одет?

— В костюме. . .

— В костюме, но каком?

— В настоящем. . . — ответила с досадой Павлина. — А у куклы есть глаза? Стеклянные?

— Стеклянные. . . А не в белом костюме он был?

— В белом, — отчаянно кивнула Павлина.

— Такой толстый, да?

— Да, толстый, толстый, толстый!

— А куда ты бросила его ключ?

— В мусор его бросила!

— Как так в мусор? — отчаянно вздохнула Юлия.

— В мусорный ящик. . .

— Вот видишь, опять врешь! Ты ведь бросила его ключ через окно. Я знаю все! Через окно во двор! Так ведь?

— Да, — уже уныло подтвердила Павлина. — А ты когда дашь мне куклу?

— Она врет, — грубо отозвалась Верка. — Врет, как цыганка, ради этой куклы.

— Ну да. . .

— Да если ты хочешь знать, все ваши окна выходят на улицу! Как же можно бросить ключ во двор?

Павлина беспомощно заморгала.

— Ведь я же бросила его ключ на улицу. . .

Юлия с молчаливым укором посмотрела на маленькую обманщицу.

— Слушай, Павлиночка, если скажешь мне правду, дам тебе куклу. На что она мне, — добавила она с горечью, — я уже большая! Если ты бросила ключ, я тебе куклу дам, а если и не бросила, я все равно дам. Ты только скажи мне правду!

— Нет, Юля, — искренне ответила девочка. — Не бросала я его ключ.

— И не видела того дяди?

— Нет!

Юлия глубоко вздохнула.

— Слушай, Зорька, может быть, ты бросила ключ?

Зорька даже глаза вытаращила от удивления.

— Кто, я бросила ключ? — драматически повысила тоненький голос Зорька.

— Ты, конечно. Не знаю я разве, какая ты сумасшедшая! Ну, признавайся, признавайся!

Зорька глубоко задумалась.

— А у тебя есть еще кукла? — спросила она, и темные маслинки ее глаз блеснули.

У Юлии была еще одна кукла, но пожертвовать и ею — это уже было слишком!

— Я тебя сейчас заворожу, а ты только посмей не сказать правду! — пригрозила она с серьезным выражением лица.

— Как это заворожишь?

— Вот сейчас увидишь.

Юлия плюнула на свою ладонь и посмотрела на девочку исподлобья.

— Если Зорька меня обманет, пусть ее глаза разлетятся на четыре стороны, как эти слюни!

Она ударила по ладони ребром другой ладони, слюни разлетелись во все стороны.

Страшное заклинание свершилось. Три девочки, выпучив глаза, смотрели на Юлию, их лица, можно сказать, были испуганы.

— Говори сейчас правду — ты бросила ключ через окно или нет?

— Не бросала, — едва пролепетела Зорька.

— А к вам приходил толстый мужчина в белом костюме?

— Не приходил!

Верка, которая до сих пор молчала, внезапно сказала:

— Юли, а к нам приходил такой человек!.

— Серьезно? — встрепенулась Юлия. — Когда это было?

— Пять-шесть дней тому назад.

Юлия пристально посмотрела на девочку.

— А не было ли это два дня тому назад?

— Нет, нет, — пять-шесть дней тому назад. Он пришел к папе, посидел немножко и ушел!

— А ты бросила его ключ?

— Ничего я не бросала! — обиделась Верка. — Я даже и не была с ними.

Юлия и сама понимала — тихая, послушная девочка была не из тех, которые могут сделать какую-нибудь пакость. Но все же она подробно ее распросила. Внешнее описание человека совсем совпадало с тем описанием, которое ей дали Пешо и Веселин. Время тоже совпадало — он пришел в гости к родителям Верки к вечеру. Только день не совпадал и, конечно, Верка не бросала никакого ключа. Окончив невинный допрос, Юлия опять начала игру, но ей уже не хотелось играть, что-то со странной силой тянуло ее обратно в город. Так или иначе, она была страшно горда тем, что так успешно справилась с первой задачей, возложенной на нее.

Юлия едва дождалась конца прогулки. К обеду группа детей во главе с танти Кларой пошла обратно. Юлия поспешила вперед и, как и ожидала, нашла своих друзей в укрытии между кустов в скверике. Увидев ее, все трое ребят вскочили на ноги и с любопытством уставились на нее.

— Ну, что? — спросил нетерпеливо Пешо. — Узнала что-нибудь?

— Узнала, — ответила важно Юлия.

Но она не торопилась рассказывать, что узнала. В первый раз ей приходилось быть центром внимания таких больших мальчиков, быть им необходимой в чем-то, и сейчас ей хотелось продлить как можно дольше это удовольствие. Юлия медленно расположилась на траве и задумчиво засмотрелась куда-то над головами мальчиков.

— Ну что, будешь говорить? — вывел ее из этого состояния нетерпеливый голос Веселина.

Тогда Юлия внимательно и медленно рассказала им обо всем, что узнала у трех девочек. По напряженным лицам своих друзей она понимала, что они с интересом следят за ее рассказом и даже удивляются ловкости, с которой она вырвала сведения.

— Молодец, — скупо похвалил ее Пешо, стараясь придать своему голосу равнодушный тон, но она сразу почувствовала, что ею довольны. — Ты хорошо справилась с этой задачей.

— Ого, я еще и не то могу сделать! — гордо воскликнула Юлия. — Только бы вы захотели!

Но ее бахвальство не произвело хорошего впечатления, и Юлия смущенно замолчала. Мгновенно словно все забыли о ней, как будто ребятам даже не хотелось говорить ни о чем в ее присутствии.

— А теперь что будем делать? — спросила она с колебанием.

— Посмотрим! — уклончиво ответил Пешо. — Нужно подумать.

— Я же говорил, что Тороманов обманул нас, — первым отозвался Веселин и торжествующе посмотрел на своих друзей. — Он не мог не солгать нам. Такой уж он, слова правдивого от него не услышишь!

— Интересно, что нужно было Тороманову от родителей Верки? — как бы про себя сказал Пешо. — Может быть, они. . . заодно. . .

— Глупости! — срезал его Костя. — Товарищ Апостолов — самый старый коммунист в квартале! Да ведь он же председатель организации Отечественного фронта нашего района!

Пешо стало стыдно от своего подозрения, и он молча опустил голову.

— Я. . . это я просто так сказал! — недовольно выдавил он.

— А почему бы нам не расспросить Бебо, — предложил Веселин. — Может быть, он знает что-нибудь больше о Тороманове! Может быть, знает, зачем Тороманов приходил к ним!

Идея была хорошей, но они наткнулись на неудобство. Трудно было расспрашивать Бебо, не сказав ему, почему они интересуются Торомановым. Бебо не такой ребенок. как Верка, чтобы можно было его сбить с толку заклинаниями и куклами.

— Тогда примем его в нашу группу! — сказал Костя. — Он и помогать нам будет, и мы сможем свободно расспросить его.

— Я согласен, — сказал Веселин.

— И я, — отозвалась Юлия.

Пешо исподлобья посмотрел на девочку, словно хотел ей сказать: «А тебя-то кто спрашивает?» Юлия смущенно опустила голову.

— А я вот не согласен! — возразил серьезно Пешо. — Наше дело — совершенная тайна. Нас и так уже четверо, а если станет больше, — чего доброго наша тайна разнесется по всему кварталу! Шутить этим мы не можем.

Мальчики задумались.

— А ты забыл молодогвардейцев? — нашелся Веселин. — Как много их было, а ведь никто не выдал тайны!

— Ну, это другое дело! Это Советский Союз!

Вопрос о Бебо остался нерешенным. Единственное, что они решили, было внимательно следить за чело-

веком в белом костюме. Все были убеждены в том, что если они не будут спускать с него глаз, он все же выдаст себя чем-нибудь, оставит хотя бы какой-нибудь незначительный след, по которому они пойдут.

ЮЛИЯ ИСЧЕЗАЕТ

Прошло два дня, и Пешо убедился, что их группка очень мала для того, чтобы успешно выполнить свою задачу. Да и само дело оказалось гораздо более трудным и менее увлекательным, чем они предполагали.

В первое утро человек в белом костюме вообще не выходил из своей квартиры. Пешо и Веселин были на посту в скверике, так как Костя замещал своего отца. Пока они ждали, устремив свои взгляды к дому, время шло так мучительно медленно, что им казалось, будто они простояли там не одно утро, а целый день.

После обеда дежурили Костя и Юлия. Наконец, к четырем часам дня Тороманов вышел из дому и направился к центру города. Костя и Юлия осторожно последовали за ним, всеми силами стараясь не дать ему заметить, что за ним следят. Очевидно, они переусердствовали, потому что уже в начале Алабинской улицы Тороманов внезапно исчез в толпе, и они не смогли его обнаружить. Напрасно они заглядывали во все магазины и магазинчики, напрасно осмотрели все парикмахерские и булочные — человека в белом костюме не было нигде, он словно сквозь землю провалился. Наконец, пристыженные, они вернулись обратно. Вечером на кратком совещании Пешо презрительно посмотрел на них, но ничего не сказал, только его черные брови сошлись.

На следующее утро Тороманов опять не выходил из квартиры. Часам к четырем он вышел с уже знакомой хозяйственной сумкой в руках и пошел по улице Графа Игнатьева. На этот раз Юлия и Костя значительно сократили расстояние преследования. Юлия, как менее подозрительная, шла буквально по его пятам, а Костя

следовал за нею в пятидесяти метрах, стараясь ни на минуту не упустить из виду ее пестрое платьице.

Преследование не затянулось — вскоре Торманов шмыгнул в какой-то магазин. Юлия дождалась Кости и указала ему дверь, в которую вошел Тороманов. Это был вход в букинистический магазин, и Костя, не теряя времени тоже вошел туда. Он не ошибся. Человек в белом костюме стоял у одной из книжных полок и внимательно всматривался в корешки книг. Костя храбро подошел и тоже стал рассматривать книги. Нужно было не пропустить ни одного его действия, ни одного его слова.

И все же ничего особенного не случилось. Человек в белом костюме купил целую кучу старых романов и, заплатив в кассу, небрежно запихал их в сумку. После покупок Тороманов не спеша вернулся домой той же дорогой и больше не выходил.

Вечером Костя вкратце рассказал о случившемся. Мальчики внимательно выслушали его и задумались.

— Ты обратил внимание на книги, которые он купил? — спросил наконец Пешо.

— Обыкновенные романы. . .

— А хоть некоторые названия ты запомнил?

Костя смущенно почесался.

— Я не смог их рассмотреть. . . Был какой-то уголовный роман, кажется «Зеленый стрелок». . . .

— Эдгара Уоллеса?

— Был и какой-то другой уголовный роман в пестрой обложке, но я не смог рассмотреть его названия.

— Ну и тыква же он! — возмутился Веселин. — Взрослый человек, а такие книги читает!

— Это ему нравится! — усмехнулся Костя.

— А тебе не кажется, что книг очень много? — заметил Пешо. — Человек покупает себе один, два романа, а он сразу семь или восемь, и, кажется, все — хлам!

Ребята задали еще несколько вопросов — были ли в магазине другие покупатели, говорил ли Тороманов с продавцами, знают ли его в магазине.

— Знают! — воскликнул довольно Костя. — Один продавец вынул из-под прилавка какую-то книгу и

сказал: «Товарищ Тороманов, я приберег ее специально для вас».

Мальчики молчали, ничего особенного не было в этом.

Вскоре ребята пришли к тому, что Веселин таил в уме — их группа очень мала, чтобы непрерывно следить за человеком в белом костюме, не справиться ей одной. К всеобщему удивлению первым заговорил об этом Пешо.

— Пожалуй, надо увеличить группу, — сказал он и еле заметно покраснел. — Если Тороманов будет часто замечать нас, он может усомниться. А раз усом-

нится — все пропало. За ним должно следить много людей, чтобы он ничего не понял.

— Браво! — воскликнул Веселин. — И я как раз думал об этом.

— Значит, возьмем Бебо! — неосторожно вырвалось у Юлии.

Пешо бросил на нее сердитый полупрезрительный взгляд, но ничего не ответил.

— Он будет молчать, — вмешался Веселин. — Он даст честное пионерское слово!

— Насчет Бебо я согласен! — чуть заметно вздохнул Пешо. — Но я думаю, что если и примем Бебо, нас опять будет мало.

После долгих споров решили на первое время принять шесть ребят. Все шестеро были их ровестниками, их товарищами по играм и, конечно, хорошими членами пионерской организации. Было решено еще, что новые члены должны дать клятву хранить не на жизнь, а на смерть тайну от всех посторонних лиц, как бы близки они им не были, а кроме того, они должны выдержать экзамен на храбрость. На испытание храбрости настоял Пешо, хотя никто и не знал, каким оно должно быть. Долго они думали, обсуждали всевозможные предложения и наконец пришли к следующему: будущий член группы должен преодолеть два опасных препятствия. Первое было сравнительно более легким — перескочить босиком довольно высокую проволочную изгородь квартального скверика. Второе препятствие было труднее — перейти городской канал не по мосту, а по его деревянным перилам.

— Опасно! — сказал задумчиво Костя. — Если кто-нибудь потеряет равновесие и упадет, самое меньшее — сломает себе ноги!

— Не так уж это страшно, — сказал Пешо. — Если потеряет равновесие, пусть прыгает на мост.

— А если потеряет равновесие в обратную сторону?

— Его дело! — ответил мальчик сердито. — У кого не хватает хладнокровия, тот нам и не нужен!

— А ты пройдешь? — испуганно спросила Юлия.

— Я-то пройду, а вот ты?

Конечно, решили освободить Юлию от опасного пе-

рехода, но другим Пешо не уступил. В конце концов, Костя и Веселин согласились, хотя все это казалось им не совсем правильным.

— Нужно проверить людей! — решительно кончил Пешо. — Трусы нам не нужны! Кто смелый, тот пройдет и не упадет, а трус и пытаться не будет!

— Посмотрим, — выдавил Костя, все еще охваченный плохим предчувствием.

Собрать своих новых товарищей было не трудно. В этот же вечер в полумраке скверика состоялась торжественная клятва. Было полнолуние, аллеи и клумбы блестели под лунным светом, и лица мальчиков в тени деревьев казались необыкновенно серьезными и торжественными. Все уже понимали, что на этот раз речь идет не о мальчишеских играх и летних развлечениях, а о чем-то очень серьезном. Что это, они еще не знали и узнают только утром, после экзамена на храбрость. Еще в самом начале Пешо заявил тоном взрослого, что речь идет о «важной помощи, которую нужно оказать государству в борьбе против заклятых врагов народа».

В эту ночь многие ребята уснули с трудом из-за нетерпения и любопытства, и ничего удивительного не было в том, что на следующий день утром все явились на сборный пункт — в скверик — задолго до назначенного часа. Костя и Юлия снова были оставлены на посту, а другие начали испытания. Прыжки через колючую проволоку прошли благополучно. Изгородь была довольно высокой, острые зубья колючей проволоки пугали ребят, и некоторые из них здорово пропотели, прежде чем перескочить.

Все же все перескочили еще при первой попытке, хотя их колени еще долгое время дрожали от пережитого волнения.

После прыжков они всей гурьбой направились к каналу. Мальчишки стали почесываться: перила довольно узкие. На их счастье, каменное дно канала было засорено наносами и обрасло травой, так что при падении удар значительно бы смягчился. Все же и высота была не малой. Мальчики смотрели на дно канала, переглядывались, на их лицах можно было заметить нерешительность.

— Совсем не страшно! — сказал для смелости Пешо, но на этот раз и его голос звучал не совсем уверенно.

— Оно-то не страшно, а вот если кто-нибудь бухнется в воду, то и утонуть может, — сказал нерешительно Веселин.

— Как это утонуть? — стрельнул в него недовольным взглядом Пешо. — Да там совсем мелко. . . Наоборот, лучше в воду упасть, чем на камни. . . Как раз упадешь на мягонькое. . .

Для примера первым прошел Пешо. Он прошел быстро и легко, почти не глядя под ноги и растопырив руки для равновесия, ни разу не пошатнулся. Когда он соскочил на другом конце, ребята улыбнулись, лица их прояснились.

— Я слезу вниз, — сказал Пешо. — Если кто-нибудь упадет в воду, сразу вытащу.

Это было хорошо придумано и вскоре оказалось очень полезным. Вторым шел Веселин. Он не смог пройти как Пешо сразу, еще после первых шагов потерял равновесие и зашатался, но сумел прыгнуть на мост. Ему помогли снова влезть на перила, и на этот раз Веселин хорошо прошел все расстояние.

Третьим пошел по перилам Наско, довольно высокий и хорошо развитый для своих лет мальчик, сын шофера и первый механик среди ребят. Он прошел не хуже Пешо и легко соскочил на землю. Его круглое, медно-красное лицо светилось от удовольствия.

— Ужасно приятно! — сказал он громко. — Я еще раз пройду!

Прошел благополучно и Бебо. Он взобрался на перила, его белое девчачье лицо еще больше побелело, его белокурые волосы словно поднялись дыбом.

— Спокойно, Бебо! — крикнул тревожно Веселин. — Не страшно!

Бебо нахмурился, обиженный замечанием, и смело пошел по перилам. Точно на середине пути, проходя над водой, он внезапно потерял равновесие и смешно закачался.

Мальчики онемели. Кто-то успел крикнуть:

— Прыгай!

В следующее мгновение Бебо сумел сохранить рав-

новесие и снова пошел дальше, хотя и медленно. Ноги у него дрожали. Когда наконец он соскочил на землю, Веселин заметил, что его лицо от напряжения все в поту.

— Молодец! — сказал ему Веселин тихо. — Я так и знал, что ты не осрамишься.

Перед перилами встал Чарли — маленький, подвижный мальчишка, шутник компании. Его живое умное лицо не выдавало никакой тревоги, глаза, как обычно, смотрели весело. Ребята любили его, и поэтому вся компания желала ему пройти как можно успешнее.

Чарли влез на перила и сделал элегантный реверанс, потом его лицо сразу же приняло сердитое выражение.

— Что за безобразие! — сказал он гневно. — Ни одного кинооператора я не вижу здесь!

Чарли сделал еще один реверанс и свободно пошел по перилам, размахивая руками, словно дирижируя невидимым оркестром. И все же дойти до конца ему не было суждено. Словно из-под земли, на мосту вырос милиционер и строго встал перед ними. Чарли заметил его, дал автомобильный гудок и рукой, как это делают шоферы, попросил у милиционера дорогу.

Милиционер улыбнулся на мгновение, но лицо его тут же стало строгим.

— Слезай! — приказал он.

Чарли покорно соскочил на мост.

— Что вы здесь делаете? — все так же строго спросил милиционер.

— Играем! — хором ответили мальчишки.

— Разве это игра? Если вас увидят матери, заиграют скалки по вашим спинам!

— Это невозможно, ответил Чарли серьезно, хотя в его глазах искрилось веселье. — Скалка, как средство воспитания, уже отвергнута.

Милиционер с интересом посмотрел на своего собеседника.

— Знающий ты! А ну, расходись, чтобы ваши пятки засверкали! Тут кто-нибудь из вас, чего доброго, и убиться может.

Поняв, что другого выхода нет, мальчики ушли, но

через четверть часа снова появились у моста. От милиционера и духа не осталось, можно было свободно продолжать испытания. Чарли снова взобрался на перила и, достигнув другого конца, торжественно заявил:

— Рубикон перейден! Победа решена!

После него прошел Васька. Хотя он был футболистом и заядлым физкультурником, пройти успешно все же не сумел, два раза терял равновесие и прыгал на мост.

С грехом пополам прошел и Монка, по прозвищу «Зубрила». Оставался маленький узкогрудый мальчик в очках, сильный ученик и сочинитель стихов. Об его принятии было больше всего споров, и Веселин еле-еле уговорил ребят, несмотря на недовольство Пешо. Все же мальчишки любили этого паренька и в школе энергично защищали его от драчунов. Хотя он и был поэтом, прозвище у него было совсем не поэтичным — звали его Фис, сокращенно от Фисташки.

Когда Фис вскарабкался на барьер, все тревожно уставились на него. Весь его вид не предвещал ничего хорошего — губы его побелели, глаза неспокойно моргали за большими роговыми очками.

— Не торопись, никто за тобой не гонится! — сказал Веселин. — Ничего страшного нет.

Даже Чарли, всегда подтрунивающий над всем и всеми, сейчас был необыкновенно серьезным и не проронил ни слова. Фис пошел медленно по перилам, преодолевал сантиметр за сантиметром, не спуская глаз со своих ног.

— Не смотри вниз, голова закружится! — крикнул Пешо снизу.

— Может быть, ему хватит? — неспокойно сказал Веселин.

— Ничего, пусть идет!

Фис прошел половину расстояния, ни разу не покачнувшись, но колени его совсем подогнулись. Уже проходя над водой, он внезапно, даже не крикнув, полетел в воду, словно прыгнул по собственному желанию.

Мальчики онемели.

В следующее мгновение послышался сильный всплеск

воды, за ним — другой. Пешо, не теряя присутствия духа ни на секунду, сразу же бросился в речку и крепко схватил Фиса за поясницу. Здесь оказалось совсем мелко, немного выше колен, и он легко вытащил его на берег. Мальчики, столпившись у перил, взволнованно кричали и давали советы. Выйдя на берег, Фис посмотрел наверх и смущенно улыбнулся. Видно было, что он цел и невредим — никаких следов контузии не было, только мутные потоки воды стекали с его одежды. Но его худенькое нежное личико выглядело как-то особенно изменившимся, словно это было не его, а чужое лицо.

— С легким паром! — первый с облегчением отозвался Чарли. — Бесплатное удовольствие!

Взорвался сумасшедший смех — не потому, что произошло что-то смешное, а потому, что ребята не знали как по-другому выразить свою радость от благополучного конца происшествия. Фис тоже неловко засмеялся, потом потрогал нос и удивленно сказал:

— А где мои очки?

Только сейчас мальчики поняли, почему его лицо показалось им другим. Пешо опять бросился в воду и начал шарить по дну. На берегу реки какая-то старушка, свидетельница несчастья, яростно махала костлявой рукой и кричала что-то непонятно — наверное, ругалась и призывала на их немирные головы гнев всех святых. Остановился и один грузовик. Шофер вылез из кабины и, когда понял, что нет ничего страшного, крикнул им что-то веселое и поехал дальше. В конце концов Пешо, который упорно шарил по дну реки, выпрямился и высоко поднял руку. Очки были найдены, и как на чудо — оба стекла оказались целыми. Фис лихорадочно схватил их и радостно одел на нос. Лицо его мгновенно преобразилось и опять стало знакомым всем лицом.

— Что-то героическое было в твоем падении! — сказал весело Чарли, когда все вылезли на берег. — До сих пор я не видел человека, который бы так ловко падал!

Все засмеялись и довольные пошли домой, не смущаясь того, что люди останавливались и удивленно

оглядывали двух мокрых мальчиков. И внезапно возник трудный вопрос: что они скажут, когда их спросят дома, почему у них такой вид? Скоро был придуман обман, неглубокий, как всякий мальчишеский обман, когда это касается их родителей: будто бы они просто ходили по речке, а потом Фис споткнулся и упал, а потом Пешо нагнулся, чтобы поднять его. . .

Когда пришли в квартальный скверик, Пешо сразу заметил, что Кости и Юлии в секретном месте нет. В этом не было ничего удивительного — наверное Торманов вышел из дому и они пошли по его следам. Вся группа новопринятых расположилась под деревьями и нетерпеливо стала ждать. Пешо начал рассказ — сначала немного неловко, но потом сам заразился интересом, с которым его слушали, начал незаметно вкладывать в случившееся больше таинственности, чем было на самом деле.

Как раз в разгар рассказа пришел Костя. Его сухощавое, загоревшее на солнце лицо, выглядело на этот раз необычайно смущенным. Он неспокойно осмотрел всю группу.

— Можешь говорить перед всеми, — сказал Пешо, ошибочно истолковав его смущение. — Уже все приняты. . .

Костя пристально посмотрел на своего товарища, потом глухо сказал:

— Случилось что-то плохое. . . Юлия исчезла. . .

Все вздрогнули.

— Как так исчезла? — поморщился Пешо. — Чего ты несешь!

— Исчезла! — вздохнул беспомощно Костя. — Юлия шла в двух-трех шагах от Торманова, а я в двадцати-тридцати шагах от нее. . . Внезапно и Торманов, и Юлия исчезли, словно сквозь землю провалились. . .

— Глупости говоришь! — сказал сердито Пешо. — Значит, не они исчезли, а просто напросто ты их потерял.

Костя медленно покачал головой.

— Нет, я не потерял их, они исчезли, — сказал он с горечью. — Все это произошло на площади Славей-

кова. Мы шли по улице Графа Игнатьева, но не по самой улице, е через площадь. Когда мы подошли к улице Раковского, только на несколько секунд какая-то толстая женщина выросла передо мной. Пока я обошел ее, прошло не больше, ну не больше трех секунд. Сколько шагов можно сделать за несколько секунд? Скажем, пять. Если придете на площадь, увидите, что ближайший дом или подъезд находятся в двадцати-тридцати шагах. Они ни в коем случае не могли войти никуда. . . Хорошо, но когда я посмотрел снова — от них не было и следа, как будто провалились в какую-нибудь дыру!

— Этого не может быть! — сказал Пешо гневно. — Это бабушкины сказки!

— Может быть, они затерялись в толпе? — подсказал ему Веселин.

— Нет, — покачал головой Костя, явно отчаянный. — И этого не может быть! Верно, что на площади обычно много людей, но как раз в этот миг там не было никого, даю вам честное слово! Им некуда было войти, негде было затеряться, а несмотря на это, когда я посмотрел в их сторону — они оба исчезли!

Наступило тревожное молчание, мальчики смущенно переглянулись.

— Ты сам понимаешь, что это невозможно! — сказал Пешо, на этот раз более спокойно. — Они не могут испариться, не могут улететь, войти им некуда, и людей не было, чтобы они могли затеряться! Тогда, что же?

— Значит, вознеслись! — отозвался Чарли. — Точно как в евангелии. . .

Но на этот раз шутка не пришлась к месту, было не до шуток.

Мальчики так сердито посмотрели на него, что он сразу закрыл рот.

— А перед тем, как это случилось, Тороманов заходил куда нибудь? — спросил Веселин.

— Да. . . — сказал тихо Костя. — Заходил в букинистический магазин. . .

Но это не могло ничего объяснить. Над всей компанией опять легло глухое непривычное молчание.

Тороманов вышел из дома ровно в половине одиннадцатого. Он был одет в свой обычный белый костюм, в руках держал обычную хозяйственную сумку, с которой всегда выходил в город. Однако, кажется, на этот раз в сумке что-то было — она была довольно раздута. Как и было уговорено предварительно, Юлия сразу же пошла за ним. Сначала она шла по противоположному тротуару; но когда они вышли на улицу Графа Игнатьева, где было много людей, Юлия пошла почти по его пятам. Несколько раз Тороманов оборачивался назад как будто случайно, но взгляд его был зорьким и бдительным. Он мгновенно охватывал взглядом всю улицу — всех людей и все лица, но его взгляд, конечно, не останавливался на маленькой красивой девочке, которая шла по краю тротуара, беззаботно размахивая тоненькими ручками. Дети были вне его внимания, ему даже и присниться не могло, что он может иметь дело с детьми.

К большому удивлению Юлии, человек в белом костюме опять вошел в букинистический магазин, и она нерешительно остановилась у дверей. Костя быстро приблизился и тихо шепнул ей:

— Ты войди! Может быть, он меня запомнил!

Не долго думая, Юлия шмыгнула в магазин. На этот раз там было много людей, одни перелистывали книги, другие рассматривали книжные полки. Тороманов с сумкой в руках стоял около главного продавца и терпеливо ждал. Юлия взяла детскую книгу, и хотя иллюстрации были очень интересны, она ни на мгновение не выпускала из поля зрения человека в белом костюме.

Наконец продавец окончил разговор с клиентом и приятельски улыбнулся Тороманову.

— Есть кое-что для вас, — сказал он и сунул руку под прилавок.

— Что-нибудь интересное?

— Не очень. . . Сомерсет Моама.

— Да, хорошо, — сказал небрежно Тороманов.

Продавец подал ему книгу, Тороманов взял ее и

пошел к кассе. Чтобы заплатить, он поставил сумку на пол, и Юлия, не упуская случая, незаметно прошла за его спиной и еще более незаметно заглянула в сумку.

В ней были книги! Наверное, это были те романы, которые он купил вчера!

Заплатив, Тороманов сразу же вышел, даже не простившись со своим знакомым продавцом. Юлия оставила детскую книжку и незаметно вышла. Человек в белом костюме пошел в обратном направлении, к своему дому, и Юлия сразу же прилепилась к нему. «Действительно, чудной человек, — думала она. — Покупает книги и вместо того, чтобы держать их дома, носит по магазинам, а потом опять возвращает их обратно. Какой смысл в этом?» Идя за ним, она заметила, что Тороманов два-три раза оборачивался и быстро осматривал всю улицу.

Так они вышли на площадь Славейкова, на ту площадь, где, по мнению Кости, произошло чудо. В сущности, во всем происшедшем не было ничего чудного или необыкновенного — вся путаница произошла благодаря слабой наблюдательности мальчика. К остановке подошел трамвай и его-то не заметил Костя, потому что все время следил за пестрым платьицем девочки, боясь не потерять ее в толпе. В последний момент, когда трамвай должен был уже тронуться, Тороманов изменил свой маршрут и внезапно вскочил во второй вагон.

В первое мгновение Юлия растерялась — что сейчас делать? Трамвай прозвонил и тронулся. Юлия побежала и вскочила на подножку. Какой-то взрослый человек легко, как пушинку, подхватил ее за локоть, потом, к ее удивлению, довольно сильно подергал ее за ухо.

— Как тебе не стыдно, девочка! — сказал он сердито. — Когда-нибудь трамвай ноги тебе отрежет!

Именно эту сцену пропустил Костя в те несколько мгновений, когда Юлия исчезла из виду. Он искал ее пестрое платьице, а пропустил большой зеленый трамвай, который увозил Тороманова и Юлию.

Придя в себя от смущения, Юлия внимательно осмотрелась.

Тороманов прошел вперед и продолжал пробивать себе дорогу. Только она подумала последовать за ним, как внезапно увидела кондуктора. Ну, а сейчас?.. Что ей делать, если у нее в кармане даже пяти копеек нет? Чем она заплатит за билет? Юлия испуганно застыла на месте, потом отступила назад и скрылась между людьми. Сердце ее сильно колотилось — ой, какой позор, если ее поймают в трамвае без билета!

К несчастью, на этот раз кондуктор быстро раздал билеты и появился на задней платформе. Юлии показалось, что он сразу же устремил на нее свой строгий взгляд.

— У кого нет билета, прошу!

— У меня, дядя, нет билета, — сказала испуганно Юлия.

Кондуктор хотел оторвать билет, но она сразу же остановила его.

— Ой подождите, подождите, дядя, я потеряла деньги! — сказала она смущенно, и лицо ее покрылось румянцем. — Видите, какой у меня неглубокий карманчик!

— Ну, тогда слезешь на остановке! — сказал равнодушно кондуктор и оторвал билет какому-то другому гражданину.

Как хотелось Юлии, чтобы в этот момент кто-нибудь обернулся и заплатил ей за билет! Увы, никто этого не сделал! Занятые своими мыслями и заботами, люди даже не посмотрели на нее. Юлия горько вздохнула и пошла к передней площадке. Ничего не поделаешь, человек в белом костюме спасется от своего преследователя.

Трамвай начал земедлять ход. Юлия посмотрела к выходу и с удивлением заметила, что Тороманов тоже готовится выходить. Смотри ты, какой странный человек, едет только одну остановку! Как только трамвай остановился, человек в белом костюме поспешил сойти и, больше не оглядываясь, пошел по улице. Как неотступная тень за ним следовала Юлия.

Прогулка не затянулась. Тороманов свернул в одну маленькую улицу, застроенную большими домами, и вскоре пропал в каком-то подъезде.

Мгновение Юлия колебалась, потом неуверенно вошла в подъезд. Внезапно ее охватил страх. А что если человек в белом костюме заметил, что она идет за ним? Тогда он может подкараулить ее где-нибудь на лестнице, схватить за шею. . . и кончено! Внезапно со страшной силой ей захотелось повернуться и побежать назад — выйти на светлую и солнечную улицу, где много людей и никто не может сделать ей ничего плохого.

Но это продолжалось только одно мгновение. В это краткое мгновение она словно увидела лица своих товарищей, немой укор в их глазах и поспешила по лестнице, легкая, как ласточка. От спешки и волнения сердце ее сильно забилось, ей хотелось немного остановиться, но она понимала, что потеряет ценное время. С площадки второго этажа она уже увидела белую спину Тороманова и немного замедлила шаги. На третьем этаже Тороманов наконец остановился и нажал какой-то звонок. Как ни в чем не бывало Юлия продолжала подниматься по лестнице, и человек в белом костюме, который, наверное, слышал за своей спиной легкие детские шаги, даже не обернулся.

Она поднялась на площадку четвертого этажа и опять остановилась. Ждать здесь ей показалось неудобным: могут выйти и спросить, кого она ищет. Да, лучше ждать внизу, на улице, там это будет выглядеть невиннее. Сойдя на третий этаж, Юлия, не останавливаясь, внимательно осмотрела дверь, в которую вошел Тороманов. Это была самая обыкновенная грязно-коричневая дверь с английским замком, но без глазка, на которой висела, прикрепленная винтами, большая стеклянная дощечка:

Д-р ВЛАДИМИР ХРИСТОВ
ЗУБНОЙ ВРАЧ

Юлия вышла на улицу немного разочарованная. Тороманов пришел сюда лечить зубы, а она подумала бог знает что! А сейчас где его ждать? Она осмотрелась и выбрала подъезд одного из соседних домов. Оттуда легко было наблюдать за домом, из которого должен был выйти человек в белом костюме.

Ожидание ей показалось бесконечным, плохо было то, что у нее не было часов, чтобы узнать который час. Она совсем потеряла терпение, не зная, что предпринять, когда за ее спиной появился какой-то мальчишка, рыжий, костлявый, с неприятным веснушчатым лицом, в коротеньких тирольских штанах. Мальчик враждебно оглядел ее, презрительно сплюнул и сердито спросил:

— Ты кого здесь ждешь?

— Не твое дело! — огрызнулась Юлия. — Тебя ведь не трогают?

Мальчик приблизился и уставился на нее.

— Отвечай, раз тебя спрашивают, — сказал он грубо.

Юлия опять не ответила. Она только повернулась спиной к нахалу и задрала к небу свой маленький носик. Рыжий посмотрел на нее с удивлением, размахнулся и сильно пнул ее сзади. Удар был неожиданным для Юлии, она полетела и упала на землю. Когда она встала, драчун все еще стоял в двух шагах от нее и мрачно наблюдал за ней, засунув руки в карманы.

— Как тебе не стыдно! — не плача, возмущенная до глубины души, сказала Юлия. — Бить девочек!

— А ты почему не отвечаешь?

— А кто ты такой, чтоб тебе отвечать? Улица твоя, что ли?

— Моя?

— Значит, тогда ты уличник!

— Будешь отвечать, или мне начать снова? — грубо перебил ее драчун.

— Если ты так хочешь знать, я жду своего папу.

Это видно произвело впечатление на хулигана, он оглянулся.

— Где твой отец?

— Наверху у зубного врача.

— А ты почему не ждешь его наверху?

— Потому что мне страшно!

— Трусиха! — презрительно сказал рыжий и медленно удалился.

Только теперь слезы покатились по ее щекам, она с трудом сдержалась, чтобы не зареветь. Когда драчун

приблизился к подъезду большего белого дома, куда вошел Тороманов, оттуда быстро вышла высокая девочка и решительно преградила ему дорогу. Лицо ее было гневным, движения резкими и по сердитому голосу, который долетел до Юлии, она поняла, что девочка отчитывает его.

Рыжий слушал ее невнимательно, язвительно усмехаясь, потом грубо толкнул ее и пошел своей дорогой.

Незнакомая девочка быстро подошла к Юлии. Гневное лицо ее было живым и красивым, две толстые черные блестящие косы лежали на худеньких плечиках. Она была на год или два старше Юлии и была пионеркой, потому что носила красный галстук.

— Я все видела, — задыхаясь от возмущения, сказала девочка. — Случайно стояла у окна и видела, как он пнул тебя. Он просто. . . ужасный!

От высказанного сочувствия Юлии еще больше захотелось плакать, но она только проглотила слезы и глухо спросила.

— Ты его знаешь?

— Как его не знать! Он всему кварталу осточертел. Была бы я мальчишкой, я бы ему показала!

Две девочки оживленно разговорились. Незнакомку звали Живка, жила она на первом этаже белого дома. Увидев эту сцену, она быстро выбежала, но было уже поздно.

— И меня он бил один раз! — горько созналась она. — Если бы я сказала папе, не знаю, что бы было!

Внезапно Юлия заметила, что Тороманов вышел из дома. На этот раз его сумка была совсем пуста, и он быстро пошел вниз по улице. Боясь потерять его, она пробормотала какое-то извинение и, не обращая внимания на ее удивленный взгляд, быстро ринулась за ним. Спустя четверть часа Юлия была уже на своей улице и еще издали увидела Пешо и Веселина. Тороманов вошел в свой дом, а мальчики поспешили к ней с взволнованными лицами.

— Куда ты пропала? — воскликнул Веселин. — Мы здорово испугались за тебя!

Юлия небрежно махнула рукой, словно это последнее приключение было для нее мелким и обыкновенным

делом, не заслуживающим, чтобы о нем говорили. Ее быстро отвели в скверик. Там было еще четыре мальчика, среди них и Костя, который радостно вскочил, увидев ее.

Юлия подробно рассказала обо всем, что произошло с ней, не пропуская ничего, кроме, конечно, своих страхов. Чем больше она рассказывала, тем с большим удивлением и восхищением смотрели на нее друзья. Когда наконец она кончила, Пешо впервые искренне и от всего сердца похвалил ее:

— Молодец, Юлия! Ты первая так отличилась?

— Ведь хорошо вы сделали, что приняли меня? — радостно и не совсем скромно спросила Юлия.

— Конечно! — согласились все.

Начали разговаривать о последних событиях, и Веселин первый высказал предположение.

— Кажется, Юлия напала на верный след! Этим пахнет!

— Посмотрим! — ответил Пешо.

— Да это и так видно! — продолжал Веселин. — Разве все это не подозрительно? Тороманов покупает кучу романов, но не читает сам, а относит их какому-то зубному врачу. Зачем? Неужели этот врач сам не может себе купить? Вряд ли найдется такой зубной врач в мире, который согласится, чтобы ему платили не деньгами, а романами.

Все засмеялись.

— Может быть, и найдется! — отозвался Чарли. — За резец берет по роману, за коренной — по два. . .

— Может быть, кто-нибудь скажет, — Тороманов носит ему их почитать, — продолжал Веселин. — В это трудно поверить! Да кто покупает целую кучу романов, чтобы услужить другому? Тем более, Тороманов!

— А ключ? — спросил Пешо. — Для зубного врача не нужен никакой ключ. Я уверен, что вся эта таинственная история связана с ключом.

Мальчики замолчали.

— Если мы узнаем, зачем приходил Тороманов к врачу, может быть, узнаем что-нибудь о ключе, — сказал Веселин. — Мы не должны потерять этот след. . .

После долгих мудрствований, они пришли к разум-

ному решению — проверить, что это за зубной врач. Кто-нибудь из мальчиков, у которого есть гнилой зуб, должен пожертвовать его на пользу общего дела. Он пойдет поставить пломбу или что-нибудь другое, а сам рассмотрит всю обстановку, увидит, что представляет собой и сам врач.

— А еще лучше пойти вслед за Торомановым, — заметил Пешо. — Тогда можно и услышать кое-что, узнать что-нибудь. . .

План был хорошим, но внезапно дал осечку — оказалось, что ни у кого не было гнилых зубов.

— Не может быть! — рассердился Пешо. — Врете вы все!

Пришлось ему лично осмотреть зубы у всех. Уже у первого из осмотренных, Бебо Апостолова, оказался гнилой зуб.

— Позор! — сказал сердито Пешо. — Видно, как вы готовы к делу!

— Но дырочка же совсем маленькая, — сказал, покраснев, Бебо. — Это даже и не дырочка!

Когда они уже собрались уходить, Костя вдруг заметил ободранное колено Юлии и удивленно спросил:

— А это что! Уж не упала ли ты с трамвая?

Юлия смущенно рассказала о подвигах рыжего хулигана. Мальчики покраснели от возмущения, глаза их гневно засверкали.

— Это. . . это не человек! — заикнулся от злости Веселин. — Бить надо таких!

— Мы с ним рассчитаемся, не бойтесь! — мрачно отозвался Пешо. — Я из него котлету сделаю!

Вопреки протестам Юлии, тут же было принято решение жестоко наказать хулигана. Еще никто не знал как, но все чувствовали, что наказание будет беспощадным. Мальчики разошлись с гневом в сердцах, и этот гнев не пройдет до тех пор, пока они не отомстят.

К вечеру вся компания отправилась в чужой квартал. С ними, конечно, была и Юлия, которая должна была показать хулигана. Подойдя к дому зубного врача, они увидели, что улица почти пустынна — только несколько малышей играло на тротуаре в классы. Ничего не поделаешь, надо было ждать. Прошел целый час, много мальчишек появлялось на улице, но хулиган не показывался. Прошел еще час, стало смеркаться. Первым в компании потерял терпение Бебо Апостолов:

— Так можем ждать и до утра, — вздохнул он. — Сейчас лучше уйти, а завтра придем опять.

— Нет, подождем, — упрямо сказал Пешо.

— Если хочешь знать, — снова подхватил Бебо, — совсем не хорошо драться!

Пешо недовольно посмотрел на него:

— Почему нехорошо?

— Потому что мы пионеры!.. Разве это хорошо, когда пионеры дерутся на улице? Всему есть свой порядок...

— А по-твоему, мы не должны драться, если враги нападут на Болгарию?

— Ну, это другое дело! — сказал с досадой Бебо.

— И это другое!

— Ты молчи, будем ждать! — вмешался Веселин, и спор быстро был решен.

Рыжий пришел откуда-то, когда уже совсем стемнело. Юлия сразу узнала его, но первой ее мыслью было скрыть это от своих друзей. Хотя утром она была очень сердита, сейчас ей никак не хотелось, чтобы они дрались, она просто не знала, как выпутаться из этой неприятной истории. К сожалению, рыжий так бросался в глаза, что мальчики, увидев его, мгновенно взбудоражились.

— Этот?

— Не знаю, кажется он! — сказала Юлия неохотно.

— Ты не можешь не знать! — ответил сурово Пешо. — Ты хочешь его скрыть.

— Ясно, что это он, — сказал хладнокровно Веселин и медленно поднялся с места.

— Оставьте его мне! — приказал Пешо. — Вы только смотрите, чтобы не удрал!

Вскоре рыжий оказался окруженным со всех сторон. Пешо вышел вперед и, кивнув головой в сторону Юлии, враждебно спросил:

— Ты знаешь эту девочку?

Рыжий посмотрел на него краем глаза и сразу же понял в чем дело.

— И не видывал такой! — нахально ответил он.

— Неправда! — обиженно воскликнула Юлия.

Схватка длилась всего несколько мгновений. Хотя рыжий был высоким и крепким, Пешо несколькими ударами свалил его на землю и сел ему на грудь. Хулиган хрипел, старался укусить Пешо, но тот ударил его еще несколько раз и рыжий внезапно затих. Его веснущатое лицо выражало сейчас только страх и беспомощность.

— Признаешь себя побежденным? — спросил, тяжело дыша, Пешо.

— Признаю, — сразу с готовностью ответил хулиган.

Это разозлило мальчика:

— Ты еще будешь бить маленьких девочек?

— Не буду. . .

— Оставь эту гадину! — с отвращением сказал Веселин. — С ним и говорить невозможно!

Несколько ребят из этого квартала появилось на улице, но они смотрели со стороны, не проявляя никакого желания приблизиться. Хулиган был освобожден. Он медленно поднялся, потирая ушибленные места.

— Если еще хоть раз будешь задирать девочек, выбью все твои кривые зубы! — сказал Пешо все еще гневный.

Рыжий ничего не ответил. И тут случилось нечто совсем неожиданное. Пока мальчики собирались уходить, рыжий внезапно размахнулся и изо всей силы ударил Пешо в глаз. В следующее мгновение он стрелой полетел по улице и юркнул в какой-то подъезд. Мальчики побежали за ним, но было уже поздно.

— Смотри, какой подлец! — удивился Чарли.

К группе несмело подошли здешние ребята, до сих пор стоявшие в стороне. Один из них, с девичьей челкой и в очках, заговорил первым:

— Вы бы набили этого гада и за нас! Вся улица пищит от него!

— А почему вы его не налупите?

— Нам не разрешают драться! — грустно сказал очкастый.

— Ну раз вам не разрешают, так и получайте. . . — отозвался Чарли. — По крайней мере это вам не запрещено!

Через полчаса мальчики были в скверике. Костя и Монка доложили, что Тороманов выходил за мелкими покупками и после этого вернулся. Вообще ничего особенного или подозрительного не случилось. Веселин распределил посты на следующий день, и все быстро разошлись по домам, так как стало уже довольно поздно.

— Ты останься! — обратился Пешо к Бебо.

Мальчик удивленно посмотрел на него, но остался. Веселин, услышав, что они быстро и невнятно зашушукались, тоже остался.

— Несколько дней назад Тороманов был у вас, — начал Пешо. — Ты знаешь об этом?

Бебо смущенно посмотрел на них.

— А вы откуда знаете?

— Мы все знаем! — резко сказал Пешо. — Отвечай, когда тебя спрашивают!

Бебо задумался, его тонкое лицо вытянулось.

Ты не понял, зачем он приходил?

— Он был у нас, но я тогда не обратил внимания. . .

— Не понял, — покачал кудрявой головой Бебо. — Я только слышал, как папа сказал маме: «Смотри, какой нахал!» И что-то еще сказал, но я не помню уже.

— Раз Тороманов приходил к твоему отцу, значит они знакомы, — сказал Пешо.

— Наверное, знакомы. . .

— Тогда на тебя возлагается важная задача — узнай у отца, что за человек Тороманов, кем он был когда-то и вообще все о нем. Ясно?

Очевидно, что ему не совсем было ясно.

— Как, прямо его спросить?

— Зачем же прямо? — усмехнулся Веселин. — Нет, лучше криво, окольным путем. Если спросишь его прямо, и он тебя прямо спросит, — почему тебя так интересует этот вопрос?

Вскоре мальчики разошлись. Когда Пешо вернулся домой, его родители ужинали. После пережитых волнений он здорово проголодался и тут же сел к столу. Все же, хотя и склонившись над тарелкой, он сразу почувствовал, что они перестали есть. Он поднял голову и посмотрел на отца — его строгое, серьезное лицо выглядело сейчас немного озабоченным:

— Почему у тебя такой синяк под глазом? — спросил он удивленно и тревожно.

Пешо инстинктивно пощупал пострадавший глаз.

— Я не знал, что есть синяк! — сказал он смущенно.

— Ты, наверное, дрался?

Скрывать было уже бессмысленно, так или иначе наказания ему не миновать.

— Дрался! — ответил Пешо резко.

— И по каким причинам?

— Оставь ребенка, пусть ест, — попыталась ему помочь мать.

— А я уже спросил его, — ответил отец.

Пешо почувствовал, что от смущения он вспотел.

— Из-за Юлии, — ответил он почти грубо, чтобы скрыть смущение. — Один хулиган пнул ее, она упала и содрала себе колено.

— Как это пнул? — с сомнением спросил отец. — Так ни за что и пнул ее?

— Ни за что! — резко ответил Пешо. — Он просто хулиган!

— И ты его избил?

— Да, избил. . .

— И все это, о чем говоришь, правда?

— Конечно, правда, — обиженно ответил Пешо. — Я не буду тебе врать.

Отец облокотился на стол. Как ни был смущен Пешо, он заметил, что умное, красивое лицо отца вдруг просветлело, в его взгляде появилось что-то среднее между смехом и нежностью:

— Молодец! — сказал он тихо и легко потрепал сына по тонкой шее. — Молодец! Теперь я понял, что ты кавалер! Не люблю людей, которые не могут быть кавалерами!

Пешо чуть не подавился от волнения, ничего не успел ответить и склонил голову над тарелкой.

— Ты сейчас ешь, а потом мама сделает тебе компресс, — добавил отец и, пряча улыбку, склонился над едой.

Этими словами была решена судьба Юлии в их компании. С этого дня уже никто не посмеет даже тронуть ее.

ОБЕСПОКАИВАЮЩИЕ ПРОИСШЕСТВИЯ

Прошло еще три дня, в которые ничего особенного не произошло.

Все эти три дня мальчики усиленно следили за Торомановым. Человек в белом костюме редко выходил из дому, да и только с большой хозяйственной сумкой за покупками в ближайшие магазины. Всего один раз

он зашел в маленький магазинчик, где его жена продавала гребни и дешевые бусы. Тороманов долго не засиделся там и не проявил никакого интереса к покупателям. Выйдя из магазинчика, он зашел в букинистический магазин, купил два романа, и не спеша, направился к дому.

Только на третий день стали назревать события. Еще рано утром в сквер прибежал Бебо и сразу же послал за Пешо. Когда мальчики собрались, Бебо вытащил из кармана лист бумаги и таинственно стал читать.

— «Дорогой Савов. . .»

— Что это? — перебил его нетерпеливо Пешо. — Письмо?

— Подождите, увидите. . .

— Ты раньше скажи, что читаешь. . .

— Ясно, что письмо! — рассердился Бебо.

Так ему и не дали прочесть письмо, прежде чем он не расскажет его историю. А история была совсем обыкновенной. Проходя рано утром через кабинет отца, он увидел на его столе письмо и прочел его «невольно». Письмо было написано отцом к какому-то «Савову», директору рудников цветных металлов — «Юг». Содержание самого письма было следующим:

«Дорогой Савов,

Несколько дней тому назад ко мне пришел инженер Тороманов с просьбой ходатайствовать, чтобы ты взял его на работу. Конечно, я далек от этой мысли, но так как могут найтись другие доброжелатели, а у тебя как раз не хватает инженеров, я обязан тебя предупредить. По-моему, Тороманов отчаянный фашист и редкий двуличник. Перед Девятым сентября мы вместе с ним служили в военно-инженерных мастерских, где он был военным инженером в чине подполковника. Благодаря ему там была раскрыта тайная организация наших товарищей, которые готовились вынести партизанам оружие, один из них был осужден и расстрелян. После 9 сентября Тороманова арестовали на известное время, но доказать вину его не смогли и его освободили. Я, во всяком

случае, глубоко убежден, что все, что говорю — истина. Не имею ничего против, если он найдет себе какую-нибудь работу, и его труд будет использован, но, по-моему, это не должно стать в твоем предприятии, которое является объектом важной государственной тайны. Сам факт, что он ищет работу у тебя, уже крайне сомнителен.

С дружеским приветом: *К. Апостолов*»

Когда Бебо кончил читать, мальчики пораженно переглянулись.

— Ты смотри, какой подлец! — сказал с отвращением Костя. — Из-за него коммуниста расстреляли!

— Преступник!

— С такого кожу живьем нужно содрать, а не оставлять его покупать себе романчики!

— Ведь я же говорил, что тут что-то есть! — отозвался Веселин. — Пусть я лопну, если не откроем что-нибудь очень интересное.

— Нужно узнать, кто этот Савов! — заметил в конце Пешо. — И что это у него за предприятие?

Конечно, поручили снова Бебо любым способом собрать эти сведения, и мальчик сразу же согласился.

— Только осторожно! — предупредил его Пешо. — И никто не должен ничего заподозрить!

— Насчет этого можете быть совсем спокойны! — снисходительно улыбнулся Бебо. — Я знаю свое дело!

— Мы не очень-то спокойны, — отозвался Веселин. — А если отец твой внезапно вернется за письмом? Что ты ему скажешь?

— Ничего ему не скажу.

— Как так ничего? — нахмурился Пешо.

— А так. . . Он меня и не спросит.

— Ты просто дурак! Как он может не спросить, если письма нет на столе?

— В том то и дело, что ты дурак! — пренебрежительно ответил Бебо, едва заметно подмигивая другим.— Письмо лежит на столе. . . Я только переписал его!

Ответ настолько пришелся к месту, что Пешо, хотя и был обижен, улыбнулся, как и все, и с уважением

посмотрел на нового члена групы. Вот черти, как будто бы новички, а всегда догадываются, что нужно сделать!

К обеду мальчики разошлись, и Чарли первым поспешил домой. Совесть у него не была совсем чиста. Утром он выскользнул из дома, ничего не сказав матери, а это случалось очень редко. Мать его была вдовой и уже десять лет сама содержала маленькую двучленную семью — она шила платья и белье тем женщинам из квартала, у которых не хватало денег, чтобы ходить к известным и дорогим портнихам. Во время каникул и в свободное время Чарли помогал своей матери по дому и ходил за покупками. Только в это утро он вышел, не сказав ничего и ничем не помог, потому что боялся опоздать на свой пост в скверике.

Поднявшись на второй этаж, Чарли немного робко и виновато нажал кнопку звонка. Это он делал всегда, чтобы предупредить клиенток матери о приходе постороннего человека. На этот раз никто ему не отворил, и после короткого колебания, Чарли открыл своим ключом и вошел. В прихожей он услышал два женских голоса — один высокий, хриплый и немного нервный — голос незнакомой женщины, другой — голос матери, тихий и миролюбивый.

— Кто там? — спросил изнутри тихий и миролюбивый голос.

— Я, я! — ответил Чарли и вошел в комнату. Там, как обычно в рабочее время, было неприбрано, на полу валялись нитки, куски материи, бумажные выкройки и катушки. Перед стенным зеркалом стояла прямая высокая элегантная женщина с крашеными светлыми волосами, а его мать с сантиметром в руках снимала с нее мерки. Чарли остановился у дверей и виновато стал ждать.

— А, это ты? — сказала портниха, и Чарли не почувствовал в ее голосе ни огорчения, ни гнева. — Как раз вовремя, иди помой посуду!

Чарли поморщился. Как все сироты, он преданно и нежно любил свою мать, с радостью помогал ей в домашней работе, но всегда сердился, когда ему напоминали об этом при посторонних. В конце концов он мальчик, и не совсем приятно, если люди будут знать, что он моет тарелки, как какая-нибудь старушка.

— Хорошо! — ответил он коротко и хотел выйти. В это мгновение он случайно взглянул в зеркало и так и прилип к своему месту: он увидел худощавое старательно накрашенное, капризное лицо мадам Тормановой. Вот так случай — говорят о волке, а он в овчарне! Поборов свое удивление, Чарли вышел из комнатки, не забыв, однако, оставить дверь приоткрытой. Его снедало любопытство, ему казалось, что любое, случайное слово Тормановой может подсказать ему что-нибудь интересное и навести на верный след.

Войдя в кухню, Чарли быстро окунул тарелки в горячую воду, снял ботинки и тихонько, на цыпочках, прошел в маленький полутемный коридорчик. Из комнаты совсем ясно доносились два женских голоса, и он, затаив дыхание, стал слушать. Сейчас это не казалось ему ни подлым, ни невоспитанным, большая цель, которую себе поставили мальчики, оправдывала все.

— Ваши ситчики, госпожа Торманова, скромненькие, — тихо говорила портниха. — Но у меня есть несколько новых элегантных фасончиков, которые просто красавицей вас сделают.

— Мне это не нужно! — как-то резко ответила Торманова. — Вы не понимаете меня! Мне совсем не нужны красивые и модные платья. . . Я хочу просто два обычных и скромных домашних платья. И никакой бросающейся в глаза элегантности! Это вы обязательно должны запомнить. . .

— Жаль! — сказала портниха. — К вашей фигуре чудесно пошел бы вот этот фасончик! Видите, как он прекрасно подчеркивает талию, декольте не глубокое, но зато широкое и открывает плечи!

— Нет, нет! — почти встревоженно воскликнула Тороманова. — Никаких декольте. Ни в коем случае!

— Странно, госпожа Тороманова, вы ведь прекрасно сохранились, вам оно очень пойдет!

Комплимент, кажется, польстил клиентке, потому что она добавила более мягко:

— Да, да, верно, но вы сами видите, какие теперь времена! Из-за одного декольте вас произведут в буржуйки! Лучше уж одеваться скромно!

Наступило краткое молчание.

— Вы не совсем правы, — ответила портниха, и в ее голосе мелькнуло едва уловимое недовольство. — Люди одеваются довольно свободно, носят все, что хотят. . .

— И так, я хочу скромные платья! — как-то высокомерно бросила Тороманова. — Для меня это лучше...

— А из парусины?

— Из нее сделайте туристическую юбку. . . Знаете, обыкновенную юбку, которая застегивается спереди на пуговицах. Вот и все.

— Немало работы! — озабоченно сказала портниха. — Я не смогу сделать этого за неделю.

— Как это не сможете! — нетерпеливо перебила ее Тороманова. — Да разве это работа — два простеньких платья и еще проще юбка. . . Мне кажется, что и пяти дней много. . . Вы должны непременно успеть! (Она властно сделала ударение на слове «непременно»). Это для меня самое важное!

Наступило краткое молчание.

— Нет, это невозможно, — беспокойно сказала портниха. — У меня есть другие заказы, полученные раньше ваших, которые я должна выполнить. . .

— Другие заказы вы отложите на несколько дней...

— Нельзя, госпожа Тороманова, — ответила со вздохом портниха. — До сих пор в сроках я не обманула ни одной заказчицы, это не в моем характере. . .

— Если так, будете работать дополнительно. . . Один-два вечера посидите подольше и все же закончите. . . За дополнительную работу я вам хорошо заплачу, просто вдвойне. . . Платья мне нужны не позже, чем через неделю. . .

— Вы куда-нибудь едете?

— Да, еду! — неохотно ответила Торомановa. — Платья должны быть готовы!

Чарли не успел услышать, что ответила его мать. В комнате задвигались, послышались легкие шаги, и он мгновенно юркнул в кухню. Мытье тарелок заняло не больше десяти минут. Когда он уже кончил, вошла мать. Чарли посмотрел на ее худенькое, утомленное лицо и небрежно спросил:

— Эта ушла?

— Ушла, — ответила мать и ручкой деревянной ложки сняла с кастрюли крышку. Комната сразу же наполнилась густым приятным запахом жаркого.

— Эта жена Торoманова? — так же небрежно спросил Чарли.

Мать села на деревянную скамейку и опустила на колени свои худенькие, усталые руки.

— Она.

— Я никогда ее не видел у тебя. . .

— Первый раз приходит, — ответила задумчиво мать и добавила как будто про себя. — Как изменились времена! Чтоб Торoманова пришла ко мне несколько лет тому назад — куда там! Она бы пошла к мадам Дуранти! Я ее видела там много раз, когда работала у нее. — Она немного помолчала. Глаза ее были широко открыты, задумчивы. Потом она со вздохом прибавила: — Боже мой, как она нами вертела! И какая скупая была!

— Скупая? — посмотрел на нее удивленно Чарли.

Внезапно в голове матери промелькнула та же мысль, что и у Чарли.

— Просто не поверишь! — простодушно воскликнула она. — Когда у нее была уйма денег, торговалась из-за каждого лева, а теперь за ситчиковые платья предлагает вдвойне!

Когда немного позже они сели обедать, Чарли попробовал возобновить разговор, но, поняв, что не узнает ничего нового, замолчал и тревожно задумался. Почему Торoманова так торопится с платьями? Не собираются ли они куда-то бежать? Эта мысль так встре-

вожила его, что он быстро наелся, пробормотал неясно, что у него дела, и вышел.

День был чудесный. Солнце грело ярко, но все же не было жарко, потому что время от времени с гор дул свежий, прохладный ветерок. Он пошел к Пешо, но вдруг вспомнил, что тот сейчас должен быть в садике, так как сегодня его очередь стоять на посту. В садике тоже было тихо. Два-три старика дремали под негустой тенью каштанов. Дальше небольшая группа деревенской молодежи, наверное из какого-нибудь самодеятельного коллектива, тихонько пела протяжную песню. Но Пешо там не было. «Может быть, он пошел по следам Тороманова, — подумал Чарли недовольно. — Теряем время в бессмысленной слежке, а он разносит перед нашими глазами полные сумки, и не успеешь оглянуться — исчезнет!»

Он сердито сунул руки в карманы, подумал немного, потом решительно направился к Веселину. Чарли всегда ходил туда с удовольствием. Не только потому, что у них было приятно, прохладно и чисто, но и потому, что мать Веселина была такой приветливой и веселой, что все дети ее любили. Она была тонкой, выглядела очень молоденькой, и в характере ее было что-то мальчишеское, что нравилось ребятам.

И на этот раз она весело встретила его, еще у двери взъерошила ему волосы и притворно сердито пообещала:

— Сейчас я тебя исповедую, жучок!

— Веселин дома? — попытался увильнуть Чарли.

— Сначала скажи мне, сколько мороженого съели вы вчера, а тогда тебя пущу к нему.

— Только по два. . .

— Тебе это кажется мало? Веселин болен. . . Ну, иди к нему! — сказала она и подтолкнула его в другую комнату.

Веселин действительно лежал. В комнате было прохладно. Сквозь спущенные ситцевые занавески цедился мягкий свет. У головы Веселина в фиолетовом глиняном кувшинчике были заботливо поставлены в воду несколько желтых цветов. Вся комната дышала свежестью и чистотой.

Чарли внимательно закрыл за собой дверь и подошел.

— Ты влип, что ли?

— Гм. . . — неопределенно промычал Веселин.

— Кажется, многовато тебе пришлось — четыре мороженых!. . Желудок болит?

Веселин поднялся на локти и по секрету прошептал:

— Ничего со мной не случилось. Я притворяюсь.

— Нашел ты время вылеживаться, когда. . . — начал Чарли с недоумением, но не мог окончить, потому что Веселин быстро заговорил:

— Подожди, дай я тебе объясню. . . Завтра нужно было ехать в пионерлагерь, но я не хочу именно сейчас. . . Уговорю отца, чтобы он попросил перевести меня в другую смену. Только бы мне поверили, что больной. . .

Чарли посмотрел сочувственно на приятеля:

— Не завидую тебе, — покачал он головой. — Это настоящее несчастье — валяться до завтра в кровати!

— Ну-у, знаешь, это не так страшно. . . — здесь Веселин скромно остановился. — Я что-то. . . изобретаю. . .

— Серьезно! — воскликнул Чарли. Он был одним из рьяных почитателей Веселиновских талантов и приготовился слушать с интересом.

— Очень интересное изобретение! — загорелся Веселин. — Представь себе, выпьешь жидкость и гоп — исчезаешь, становишься просто невидимым, как воздух. . . Враги тебя не видят, а ты спокойно следишь за ними и даже входишь в их самые тайные убежища. . .

Краешком глаза Веселин посмотрел на своего товарища. Чарли не выглядел таким пораженным, как он ожидал, только лицо его приняло напряженный и задумчивый вид. Это, конечно, не было удивительным — вряд ли на свете есть мальчишка, который бы не мечтал стать невидимкой. . .

— Значит жидкость? — любопытно спросил Чарли.

— Да, жидкость. . .

Чарли подозрительно посмотрел на друга.

— Держу пари, что эта жидкость страшно. . . горькая!

— Горькая? — смутился Веселин. — Видишь ли, я об этом не думал. . . Ну, а кто тебе мешает подсладить ее по вкусу. . .

— Ты прав, изобретение интересное! — сказал Чарли, углубившись в свое собственное воображение, лихорадочно работавшее в этот момент.

— Страшно интересно! — оживился опять Веселин. — Я придумал и еще кое-что. Едешь, например, в Америку и там сразу открываешь, где находятся секретные склады атомных бомб. . . Ты не представляешь себе, как их там охраняют. . . Да. . . Но ведь ты же невидимка!. . Пока часовые ходят вокруг с автоматами, ты спокойно работаешь внутри. Вывинчиваешь у каждой атомной бомбы самый важный механизм, высыпаешь уран, выливаешь тяжелую воду. . . Потом вместо урана насыпаешь самый обыкновенный мусор, а вместо тяжелой воды — самую обыкновенную из-под крана. . . Американцы, конечно, не знают, что случилось, задаются. . . А когда придет время бросать свои атомные бомбы, они вдруг начнут плюхать, как хлопушки — ха, ха, ха!

— Хорошо! — сказал Чарли. — Эх, если бы это было так, мы бы не бегали за Тороманowым, как собачки, сразу бы узнали откуда ключ.

— Все бы поняли! — добавил грустно Веселин.

Тут Чарли вдруг вспомнил, зачем он пришел и взволнованно шлепнул себя по лбу:

— Эх, здорово мы отвлеклись! Я как раз из-за Тороманова пришел! Кажется Тороманов собирается бежать.

— Бежать? — удивленно посмотрел на него Веселин. — Как это бежать!

Чарли подробно рассказал обо всем, что слышал и узнал дома.

Таинственная жидкость сразу же была забыта, оба мальчика ушли с головой в не менее интересные тайны приключения, которое вот уже столько дней всецело поглотило их мысли.

— Да, интересная история, — сказал задумчиво

Веселин. — Почему Тороманова так торопится с платьями? Это мы должны непременно узнать!

— А мне кажется, что в этом есть что-то еще интереснее, — перебил его Чарли. — Почему это Тороманова шьет себе такие простенькие платья? Из-за скромности? Ну, нет! Она и сейчас одевается, как бывшая буржуйка — и глазом не моргнет! Ладно, может быть, им денег не хватает? И это не то. Она покупает дешевые и простые ситцы, а за шитье предлагает двойную цену! Тогда в чем же дело?

— Ты что-то придумал! — подозрительно посмотрел на него Веселин.

— Что-то мелькает у меня в голове, да не знаю так ли это! — признался Чарли. — Мне кажется, что Тороманова просто-напросто хочет замаскироваться. Она хочет притвориться обыкновенной женщиной из народа, скажем, как моя мама. . .

— Что-то мне не верится, — недоверчиво пробормотал Веселин. — Предположим, что она изменит платья, а лицо? Еще за километр можно понять, что она за птица, с этими крашеными волосами и выщипанными бровями.

— Ты не прав, — живо запротестовал Чарли. — Ну совсем не прав! Волосы можно перекрасить, с бровей смыть краску. . . Вообще если она помоется здорово с мылом, даже ты не узнаешь ее, если встретишь на улице.

Веселин задумался.

— А зачем по-твоему ей нужно притворяться простой женщиной?

— Откуда я знаю, зачем? — пожал плечами Чарли. — Представь себе, что она хочет бежать со своим мужем за границу. Такую пеструю и размалеванную, как сейчас, арестуют в первом же пограничном селе...

— Да-а! — внутренне уступил Веселин. — Скажу тебе по правде, дело начинает запутываться!

— Потому я сразу же пришел к тебе! — сказал со вздохом Чарли. — Может получится так, что они выскользнут из наших рук.

— Может! — мрачно согласился Веселин.

— Тогда получится как в поговорке: хотели брови

подрисовать, а глаза выкололи. Если Тороманов убежит, мы будем виноваты. Он может выскользнуть из наших рук, но от милиции — никогда!

Мальчики тревожно замолчали.

— Значит, нужно заявить в милицию, — проговорил наконец сокрушенно Веселин.

— Это самое разумное! — так же сокрушенно ответил Чарли.

Светлая солнечная комнатка словно померкла. В последние дни, пока они выслеживали Тороманова, пока старались разгадать его странные поступки, пока на расстоянии вели с ним борьбу, неумолимую и невидимую простым взглядом, их жизнь стала интересной, полной и разнообразной, как никогда. Впервые мальчики столкнулись с настоящей серьезной жизнью, впервые взяли на свою ответственность что-то важное, что могли делать только взрослые люди, и это давало им особое самочувствие, особую гордость. Сколько радости было бы, если они смогли бы довести дело до конца! Настоящая мужская радость! А теперь, нужно все передать в руки милиции и бесшумно отойти в сторону. . .

— Все же, нужно сказать Пешо! — проговорил наконец Веселин.

— Конечно нужно! — кивнул Чарли.

Эта мысль внезапно оживила их. Не давая себе отчета, не сознавая этого, они затаили скрытую надежду, что Пешо не согласится с их предложением. Не давая себе отчета, они все же ясно чувствовали, что Пешо сильнее их характером, что он способен взять на себя ответственность, которая была им не под силу.

— Знаешь что, — первым предложил Веселин. — Иди в сквер и подожди Пешо! Потом оба приходите сюда, и все вместе решим, что делать.

Чарли ушел с повышенным настроением. Пешо там не было. Но долго ждать его не пришлось. Через полчаса на улице показался Тороманов в своем обычном белом костюме, с обычной хозяйственной сумкой в руках. Он шел медленно, немного расхлябанно, не глядя по сторонам. В пятидесяти шагах от него, так же медленно и с виду небрежно шли Пешо и Бебо.

Наконец они все собрались в сквере. Осторожно, под предлогом, что Веселин болен и хочет видеть Пешо, Чарли увел его, на посту остался только Бебо. По дороге Пешо небрежно рассказал, что во время прогулки с Тормановым ничего особенного не произошло. Торманов с полчаса посидел у своей жены, потом вышел, купил десять коробок папирос, зашел в мастерскую туристических принадлежностей, ничего не взял оттуда и после этого вернулся домой.

— Что-то в последние дни дело не идет! — угрюмо заключил он. — С одной стороны приближаемся к самому важному, с другой — ничего нельзя понять!

— Верно! — сказал задумчиво Чарли. — Вот придем к Веселину, многое тебе станет ясно.

Пешо посмотрел краешком глаза на Чарли, но не спросил ничего. Более, чем какой-нибудь другой мальчишка, он умел быть сдержанным, когда это требовалось и никогда не терял достоинства от излишнего любопытства. У Веселина ребята подробно рассказали ему о последних событиях и о выводе, к которому пришли. Пешо молча слушал их и только время от времени прерывал каким-нибудь коротким вопросом.

— Нужно решить, что делать! — закончил Веселин, немного задетый невозмутимым поведением своего друга. — Это не может оставаться так.

Пешо не ответил. Напрасно Веселин думал, что он спокойно и даже немного холодно выслушал их запутанный рассказ и еще более запутанные предположения о том, что должно произойти. Пока мальчики говорили, лицо Пешо становилось все более непроницаемым, но под этой внешней маской скрывалась целая буря чувств. Неужели приходит конец их большому приключению? Неужели завтра придется все передать в чужие руки? От одной мысли об этом, кровь застывала в его жилах, но ему было ясно, что ребята правы. Дело начало превышать их силы — нет, не силы, а их возможность контролировать, и с этого момента любая неосторожность может привести к крайне плохим последствиям. Отказаться? Пойти и все передать милиции? Пешо сильно закусил губу. Того, что они сделали до сих пор, было совсем немало, это было даже

самым существенным! Именно они открыли преступника, они нашли его гнезда, они разгадали его намерения. Могли ли бы они сделать что-то больше? Бесспорно могли. Прежде всего, что это за таинственная дверь, которая открывается брошенным ключом Торомана? Если бы хоть это открыли, тогда пусть милиция кончает.

— Ты слышал, что я сказал? — недовольно спросил Веселин.

Пешо поднял голову.

— Прекрасно слышал! — немного сухо ответил он.

— Ну, и что ты думаешь?

Пешо перевел свои темные глаза на Чарли.

— Когда Торомaнова возьмет свои новые платья от твоей матери? — спросил он сдержанно.

— В следующую среду.

— Так, значит, через шесть дней! Тогда зачем эта паника? Еще никто к нашему горлу нож не приставил!

— Это не совсем так!

— Именно так! Есть две возможности: или то, что вы говорите — правда, или это выдумка. Если это правда, Торомановы ничего не предпримут, пока платья не будут готовы или, по крайней мере, пока Торомaнова не возьмет их. Верно?

— Верно! — сказал Веселин.

— А если то, что вы говорите, окажется всего-навсего пустым предположением, тогда незачем паниковать и менять свои старые решения. Я предлагаю следующее: в тот день, когда Торомaнова возьмет платья, мы пойдем в милицию и все расскажем. . . Хорошо?

Веселин и Чарли быстро и радостно переглянулись.

— Конечно хорошо! — сказал Чарли и возбужденно встал с места. — Это получше халвы на ниточке[1].

После тяжелого разговора ребята весело и широко улыбнулись, словно какая-то тяжесть упала с их плеч.

[1] По народному болгарскому обычаю, на заговенье все дети в семье собираются в одной комнате и выстраиваются в круг. Потом начинают вертеть по кругу кусок твердой халвы на ниточке, спущенной с потолка. Каждый ребенок старается откусить ртом кусочек халвы — хватать халву руками запретено. Это удается очень трудно, и в комнате все время звенит веселый смех детей и их родителей.

ИСЧЕЗ

В последующие дни, произошли два незначительных на вид события, которые здорово взбудоражили мальчиков.

Однажды утром в маленьком квартальном скверике собрались в ожидании утреннего выхода Тороманова не только дежурные наблюдатели, но и несколько добровольцев. К восьми часам из дома Тороманова вышла высокая худая женщина в темных очках, на которую в начале никто не обратил внимания. Внезапно Чарли, которому показалось, что в ее фигуре есть что-то знакомое, изумленно воскликнул:

— Да это Тороманова!

В первый момент никто не мог сообразить, почему ее не узнали сразу. Только внимательно присмотревшись они пораженно поняли — волосы! Тороманова покрасила свои до вчерашнего дня светлые волосы в самый обыкновенный каштановый цвет, который хотя и не имел естественного блеска, неузнаваемо изменил ее вид. Приглядевшись получше, мальчики увидели, что она постриглась, на бровях и ресницах краски нет, губы слегка подкрашены. Вообще она выглядела значительно скромнее и больше походила на человека, не было прежнего бросающегося в глаза отталкивающего вида.

— Видите! — торжествующе воскликнул Чарли. — Что я вам говорил!

— Интересно, когда она успела так перемениться?

— Вчера вечером, — тихо пробормотал Веселин. — Мы рано сняли посты и не дождались ее.

Тороманова завернула за ближайший угол, и улица стала безлюдной.

— Даже туфли сменила, — сказал Чарли. — На низком каблуке одела. . .

— Готовятся они к чему-то, — сдержанно заключил Пешо, оглядев всю группу. — Нужно быть на чеку, смотреть в оба!

На следующий день тревога увеличилась. Утром, следуя за Тороманым во время его обычной краткой прогулки, они увидели, что он зашел в мастерскую

туристских принадлежностей, куда заходил несколько дней тому назад. Но на этот раз Торманов не вышел оттуда с пустыми руками — большой новый рюкзак висел на его плече.

— Готовятся! — твердо решили ребята. — Никакого спора и быть не может!

Следующий день был воскресенье. Обычно в выходные дни мальчики все вместе ходили куда-нибудь на экскурсию. Летом их любимым местом была река Искыр — там они целый день купались, загорали, тайком ловили рыбу и поздно вечером возвращались воскресными поездами, довольные и счастливые на целую неделю. Конечно, в это воскресенье никто и не подумал о тихих и тенистых заводях Искыра — нужно было сидеть в городе и следить за Тормановыми. Пост был поставлен очень рано, но и до позднего вечера никто из Тормановых не показался на улице. Во второй половине дня мальчики встревожились — неужели Тормановы удрали ночью? Когда их тревога достигла высшей точки, они решили проверить, дома Тормановы или исчезли? Проверку поручили Косте. Он должен был позвонить Тормановым или, вернее, звонить долго, тревожно и настойчиво, пока ему не откроют. Когда же дверь откроется, Костя должен спросить доктора Найденова, которого, как будто вызывают по спешному случаю в соседний дом. В действительности же, доктор Найденов жил этажем выше, и Костя должен был притвориться, что спутал этаж.

Сложная разведывательная операция была произведена сразу же, но не дала никакого результата. Напрасно Костя звонил, напрасно ждал у дверей с колотившимся сердцем — никто ему не открыл, за молчавшей дверью не было слышно никаких шагов. Может быть, они спят? Нет, это было совсем невозможно, кто это спит в половине шестого дня! Костя позвонил в последний раз, подождал, потом подавленный спустился к приятелям.

Вся компания встревожилась не на шутку. А вдруг Тормановы ночью бежали куда-нибудь? Разговоры постепенно прекратились, ребята молчали, виновато поглядывая друг на друга, и ничего не говорили. Когда

совсем стемнело, и все окна в домах засветились, окна Торомановых остались все такими же темными с неподвижно опущенными шторами.

— Ясно, их нет дома, — с горечью сказал Костя. — Они удрали ночью.

— Это еще неизвестно! — сказал сдержанно Пешо, но в его глазах было не меньше тревоги, чем у других ребят.

— Наверное, они пошли на экскурсию, — тонким голоском отозвалась Юлия и с сочувственной нежностью посмотрела на Пешо. — Иначе и быть не может.

Ребята уже обсудили подобную возможность, но никто серьезно этому не верил.

— Пустое! — махнул рукой Костя. — Кто это ходит по ночам на экскурсию!

— Конечно ходят! — заупрямилась Юлия, но не потому что верила в это, ей просто хотелось утешить Пешо, хоть как-нибудь. — Некоторые уезжают даже поздно вечером.

— Верно, есть такие, — немного желчно сказал Чарли. — Только они не похожи на бабку Тороманову.

— Все вы ноете! — презрительно упрекнул Пешо. — Как будто вы не ребята, а старухи.

К десяти часам стали обсуждать вопрос, как легче всего связаться с милицией. Посыпались предложения, даже открыли какого-то дядю, который работает в Министерстве внутренних дел. Только Пешо и Веселин молчали, с надеждой поглядывая на улицу — им все не верилось, что так хорошо начатое дело может провалиться.

Наконец, к одиннадцати часам пришла развязка. В конце улицы появилась легковая машина и, когда она прошла мимо сквера, все заметили, что она необычайно пыльная и даже обрызгана грязью, хотя было сухо и давно не было никакого дождя. Веселин первым догадался, что в ней могут быть Торомановы, и заглянул на мгновение в окошечко машины. В полумраке перед его глазами мелькнула женская голова, повязанная шелковой косынкой, вспыхнул огонек папиросы.

— Тормановы, — воскликнул он радостно, хотя и не был вполне уверен, что рассмотрел хорошо.

Все повскакали и чуть ли не бросились на улицу всей гурьбой.

— Стойте! — резко и властно крикнул Пешо. — Только двое!

Когда Пешо и Чарли вышли из сквера, машина уже остановилась перед домом Тормановых.

— Ты понимаешь в машинах? — тихо прошептал Пешо.

— Понимаю!

— Запомни ее марку и номер. А я буду наблюдать за людьми.

Пока они приближались, из машины медленно вылезли супруги Тормановы такие же пыльные, с утомленными путешествием лицами. Вышел и шофер, это был человек лет сорока, с продолговатым мрачным лицом и черными подстриженными усиками. И его высокая, довольно стройная фигура, и брюки из хорошей материи, и даже хорошо сшитая клетчатая ковбойка совсем не напоминали простых шоферов легковых машин. Высокий мужчина подошел к багажнику, вынул оттуда большой зеленый рюкзак и молча подал его Торманову. Жена его уже ушла в дом. Торманов молча кивнул в знак благодарности и, не сказав ни слова, направился к подъезду.

Мальчики медленно прошли мимо. Их сердца бешено колотились от любопытства и возбуждения. В следующий момент они увидели на полутемном полотне улицы светлые следы фар и услышали усиливающийся шум мотора. Машина настигла их и проехала, потом на довольно большой скорости свернула налево, в первый переулок.

— Ты все видел? — спросил Пешо.

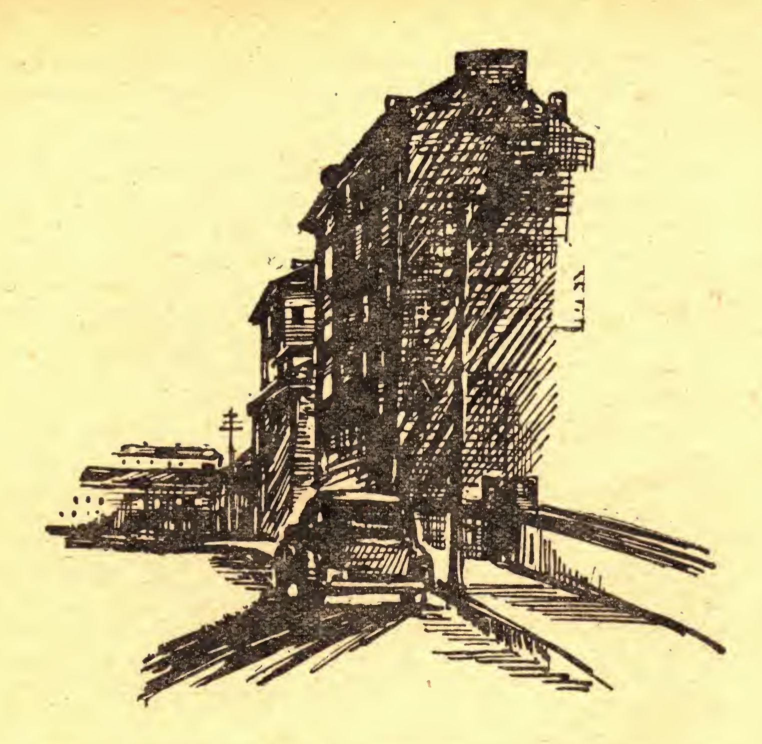
— Видел. . .

— Марка машины?

— Я хорошо помню все — машина пятиместная, марка «Шевроле».

— Ты уверен?

— А как же! — посмотрел на него Чарли с обидой. — «Шевроле», довольно сохранившаяся, черная,



заднее первое крыло ударено и ремонтировано, на окошечках занавески, задняя опущена, на переднем стекле автоматический очиститель и козырек из цветного стекла. . . Этого достаточно?

— А номер? — внезапно вспомнил Пешо.

— Все в порядке, у машины софийский номер — 1150.

После пережитой тревоги у мальчиков отлегло на сердце и поднялось настроение. Они разошлись по домам. . . На следующий день в шесть часов утра первые дежурные заняли свои посты в сквере, а к восьми часам там были уже почти все — включая и Юлию, тайком удравшую из дому. Утро не принесло ничего особенного. Тороманова купила молока в квартальном молочном магазине и вернулась домой, а Тороманов ходил только за газетой и папиросами к киоску. В этот

день магазинчик Торомановых по всей вероятности останется закрытым — воскресная прогулка, наверное, здорово утомила хозяев.

К четырем часам дня Тороманов вышел из дому со своей большой хозяйственной сумкой под мышкой. За ним пошел Костя, а Юлию и Бебо сразу же послали к дому зубного врача. Почти вся оставшаяся группа рассыпалась по улице, чтобы издали следить за своим неприятелем. Никогда еще до сих пор Тороманов не ходил под таким огромным конвоем — на этот раз были приняты все меры, чтобы он не ускользнул из их рук. После событий последних дней мальчики смутно чувствовали, что решительный час наступил.

Но Тороманов и не подозревал, что находится в таком плотном окружении, он шел спокойно, на перекрестках быстро бросал взгляд назад, но ни разу не обратил внимания на мальчишек, которые шли себе по улице, не глядя на него. Дойдя до первого большого продуктового магазина, он вошел туда, не торопясь рассмотрел витрины и начал делать покупки. Он купил полкруга хорошего сыра, потом несколько банок варенья. Костя, делавший вид, что небрежно рассматривает витрины, почувствовал, как его сердце учащенно забилось.

Покупки возобновились!

В КАБИНЕТЕ

Задыхаясь от спешки Юлия и Бебо пришли к дому зубного врача. По предварительному плану они должны были ждать Тороманова здесь, в случае, если ему удастся каким-нибудь образом ускользнуть от других преследований. Притом Бебо должен был сразу же подняться к зубному врачу, как обыкновенный больной, и разузнать, что делается наверху. Эта мысль совсем не соблазняла его, и он даже чувствовал, как занемел его гнилой зуб. Не очень-то будет приятно, когда незнакомый зубной врач зажмет его на стуле и введет в дырочку зуба противное сверло.

В ранний послеобеденный час улица была пустынна. Откуда-то издали долетал обычный шум больших столичных бульваров — трамвайные звонки, гудки автомобилей, тонкие свистки милиционеров, регулирующих уличное движение. Откуда-то вылезла толстая серая кошка и лениво направилась к противоположному тротуару. Юлия, очарованная ее гибкой походкой и большими красивыми желтыми глазами, хотела позвать «кис, кис», но мгновенно вспомнила, что она уже боль-

шая, серьезная девочка, что у нее здесь важное дело и пристыженно закрыла рот.

Прошло четверть часа, ничего особенного не случилось. Время от времени случайные прохожие пересекали улицу, какой-то велосипедист рассеянно позванивал, и снова наступала тишина. Окна в квартире зубного врача были открыты, но там не было видно ни души, как будто и в комнатах, и в кабинете не было никого. За все это время из подъезда белого дома вышла только какая-то сгорбленная старушка, и никто не вошел туда. Так ждать было довольно скучно.

— Слушай, Бебо, давай поиграем в классы! — внезапно предложила Юлия.

Бебо, думавшему все время о своем зубе, было не до игры.

— Глупости! — сказал он презрительно. — Что я девчонка, что ли!

— И мальчики играют в классы. . .

— Играют малыши. . .

— А мы должны играть! — сказала настойчиво Юлия. — Если кто-нибудь увидит сверху из окна, как мы стоим и ждем, может усомниться. . .

Бебо со вздохом согласился, что это действительно так. Юлия вынула из кармашка передника кусок мела, начертила классы, и игра началась. Уже давно, с тех пор как ее приняли в компанию мальчиков, она не играла ни в какие игры и сейчас увлеклась, глаза ее радостно заблестели. В самый разгар игры кто-то рядом с ними произнес:

— А мне можно с вами поиграть?

Юлия вздрогнула и повернулась. На тротуаре стояла высокая худенькая девочка, с двумя толстыми, блестящими черными косами на груди и новым красным галстуком на белой блузке. Это была девочка, с которой она познакомилась в прошлый раз, пока ждала здесь на улице Торомaнова.

— Ох, это ты! — обрадовалась Юлия. — Ну, конечно! Втроем интереснее.

Но Бебо надулся. Играть с одной девчонкой в классы — куда ни шло, ни с двумя — это уже ни на что не похоже. И потом. . . если внезапно появится То-

романов — как они отвяжутся от нее? Он неохотно скакал на одной ноге по квадратам и чувствовал, как его настроение падало все ниже и ниже. Стоявшие рядом девочки внимательно следили за ним.

— А вы не боитесь играть на нашей улице? — вдруг спросила Живка.

— А чего бояться?

— Как чего? А если Крум придет?

— Какой Крум? — не поняла Юлия.

— Тот, которого вы били в прошлый раз. . .

Юлия совсем забыла о нем. Бебо перестал скакать и все еще дуясь за то, что его заставили играть, гневно пробормотал:

— Пусть только он покажется, я как дам ему — вон туда полетит.

Юлия с уважением посмотрела на его палец — он показывал не меньше, чем на середину улицы. Живка, которая была постарше, совсем не увлекалась его хвастовством и медленно покачала головой.

— Вы не знаете какой он, потому и говорите. . .

— Пусть только сунет сюда нос! — храбро возразил Бебо, хотя уже не был уверен в силе своих кулаков, как это могло бы показаться по его тону.

— Лучше будет, если он не покажет носа, — скептически заметила Живка.

— Нет, нет, лучше, если покажет. Как раз отучим его задираться.

— Во всяком случае, он очень плохой мальчик, — заметила тоном взрослой девочки Живка. — Представьте себе, его поймали в школе, когда он рисовал мелом свастики.

— Что, что?

— Ломаные кресты! — важно объяснила Живка. — Фашистскую эмблему! — Представьте себе, я не верила, что есть такие мальчишки! Он просто фашист!

— Хорек несчастный! Пусть только он появится! — мрачно пригрозил Бебо.

Но не прошло и пяти минут, как он горько пожалел о своей угрозе. Как раз в разгар игры, откуда-то из дворов вышел рыжий негодяй и медленно направился к ним. Он как всегда был босиком, в коротеньких шта-

нах, в одной руке он держал гибкий прут, в другой кусок старого железа. Увидев его вооружение, Бебо почувствовал, как кровь застывает в его жилах, лицо его чуть заметно побледнело. Рыжий подошел, и заметив Юлию, впился в нее своими маленькими злыми глазками. Было совсем очевидно, что он узнал своего старого врага.

— А ну-ка! Убирайтесь отсюда! — грубо и мрачно приказал он. — Ну, чтоб духа вашего здесь не было!

— Убирайся ты! — так же грубо крикнул Бебо, но голос его как-то дрогнул, и лицо потеряло свое решительное выражение.

Резкий тон все же произвел впечатление на рыжего.

— Ты не задавайся! — сказал он более мягко. — Как тебе дам оплеуху, вон к тому забору прилепишься, как почтовая марка.

— А я как тебе дам — оба глаза выскочат!

Но каким грозным ни было обещание Бебо, тон его был довольно примирительным и весь вид не предвещал ничего такого.

— Ой, ой, — злобно пробормотал рыжий. — Очень ты страшный.

— Мало тебе было в прошлый раз!

В глазах рыжего мелькнула ненависть и любопытство.

— А-а, ты из тех? Не потому ли ты такой грозный! — Он многозначительно повертел прут в руке. — Подойди, подойди, ты мне нужен. . .

— А другие тебе не нужны?

— И другие нужны. . .

— Тогда подожди только две минутки! Они сейчас придут!

На лице рыжего мелькнуло явное беспокойство.

— А где они?

— Здесь наверху, у зубного врача! Если хочешь, могу им свистнуть. Ты и пикнуть не успеешь, как они уже будут здесь.

Рыжий бросил на Бебо продолжительный взгляд, полный ненависти и потом, не сказав больше ни слова, так же медленно пошел по улице. Победитель, оставшийся на поле боя, торжествующе посмотрел на дево-

чек, ради которых он не сбежал еще в первый момент. Но к его удивлению лицо Юлии было неприветливым и даже хмурым.

— Здорово ты ему дал! — сказала она с горечью. — Просто щека у него посинела!

— Постой, но. . .

— Если бы здесь был Пешо, — прервала его сердито Юлия. — Он рассчитался бы с ним. . .

Бледное лицо Бебо порозовело от внезапного прилива крови.

— Ясно ли тебе, что не нужно подымать шума, — сказал он, смутясь. — Ты же знаешь, какая у нас задача.

Юлия молчала, но последняя фраза очевидно произвела впечатление на Живку, потому что, некоторое время спустя, она спросила:

— А зачем вы ходите сюда? Ведь вы далеко живете?

— Так. . . приходим, — все еще обиженно и недовольный вопросом, сказал Бебо.

— Наверное, здесь тротуар лучше, чтобы играть в классы, — с легкой иронией заметила Живка.

— Глупости — классы! Я просто хожу. . . к зубному врачу.

— Ага!

— Лечу зуб. . .

— Да, но врач живет наверху. . .

— А я жду, когда подойдет время! — сердито ощетинился Бебо. — У меня назначен определенный час.

Живка улыбнулась, ее смуглое лицо, как будто засияло.

— Другими словами, тебе немного страшновато, — сказала она, но в ее тоне было больше сочувствия, чем насмешки.

— Не то, чтобы мне было страшно, но. . .

— Знаю, знаю!. . Во всяком случае, все говорят, что этот зубной врач просто прекрасный. Работает так, что не охнешь. . .

— Ты знаешь его? — внезапно спросила Юлия.

— А как же! Мы ведь живем в одном доме. . . Я лечила у него зуб, посмотри, — она устрашающе разинула

рот перед своей новой подружкой. — Этот запломбированный, видишь! Он очень хороший человек и здорово делает, говорю тебе!

— Хороший? — переспросила недоверчиво Юлия.

— Да, хороший. . .

— А ты уверена?

— Как тебе сказать — уверена, конечно! — но голос ее не прозвучал совсем твердо. — Вообще он почтенный человек.

Юлия продолжительно посмотрела на нее.

— А вот я слышала, что он фашист! — внезапно ляпнула она.

Сильное слово потрясло ее новую подругу. Она замигала, даже задумалась на мгновение, потом чуть улыбнулась.

— Нет, он не фашист. . . И речи не может быть. . . С какой это стати он фашист? Ты просто выдумала.

— А ты очень в этом уверена? — спросил Бебо.

— Уверена! — на этот раз более решительно сказала Живка.

— Откуда ты знаешь?

— Да папа мне говорил. . .

Бебо на мгновение задумался.

— А кто твой отец?

— Папа? Папа — офицер.

— Наверное, он из старых офицеров

— Нет, — немного нетерпеливо возразила Живка. — И если хочешь знать, он учился в Советском Союзе, два года тому назад окончил. . . А почему это вы спрашиваете?

— Ничего, так просто разговариваем, — пробормотал внутренне удовлетворенный Бебо. — Только. . . мы забыли классы. . . Чья сейчас очередь?

— Моя! — ответила Юлия без настроения.

В сущности у нее было право потерять всякое настроение. Во-первых Бебо струсил перед ней, а во-вторых — с какой это стати зубной врач хороший человек? Если он действительно хороший человек, выходит они напали на неверный след, а они все так рассчитывали, что у зубного врача распутаются все загадки. Нет, не может быть, наверное Живка обману-

лась! Разве может какая-то девчонка проникнуть во все тайны шпиона. Ведь шпионы потому и шпионы, что умеют хорошо притворяться! Иногда и по десять лет могут жить под твоим носом, совершать самые большие предательства, а ты ничего и знать не будешь.

Но хотя Юлия сама успокаивала себя, она чувствовала тревогу в сердце. А может быть, Тороманов совсем случайно ходил к зубному врачу. Может быть, тайна ключа окрывается совсем не здесь! Вот и теперь, прошло уже столько времени, а никто не появлялся — ни Тороманов, ни его преследователи. Может быть, они напрасно теряют здесь время.

Но беспокоилась она зря. Через полчаса на улице показался Тороманов с полной сумкой в руках. Заметив его, Бебо прекратил игру и беспокойно сказал:

— Мне пора идти! Доктор, наверное, уже ждет!

— Хорошо, иди, — кивнула Юлия. — Я буду здесь играть с Живкой.

В конце улицы показался Костя, а спустя немного времени и Пешо. Точно в этот момент Тороманов остановился у подъезда, бросил беглый взгляд назад и нырнул внутрь. Бебо мгновение поколебался, потом и он пошел медленно к большому белому дому.

Войдя в подъезд, Бебо оглянулся и стал подыматься по лестнице. Он совсем не был спокоен, хотя и не было ничего страшного в том, чтобы среди бела дня сделать визит какому-то зубному врачу. Он совсем забыл о своем зубе, его мысли сейчас были направлены к человеку в белом костюме и к неизвестному таинственному зубному врачу, которые уже наверное о чем-то сговариваются наверху.

Поднявшись на третий этаж, он увидел дощечку зубного врача и нерешительно остановился. Дороги назад нет! Его палец надавил кнопку — откуда-то из глубины комнат еле слышно донесся звонок. Прошла длинная минута напряжения, потом двери бесшумно отворились. Бебо судорожно глотнул. На пороге появился низкий широкоплечий мужчина с широким, круглым, добродушным лицом. Его светлые глаза остановились на смущенном, почти испуганном лице мальчика, и в них появился насмешливый блеск. Зубной врач,

видимо, по-своему истолковал страх маленького пациента.

— В чем дело, парень? — спросил он шутливо.

— Я. . . Я. . . У меня один. . . зуб, — смущенно пробормотал Бебо.

— Ну-у, только один зуб? — засмеялся врач. — Вот так случай!

— Нет, нет! У меня один гнилой зуб! — взял себя в руки Бебо.

— Да ну! А я бьюсь с тобой об заклад, что самое меньшее четыре! Заходи!

Бебо покорно вошел. Они прошли маленький узкий коридорчик и вошли в комнату ожидания, такую же тесную, голую, без окон, с несколькими стульями и низким круглым столиком, на котором были разбросаны старые журналы с порванными обложками. Первое, что здесь увидел Бебо, была громадная хозяйственная сумка Тороманова, поставленная между столиком и стеной. Привлеченный ею, словно гигантским магнитом, он сел на стул около нее.

— Подожди немного, у меня только один больной, — сказал врач и вошел в кабинет.

Бебо с любопытством посмотрел ему вслед. Врач не закрыл дверь кабинета плотно, и Бебо со своего места видел все, что делается внутри. На громадном, старательно начищенном зубоврачебном кресле сидел Тороманов, развалившись свободно и небрежно, словно он лежал в шезлонге на своей даче. Тороманов сидел спиной к двери, так что Бебо не мог видеть его лица, но это было удобно — ничего приятного не было в том, если бы человек в белом костюме наблюдал за ним все время.

— Откройте рот! — сказал врач и взял какой-то длинный никелированный инструмент. — Так! Осталось немного.

Бебо задумался. Нет, это не было похоже на таинственный заговор. Тороманов только что сел в кресло и, если бы им нужно было что-то сказать друг другу, они по крайней мере закрыли бы дверь. А почему она открыта? Наверное потому, что в этой комнате не было окон и единственным светом, который проникал в нее, был свет из кабинета с большими солнечными окнами.

Кроме того, в отношении зубного врача к своему пациенту чувствовалось что-то официальное, это было обычное обращение любого врача со своим пациентом. Может быть, напрасно ему будут ковырять здесь зуб? Нет! Нет! Не надо торопиться с выводами. Шпионы, конечно, никогда не подают вида, что их что-то связывает.

Как только врач нагнулся с инструментом ко рту Тороманова, Бебо внимательно рассмотрел большую хозяйственную сумку. По всему было видно, что она переполнена продуктами: торчали хвостики колбасы, пахло свежим сыром, соблазняли своими золотистыми корочками несколько больших белых хлебов. Бебо, который ничего не ел с самого обеда, молча проглотил слюну. А нет ли там нескольких романов? Нет, никаких книг не было видно! Внезапно Тороманов зашевелился на своем месте, и Бебо осторожно отодвинулся.

Пока врач работал, они не проронили ни слова. Наконец зуб был запломбирован, и Тороманов с облегчением поднялся с места.

— Вы кончили? — спросил он немного нетерпеливо.

— Это кончил. . . А мост?

— Нет, не сейчас, — покачал большой головой Тороманов. — Я спешу. У меня дела.

— Это дело не долгое, — сказал врач. — Хотя бы подготовку сделат..

— Нет! Нет! Сейчас это бессмысленно. Да я и уезжаю на днях, когда вернусь, тогда.

— Как хотите! — любезно улыбнулся врач. — Но лучше, начав работу, довести ее до конца. . .

Тороманов встал, вынул из кармана пачку мелких денег и расплатился. Потом он затянул пояс на брюках, который временно распустил, и медленно пошел в комнату ожидания. Бебо сунул нос в журнал, который взял в руки, в то же время внимательно следя за всем. Тороманов взял сумку с продуктами, рассеянно пробурчал «до свидания» и так же медленно вышел. Бебо отлично видел, как дверь закрылась за его спиной, и мягко щелкнул английский замок.

Мгновение Бебо стоял неподвижно и ошеломленно.

То, что произошло так внезапно, совсем не отвечало их предположениям. Все считали, что Тороманов носит сумки, полные продуктов и книг, зубному врачу, что здесь в его кабинете кроются разгадки всех тайн, а выходит, что они горько обманывались. Тороманов вынес сумку с продуктами, и кто знает, куда он пойдет, какими тайными путями поведет их. Его до такой степени охватило горькое разочарование, гнев, огорчение, что он даже забыл, где находится.

— Иди сюда, мальчик, — послышался из кабинета голос врача.

К черту этого врача! Сейчас после всех бед и несчастий он должен вытерпеть и жестокое мучение. Бебо, как осужденный, встал со своего места и безропотно подошел к никелированному креслу.

— Сесть? — спросил он угасшим голосом.

— А как же? — улыбнулся врач. — Стоя, конечно, нельзя!

Бебо сел, как на электрический стул, и умоляюще посмотрел на врача.

— Прошу вас, доктор, сделайте так, чтобы не было больно.

— Господи боже, какой богатырь! Конечно, не будет болеть. Естественно, если ты будешь сидеть смирно и не дергаться.

Действительно, совсем не было больно. После осмотра оказалось, что у него два разрушенных зуба, но врач начал лечить только один. Он работал ловко, осторожно, время от времени хитро подмигивая своему маленькому пациенту.

— Ну как, было больно? — спросил врач, окончив работу.

Бебо встал с воодушевлением. Он забыл о Тороманове, забыл свои тревожные мысли — он был исполнен радостным чувством спасения от мучений.

— Завтра я приду снова! — великодушно пообещал он, и просто вылетел из кабинета. Когда он спускался по лестнице, его веселый свист раздавался по всем этажам, в своих спортивных тапочках он легко перескакивал через несколько ступенек. Внезапно на последнем повороте лестницы он остановился. Ему по-

казалось, что в дверях подъезда мелькнула чья-то белая спина и исчезла на залитой солнцем улице. Эту спину он бы узнал даже во сне. Короткого мгновения, в которое он его увидел, было достаточно, чтобы узнать Торoманова. Одного не мог себе объяснить Бебо, где пропадал Тороманов эти десять минут, пока врач делал ему зуб. Но сейчас для размышлений не было времени. Бебо быстро выскочил на улицу — как раз в тот момент, когда Тороманов сворачивал в переулок. По противоположному тротуару шел Костя, с притворной небрежностью, засунув руки в карманы.

— Не уйдет! — с облегчением вздохнул Бебо.

Он знал, что немного дальше, у церкви, двое мальчиков с завидным увлечением играют в шарики. Но так только казалось. Это были ребята, которые ожидали появления Тороманова, чтобы принять от Кости дальнейшее преследование.

Бебо оглянулся и заметил Пешо, сердито смотревшего на него. Чуть подальше стояла Юлия и что-то оживленно говорила Живке. Пешо подошел нахмуренный. На его сердитом лице было что-то от гнева взрослых людей.

— Ты что же прилепился к нему? — с сдержанной злостью сказал он. — Мы ведь решили, что ты останешься у врача. А ты. . . бежишь, боишься пропустить чего-нибудь!

В первый момент от его сердитого лица и несправедливого обвинения Бебо растерялся.

— Пешо, подожди, я тебе объясню!

— Чего мне объяснять, и так все ясно!

— Но ведь я действительно остался у зубного врача. . . и остался там около десяти минут, после него. Честное пионерское — вот посмотри. — И он показал зуб.

— Уж не хочешь ли ты мне сказать, что Тороманов десять минут спускался по лестнице?

— Я не знаю, где он был, но нагнал я его у самого выхода.

— Зелен ты, брат! — снова разозлился Пешо. — Ловко же тебя одурачили. Пока ты сидел в кресле, разинув рот, врач провел его в другую комнату, они

сделали там свое дело, и перед твоим уходом он проводил его до дверей квартиры.

Тут и Бебо рассердился.

— Если ты будешь спешить ругаться, я ничего не скажу! Только знай одно — зубной врач почтенный человек!

— Ха! Нечего сказать! — удивился Пешо. — Если почтенные люди дружат с темными личностями и устраивают в своих домах склады продуктов, тогда какими же будут непочтенные?

— Если бы ты выслушал меня, все понял бы! Я не спускал глаз с Торманова, пока он не вышел из квартиры. Я уверен, что зубной врач считает Торманова самым обычным больным.

— А тогда почему же он берет продукты?

— В том-то и дело, что он. . . — здесь Бебо остановился для большего эффекта, — продукты он носит не врачу.

— Ты уверен? — взволнованно и ошарашено воскликнул Пешо.

— А как же! — с гордостью сказал Бебо. — Я заглянул в его сумку — все продукты были там. . . Потом он взял ее и вынес на моих глазах такой же полной.

— Куда он ее вынес?

— Как куда, вынес из квартиры, замок щелкнул за его спиной.

Лицо Пешо приняло совсем смущенное и запутанное выражение.

— Этого не может быть, — сказал он и в его голосе впервые с тех пор, как началась вся эта история, прозвучали нотки беспомощности.

— Как это не может быть? — в свою очередь удивился Бебо.

— Не может быть, потому. . . потому что Торманов вышел из дома с пустой сумкой.

Тепер Бебо уставился на него.

— Правда?

— Абсолютная правда! — взгляд Пешо внезапно прояснился. — Подожди, дело еще не потеряно! Значит, он носит продукты не зубному врачу, но все же в этот дом! Это точно!

И сделав несколько взволнованных больших шагов по тротуару, горячо прибавил:

— Видишь, какое важное открытие мы сделали? Просто удивительно!

Но Бебо очевидно не видел в этом открытии ничего радостного:

— Черт возьми! — выругался он. — Только было напали на след и все пропало!

— Подожди, еще ничего не пропало! Будем искать!

Бебо сделал отчаянный жест рукой, словно хотел сказать «ищи ветра в поле». Но глаза Пешо сло́вно разгорелись от внутреннего напряжения.

— Дом вверх дном перевернем, — добавил он, — и все же узнаем в чем дело!

Внезапно Бебо повернулся и внимательно посмотрел на двух девочек, которые делали вид, что продолжают заниматься своими классами, и в то же время бросали на них любопытные взгляды. «А почему бы и нет? — мелькнуло у него в голове. — Это действительно облегчило бы дело».

— Слушай, у меня идея, — сказал он почесываясь.

Пешо вопросительно посмотрел на него.

— Видишь эту девчонку? Эту, которая играет с Юлией. Она живет в этом доме и знает всех жильцов. Лучше всего поговорить с ней подробно, расспросить ее.

— Нельзя доверяться незнакомым лицам! — хмуро сказал Пешо.

«Лицо» словно почувствовало, что говорят о нем и любопытно уставилось на него.

— Слушай, ее отец офицер! — быстро продолжал Бебо. — И она сознательная, даю тебе честное слово! Да и что сделать, все равно нужно найти в этом доме какого-нибудь знакомого.

— Девчонки много трепятся, — мрачно сказал Пешо, но по его тону чувствовалось, что он уступит.

— Хорошо! — Мы не скажем ей все! Как-нибудь обманем ее.

— Ну, так можно!

И подумав с минуту, тихо добавил:

— Хорошо, попробуем. Только надо немного подумать, как ее подцепить.

Обе девочки совсем прекратили игру и смотрели на них любопытными, ожидающими глазами.

ВЕРТИТСЯ!

Отец Живки действительно был офицером и еще неделю тому назад уехал со своим полком в летний лагерь. Вчера ее мама уехала в одно из ближайших к полку сел, чтобы отвезти мужу некоторые необходимые ему вещи. Живка осталась дома одна, но никто не видел в этом ничего особенного. Хотя ей и было всего тринадцать лет, она отличалась самостоятельным характером, производившим впечатление и на взрослых. Ее мать была домоуправом, и сейчас Живка замещала ее. Люди, которым приходилось обращаться к ней, удивлялись живым и умным ответам девочки, практичности, с которой она разрешала все вопросы. Воспитанная самостоятельной, она была разумной, спокойной и необыкновенно проницательной для своего возраста.

Еще с самого начала ей было не трудно догадаться, что Бебо и Юлия пришли на их улицу не просто поиграть в классы или пойти к зубному врачу, а по какому-то другому делу. Когда Бебо торопливо и таинственно исчез, а после этого пришли другие ребята, которые вели себя так же таинственно, ее подозрения перешли в полную уверенность. Хотя по своей природе она и не была любопытной, на этот раз любопытство крепко засело в ее душе: что ищут здесь эти ребята, что у них за особое тайное дело?

Когда Бебо и Пешо с решительными и заговорщическими лицами подошли к ней, она не удивилась. Не удивилась она даже, когда Бебо заговорил с ней серьезным, не мальчишеским тоном.

— Слушай, Живка, мы хотим поговорить с тобой по одному очень серьезному делу.

— Хорошо! — спокойно кивнула головой Живка.

— Но действительно по-важному! — недовольно сказал Бебо. — Ты просто не понимаешь!

— А, может быть, понимаю, — возразила девочка, и глаза ее как-то особенно заблестели.

— Только здесь на улице не совсем удобно, — вмешался Пешо. — Лучше пойдемте в какой-нибудь двор,

— Тогда пошли к нам домой! — предложила Живка. — У нас никого нет, мы будем совсем одни.

Узнав, в чем дело, ребята сразу же согласились пойти к Живке. Их квартира была на первом этаже, и из прихожей они вошли прямо в большую гостиную, мебелированную скромно, но со вкусом. Посреди гостиной стоял раздвижной стол светлого дерева, окруженный мягкими стульями, на которых и расположилась удобно вся компания. Наступило неловкое молчание.

— Видишь ли, Живка, в чем дело, — начал Пешо первым. — Скажу тебе прямо, мы следим за одним фашистом. А так как мы поняли, что ты хорошая девчонка и, конечно, хорошая пионерка, мы решили тебе довериться. . .

Живка чуть заметно покраснела. Хотя, как и все умные девочки, она была чужда лести, серьезно сказанные слова обрадовали ее как-то неожиданно сильно.

— Во-первых, — продолжал Пешо, — дай нам честное пионерское слово, что будешь хранить тайну. Это не игра, это серьезное патриотическое дело! Если ты не будешь хранить тайны, лучше не говорить вообще!

Все вопросительно посмотрели на Живку. Она повернула голову и, встретив вспыхнувшие, полные мольбы глаза Юлии, тихо и немного стыдясь сказала:

— Даю честное пионерское слово!

— Хорошо, тогда продолжим! Этот фашист недавно входил в ваш дом. Не знаю, видела ли ты его — такой полный, в белом костюме. . .

— Видела! — кивнула Живка. — У него в руках была большая хозяйственная сумка.

Мальчики удивленно переглянулись.

— Правильно, — сдержанно сказал Пешо. — Мы подозреваем, что в этой сумке он носит листовки. . . конечно, фашисткие листсовки. . . Хорошо, человек во-

шел в дом, задержался там около получаса и вышел с пустой сумкой. Ясно, что листовки он оставил там... Спрашивается, кому он их оставил?

— Понимаю! — медленно сказала девочка, хотя ум ее лихорадочно работал.

— Кому он мог их оставить? — продолжал Пешо. — Вот в чем вопрос! Есть ли в вашем доме такие люди, которым бы он мог оставить фашистские листовки?

Хотя все это произвело потрясающее впечатление на Живку, она не шевельнулась. Ее ум лихорадочно работал, она быстро соображала, перед ней, как на киноленте проходили лица, полузабытые случаи. Есть ли в их доме сомнительные люди? Наверное, есть, хотя она никогда не думала об этом. Но кто это может быть? Внезапно ее осенила какая-то мысль, и она сразу же спросила:

— Когда Бебо пошел за человеком, ему ничего не удалось узнать?

Бебо смущенно заморгал, потом вопросительно посмотрел на своего товарища. Было совсем очевидно, что

Живка очень наблюдательна, и ничто не может ускользнуть от ее взгляда.

— Дело вот в чем! — сказал Пешо с уважением. — Мы думали, что этот человек отнесет листовки к зубному врачу, который живет на третьем этаже. Бебо пошел туда, но человек вынес оттуда полную сумку. Куда он их девал мы не знаем, но ясно, что он оставил их в доме.

— Тогда давайте немного подумаем, — предложила Живка. — В доме девять квартир.

— Почему девять?

У нас пять этажей, на каждом по две квартиры, но одна из них — ателье художника. Итак, значит, не мы, не зубной врач, остается семь квартир.

— А почему ты не считаешь ателье? — спросил Бебо.

— Подождите, узнаете! Художник живет на первом этаже, напротив нас. . . Он коммунист, сейчас рисует картину о Сентябрьском восстании. . . Значит, он не может быть. . .

— Не может! — вся компания кивнула почти одновременно.

— Хорошо, остается шесть, даже пять, потому что на третьем этаже, рядом с квартирой зубного врача живут наши родственники. . . Я их хорошо знаю, они не могут быть. . .

— Ни в коем случае? — подозрительно спросил Пешо.

— Ни в коем случае, — строго ответила Живка. — Они совсем надежные люди.

— Хорошо, давай по этажам! — предложил Пешо.

— Ладно, давайте по этажам! На втором этаже живет Дончев. Он инженер, как вам сказать, не очень-то симпатичный человек. . . Его можно считать подозрительным. Но дело в том, что сейчас там никто не живет. . . Месяц тому назад вся семья инженера уехала на курорт и еще не вернулась. . . Сейчас, когда мы шли сюда, я видела, что их почтовый ящик забит газетами, вынуть их оттуда некому.

— Осталось четыре, — подсчитал Бебо.

— На третьем этаже живет еще профессор Хаджиев,

очень хороший человек, жена его все время болеет. . . Он такой тихий, милый, любезный, весь седой и так хорошо относится к людям, что все в доме его любят... — Живка подумала, потом решительно отрезала. — Он не может быть!

— Да, это невозможно! — задумчиво добавил Пешо.

— Третий этаж уже проверили, — продолжала Живка. — Там живет зубной врач и наши родные. На четвертом этаже живет Морис Давыдов, еврей, он работает в Министерстве иностранных дел. . . Такой толстый, но очень хороший, часто проводит в нашем квартале беседы.

— Дальше, — немного нетерпеливо пробормотал Пешо.

— На четвертом этаже живет еще Стефан Петров, бухгалтер одного завода. . . кажется, по производству лака. . . Он такой сердитый, хмурый, я редко вижу его. . .

— Он сомнительный, — с надеждой воскликнула Юлия.

Живка медленно покачала головой:

— По-моему, нет! Его жена народный заседатель, а как вам кажется, могли бы выбрать судить людей человека из подозрительной семьи? Безусловно, нет! Народными заседателями выбирают только самых честных людей.

— Остался пятый этаж, — подбросил Бебо.

— Я ведь вам говорила, там есть только одна квартира. . . В ней живет дядя Трифон, рабочий, один из лучших красильщиков шерсти. О нем и речи не может быть, ему дали квартиру по решению Министерства.

В комнате наступило смущенное напряженное молчание.

— Что же это получается! — отозвался наконец Бебо. — Значит, в этом доме нет подозрительных людей.

— Выходит, что нет, — смущенно и совсем запутавшись сказала Живка.

— А это не верно! — сердито сказал Бебо. — Человек внес листовки сюда и оставил их, вышел без них... Кому он их оставил? Значит, кто-то из твоих божьих коровок тайный фашист.

— Не может быть, — сказала Живка, но на этот раз ее голос не был совсем уверенным. — Ну скажи, кто? Все такие хорошие, серьезные люди! Ну, так кто же?

— Откуда я знаю! Может быть и профессор. . . Как будто он милый, любезный, а за пазухой нож держит...

— Глупости! — возмутилась Живка. — Я говорю вам, не он. Это действительно хороший человек.

Пешо, который до этого момента молчал глубоко задумавшись, с побледневшим лицом, наконец поднял голову:

— Не спорьте, — сказал он чуть глухим голосом. — Я знаю, куда Тороманов отнес сумку.

Все с удивлением посмотрели на него.

— Знаешь? — воскликнул Бебо. — Как можешь знать?

— Вот и знаю! — твердо сказал Пешо. — Он оставил сумку у инженера Дончева.

Живка разочарованно посмотрела на него:

— Так я же сказала вам, что сейчас там никто не живет! Их нет в Софии.

— Это не имеет никакого значения, — все так же глухо возразил Пешо, и все заметили, как его глаза лихорадочно горят. — Людей этих действительно там нет, но они оставили ему ключ. Понимаете, у Тороманова есть ключ от чужой квартиры.

Бебо и Юлия словно онемели, пораженные внезапным открытием. Жгучая тайна, которая столько времени занимала их — тайна выброшенного из окна ключа, сейчас внезапно блеснула перед их глазами ослепительно ярко. Вот какие двери он открывал, вот для чего был нужен! Таинственное поведение Тороманова в связи с ключом сразу же становилось ясным и легко объяснимым! Но не обманывался ли Пешо? Не было ли это каким-то странным совпадением? Только Живка, не знавшая историю брошенного ключа, с сомнением смотрела на чудных гостей.

— Все это мне кажется не совсем вероятным, — сказала она смущенно. — Зачем будут оставлять листовки в пустой квартире? Какой в этом смысл?

— А откуда ты знаешь, что квартира пустая? —

спросил Пешо. — Там, может быть, его ожидает другой человек, у которого тоже есть ключ. И, может быть, даже не один, а несколько. И именно им он оставил продукты.

— Какие продукты? — подняла брови Живка. — Ведь речь идет с листовках?

Но Пешо не смутился.

— Да! — кивнул Пешо. — Листовки-то на дне, а сверху они замаскированы всякими продуктами.

— Тогда почему же он не унес обратно продукты? — настаивала Живка. — Почему и их оставил там? Ведь они были только для маскировки.

— Выходит, что не только для маскировки! — неохотно ответил Пешо. — Наверное, в квартире инженера Дончева скрываются какие-нибудь. . . опасные элементы, и Тороманов снабжает их пищей. . .

На мгновение в комнате наступило ледяное молчание. Сама мысль, что, может быть, над их головами скрываются опасные бандиты, заставила их вздрогнуть. Сейчас уже все в необыкновенном поведении Тороманова — покупка книг, продуктов, таинственные исчезновения и т. д. казалось им легко объяснимым. Но почему тогда он ходил и к зубному врачу? Первым задал этот вопрос Бебо.

— Наверное, чтобы замести следы, — задумчиво ответил Пешо. — Если завтра его спросят где-нибудь, скажем на суде, что ему нужно было в этом доме, он ответит: «Я ходил к зубному врачу!»

— Хитро придумано! — сказал Бебо.

Пешо внимательно посмотрел на Живку.

— Ты не замечала света в окнах инженера?

Живка покачала головой.

— Я не обращала внимания. . . Во всяком случае окна квартиры закрыты старыми газетами, как это всегда делается, когда люди уезжают на курорт.

— Мне не верится, что они могут зажигать свет, — сказал, словно для себя, Пешо. — Они знают, что это выдаст их. Ночью они просто не зажигают света.

— Живут в темноте, как кроты! — бросил с отвращением Бебо.

— А интересно, как они готовят себе? — отозвалась Юлия.

— Да, верно! — догадался Пешо. — Сегодня Томанов купил в магазине два килограмма телячьего фарша. Два килограмма. . . Многовато для одного человека!. .

— А готовят они днем, тогда им и света не нужно, — добавил Бебо.

— Может быть, они готовят на плитке, — сказала Юлия. — Котлеты все умеют делать.

Внезапно чудесная мысль молниеносно пронеслась в голове Пешо.

— Действительно на плитке! — повторил он, и лицо его засветилось. — Если включить плитку, внизу заработает счетчик. . . Понимаете? Мы просто можем проверить по счетчику.

Все с восхищением переглянулись.

— Отлично! — сказал Бебо. — Только вот откуда мы достанем ключ от ящика, в котором заперты счетчики.

— Это самое легкое дело! — засмеялась Живка. — Ключи у меня.

— У тебя?

— Да, у меня. . . Моя мама домуправ, а я сейчас замещаю ее.

— Давай их сейчас же!

Живка встала, открыла один из ящичков буфета и вынула оттуда связку ключей.

— Вот! — показала она на маленький заржавевший ключ.

Затаив дыхание, вся компания вышла на лестницу. Как и во всех больших домах, ящик со счетчиками находился в подъезде у самой двери. Поскольку было довольно высоко, Живка принесла стул, потом открыла маленький замок и распахнула дверцы. Перед ними показались три ряда черных, блестящих счетчиков.

— Вот он! — сказала Живка немного изменившимся голосом. — Это счетчик Дончевых.

Но колесико не вертелось! Все увидели это еще в первый момент и чуть слышно вздохнули.

— Ты уверена, что он? — спросил Пешо.

— Уверена. — Вот и надпис: Дончев! — И Живка показала на маленькую беленькую этикетку, на которой было написано химическим карандашом его фамилия.

Наступило краткое молчание.

— Они могут и не пользоваться плиткой, — сказал тихо Бебо. — Или, может быть, в этот момент заняты другой работой.

Живка соскочила со стула. Если не вертится сейчас, может быть, завертится позже, достаточно только подольше постоять здесь и посмотреть. Единственная опасность заключается в том, что может пройти кто-нибудь из взрослых жильцов и заинтересоваться, что делают дети у счетчиков.

— Если хотите, подождем! — сказала Живка.

— Хорошо! — кивнул Пешо. — Откуда знать, может нам повезет.

В подъезд вошла девушка в белом платье и, не обратив на них никакого внимания, стала подыматься по лестнице. Мальчики успокоенно перемигнулись.

— Кто это? — спросил Бебо.

— Дочка профессора, студентка! Ее нечего бояться!

Внезапно Юлия тихо вскрикнула. Мальчики с испугом посмотрели на нее. Юлия стояла с поднятым кверху личиком, застыв в взволнованной позе.

— Вертится! — сказала она ошеломленно.

Действительно, белое колесико с красным поясочком довольно быстро вертелось. Все уставились на него и не могли оторваться. Колесико вертелось около двух минут и потом внезапно остановилось. Первым пришел в себя Пешо и тихо промолвил:

— Видели?

— Значит. . . действительно есть люди! — удивленно сказала Живка. — Но ведь это просто. . . страшно!

Хотя колесико и остановилось, все продолжали смотреть вверх, как будто черный счетчик превратился в странный магнит, притягивающий их лица с огромной силой. Так прошло несколько минут и Юлия снова первая крикнула:

— Вертится!

— По-тише! — резко сказал Пешо.

И на этот раз белое колесико вертелось около двух

минут и внезапно остановилось. Это повторилось несколько раз, пока Бебо мрачно не пробормотал:

— Чудное дело! Так не жарят котлеты.

— Они делают что-то особенное! — сказал Пешо. — Что-то совсем необъяснимое! Почему они используют ток в таких удивительных интервалах?

Процедура с током повторилась еще раз. И наконец Пешо махнул рукой и решительно сказал:

— Хватит, закройте дверцы. Стоять здесь больше опасно! Да и самое важное мы узнали.

Живка взяла стул и унесла его домой. Используя ее отсутствие, Бебо подошел к Пешо и тихо сказал:

— Остается только проверить ключом! Если ключ Тороманова откроет двери Дончева, значит, все ясно, ошибки быть не может!

— Ты сумасшедший! — резко сказал Пешо. — Ведь люди, находящиеся внутри, могут нас услышать. . . И тогда все полетит к чертям!

— Правда! — смутился Бебо. — Это мне даже и в голову не пришло!

— А мне сто раз приходило!

— Тогда что же делать?

— Соберемся все вечером и решим! Мне кажется, что самое важное уже ясно, остается только. . . действовать!

— А что Живке скажем?

— Скажем, что идем в милицию! После того, как мы все раскрыли, милиция может уже спокойно их арестовать!

Когда Живка вернулась, Пешо сказал ей, что они думают делать.

— Только все будешь хранить в тайне! — предупредил он ее в конце. — Никто ничего не должен знать, иначе завтра, когда милиция придет сюда, может оказаться, что птички уже упорхнули!

— А почему завтра?

— Сегодня вечером или завтра — как разумнее, так и будет сделано! Может быть, нужно будет собрать какие-нибудь дополнительные сведения! От тебя требуется только молчание!

— Я не маленькая! — обиженно сказала Живка.

Перед тем, как уходить, Пешо повернулся к Живке, испытующе посмотрел ей в глаза и решительно сказал:

— Дай мне ключ от подъезда!

— Зачем тебе? — вздрогнула Живка.

— Мне он не нужен, но может понадобится милиции.

Живка вынула ключ из связки и подала его. Пешо взял ключ, и на мгновение ему показалось, что холодное железо просто обожгло его, он поторопился опустить его в карман. Не засовывая руку глубоко, он знал, что там, на дне кармана, лежит и другой ключ, тот, который сделали в мастерской по ключу Тороманова. Сейчас все тайны были уже в его кармане, и действительно не оставалось ничего другого, как действовать.

КЛЮЧ НАХОДИТ СВОЮ ДВЕРЬ

Еще вечером того же дня вся группа собралась в маленьком квартальном скверике, чтобы принять решения по ответственнейшим вопросам. К их несчастью ночь выдалась совсем ясной, лунной, и они забрались в сиреневые кусты, чтобы не обращать на себя внимания случайных прохожих. В тишине по безлюдным аллеям проходили одинокие собаки, мимоходом обнюхивали кусты и уходили куда-то с поблескивающими во мраке глазами. Сквер был совсем пустым — только на одной дальней скамье сидела молодая пара, но оба они были так увлечены разговором, что ни на кого и ни на что не обращали внимания. Единственным свидетелем ночного разговора была луна, бледная и бесстрастная, светившая среди ветвей.

Первым взял слово Пешо. Медленно и методично, не пропуская ни мельчайшей подробности, он рассказал все, что случилось в эти решительные послеполуденные часы. Выложив факты, он высказал свои предположения и по-своему объяснил все то, что до сих пор казалось им таким загадочным и необъяснимым. Мальчики слушали, затаив дыхание, не шушукаясь, ни разу не прерывая его, и только их напряженные лица говорили

о том, с каким необыкновенным вниманием они слушали интересный рассказ.

— Нет никакого сомнения, что в квартире инженера Дончева скрываются шпионы или диверсанты, — кончил Пешо. — Инженер оставил свой ключ Торманову, чтобы тот снабжал их продуктами и всем необходимым... По-моему, эти факты достоверны!

— Не абсолютно достоверны, — отозвался тихо Веселин. — Они были бы абсолютно достоверными, если бы мы проверили ключ. . .

Пешо взглянул на Веселина, но не ответил сразу. Хотя он и говорил своим друзьям так уверенно, в глубине души он чуть-чуть сомневался. А если Торманов вошел в другую квартиру? А если инженер Дончев случайно дома и что-то делает с электричеством? Действительно, только проверка ключом могла бы рассеять всякое сомнение.

— Это невозможно, — сказал Пешо. — Дверь может скрипнуть, люди в квартире услышат.

— Верно, — согласился Костя.

Пешо первым предложил сообщить в милицию о своих открытиях, и все единодушно согласились с этим предложением. Хотя преследование Торманова было самым увлекательным приключением, пережитым ими когда бы то ни было, мальчики все же ясно сознавали, что они должны уже проститься с ним. Дальше они сами ничего не могли сделать, а как будто и не оставалось ничего, как арестовать злоумышленников. Однако, по вопросу, кого точно уведомить, появились противоречия. Костя предложил тут же пойти в ближайшее отделение милиции, но Пешо энергично возразил.

— Это не для отделения милиции, — заявил он решительно. — Они занимаются мелочами, а это опасное и большое дело. По-моему, надо уведомить органы Государственной безопасности!

В конце концов, все согласились с Пешо, но здесь возникло новое затруднение: где находится эта самая Государственная безопасность? Этого никто не знал, а и спросить было не у кого. Наконец решили пойти в Министерство внутренних дел и попросить, чтобы их пустили к какому-нибудь из больших начальников,

который бы связал их с самой Государственной безопасностью.

— А когда это будет? — недовольно спросил Костя.

— Завтра, конечно! — твердо ответил Пешо.

— До завтра птички могут упорхнуть. . . Если будете предупреждать милицию, лучше сделайте это сейчас!

— Поздно, — уклончиво ответил Веселин. — Кого найдешь там в полночь?

— Не может быть, чтобы не было дежурных, — упорствовал Костя. — Лучше идите сейчас.

— Пойдем завтра! — заявил решительно Пешо. — Ничего ночью не случится! Тороманов отнес им пищу на несколько дней, ясно, что они не собираются бежать.

Это показалось всем разумным, и ребята согласились. Решено было рано утром поставить посты перед Торомановым и перед домом инженера Дончева, а в это время Пешо и Веселин пойдут в Министерство внутренних дел.

На этом собрание закончилось, и мальчики стали расходиться. Луна уже скрылась за крышами больших домов, сквер опустел. Что-то грустное было в этом последнем расставании — с завтрашнего дня начиналась обычная жизнь с обычными мальчишескими играми. . . Ничего, ведь они исполнили свой долг! Осенью, когда

начнется новый учебный год, вся школа и вся пионерская организация узнают, как ловко справились они с трудной задачей, сколько проницательности и сообразительности настоящих разведчиков проявили они.

Пешо, Веселин и Юлия пошли вместе. После мрака в кустах сквера, улица казалась им совсем светлой, и это немного ободрило их. Все же, они шли молча, мальчишки — засунув руки в карманы, думая о своей трудной завтрашней миссии, Юлия — затаив вздох в груди. Наконец она не выдержала, беспокойство, охватившее ее, взяло верх, и она тихо проговорила:

— А сейчас вы будете играть со мной, раз все кончилось?

— Будем, — рассеянно ответил Пешо.

Его тон уколол ее в самое сердце.

— Вы обещаете, а. . . потом опять начнете скрываться. . .

— Не будем скрываться, — успокоил ее Веселин. — Зачем скрываться?

— Откуда знать почему? Не хочется вам играть с девочками!

Ребята не ответили.

— А видите, как я вам помогла! — огорченно сказала Юлия. — Скажите, разве я вам не помогла?

— Ну помогла, помогла! — немного нетерпеливо прервал ее Пешо.

— Конечно! Кто открыл дом зубного врача? Ведь я его открыла! Да и вчера если бы я не познакомилась с этой. . . Живкой, как бы вы открыли диверсантов? Все сторонитесь девочек, а без них ничего не выходит...

— Верно! — сказал Веселин. — Эта Живка очень нам помогла.

— Умной девочкой оказалась она, — сразу согласился Пешо.

Юлия почувствовала, как что-то кольнуло ее в сердце.

— Умная? — спросила она с еле доловимой горечью.

— Умная и сообразительная! — добавил Пешо, не предполагая, как отзываются его слова в сердце девочки. — Вот с такой девочкой можно играть!

Спазма сжала горло Юлии.

— А я глупая, да?

— Неет, — протянул Пешо. — Почему глупая?

— А какая?

— Ты. . . ты просто симпатичная!

В первое мгновение Юлия не могла понять — лучше это или хуже? Она посмотрела на него. Пешо улыбнулся так сердечно, что Юлия вдруг почувствовала себя вознагражденной за все свои огорчения.

— Значит, что? Я все же не умная. . .

— Конечно, ты умная! — на этот раз убежденно сказал Пешо.

Разве можно сказать большее? Юлия и не заметила, как начала прыгать на одной ножке, точно как маленькие девочки, когда им от чего-нибудь становится весело. Перед тем, как разойтись по домам, Пешо задумчиво сказал:

— Все же, Веселин, ты был прав.

— В чем? — не понял Веселин.

— Да насчет проверки!. . Все было бы по-другому, если бы мы проверили ключом! Тогда мы могли бы пойти в милицию с чистой совестью!

— Нет, не стоит! — ответил Веселин. — Это рискованно, а сейчас рисковать не стоит!

Юлия почувствовала, как сердце ее забилось скорее. Что опять придумал Пешо?

— Верно, что рискованно, — со вздохом согласился он. — И все же на душе у меня скребет, как бы не оконфузились. Может быть, мы заблуждаемся?

— Нет, мы не заблуждаемся! — горячо возразила Юлия. — Послушайте меня, мы совсем не заблуждаемся! Все это так, как мы думаем!

— Конечно так! — тряхнул головой Пешо, словно хотел сам себя убедить: — Не может быть иначе! До свиданья!

Пешо пошел один, засунув руки в карманы. Дома его встретили немного сердито, еще у дверей мать отчитала. Даже отец, никогда не делавший ему замечаний за позднее возвращение, на этот раз многозначительно погрозил ему пальцем.

— Ты начинаешь перебарщивать! — сказал он се-

рьезно. — С некоторых пор ты последним приходишь домой!

Пешо только пожал плечами и молча сел за стол.

— Да разве можно так увлекаться своими играми! — недовольно ворчала его мать. — Ты уже не ребенок, посмотри только, как вырос.

— А я и не играл! — резко и сухо ответил Пешо.

— Ого! А что же делал?

— Был занят. . .

Хотя мать и отец старались быть серьезными, они не выдержали и одновременно рассмеялись. Строгое, усталое лицо отца, словно помолодело, глаза его весело заблестели.

— Ну, и нельзя ли нам узнать, чем это был занят? — спросил он шутя.

— Придет время — узнаете! — надувшись, обиженно сказал Пешо. — И тогда может. . . может быть вы пожалеете, что насмехались надо мной. . . .

— Извини, извини, мы не насмехаемся! Как можно насмехаться над своим перворододным сыном?

— Вот видишь, насмехаешься!

— Ты скажешь, почему так поздно пришел?

— Не скажу! — решительно заявил Пешо.

— Воспитанные мальчики так не отвечают.

— Завтра вы и так узнаете. . . Сейчас я ничего не могу вам сказать.

— А почему?

— Потому что обещал. . . и дал честное пионерское слово!

Отец молча посмотрел на него.

— Хорошо! — сказал он наконец. — Человек всегда и при всех обстоятельствах должен сдерживать свое слово. . . Кто не поступает так, тот просто не человек, с ним даже и говорить не стоит. . .

— Конечно! — горячо согласился Пешо.

— Раз так, я хочу, чтобы ты дал и мне слово, — серьезно сказал ему отец. — Я ничего не буду спрашивать у тебя о твоих делах, но ты обещай мне, что не будешь делать ничего такого, которое заставило бы меня и тебя потом стыдиться.

— Такое слово я могу тебе дать сейчас же!

— Очень быстро даешь! — сказал недовольно отец.— Когда человек дает слово, он должен много и серьезно подумать. . . Его назад не воротишь.

— Я знаю! — сказал коротко Пешо, и его красивые темные глаза заблестели.

На этом разговор кончился. Скоро Пешо лег, но хотя он и устал от этого дня, полного тревоги и напряжения, уснуть долго не мог. Уже несколько лет он спал в гостиной на диване один и был очень доволен этим, по его мнению, привилегированным положением. Когда все уходили спать, он мог читать сколько ему угодно (за что, впрочем, никто на него не сердился) или просто так лежать и думать, мечтать о тысячах интересных вещей, о том, как он становится героем тысячи подвигов, которые в жизни никогда не могли бы сбыться. Это были прекрасные часы, его часы.

Но на этот раз его мысли были неспокойными. Завтра все кончится и, кто знает почему, этот конец не радовал его, казался ему неестественным. Они сами обнаружили преступников, пошли по их следам, раскрыли их планы и теперь, когда они должны были поставить преступников на колени, это сделает другой! Если бы их вызвали хотя бы при аресте, если бы нуждались и в их помощи! Нет, они не сделают этого! Они скажут: «Это опасно, это не для вас!» А разве не было опасным то, что они сделали до сих пор? Разве и это было не их делом? Нет, конечно! Все, что относится к благу родины, одинаково касается и взрослых, и детей, и стариков.

Но в эту ночь его больше всего беспокоила мысль о тайной квартире диверсантов. Несмотря ни на что, сомнение грызло его сердце. Действительно ли Тороманов ходил в квартиру инженера Дончева? Были ли действительно в этой квартире диверсанты? А если они обманулись? А, может быть, какая-нибудь обыкновенная глупая старушка приехала в пустую квартиру по неизвестным причинам и играет электричеством? Разве не может инженер Дончев оставить ключ от своей квартиры какому-нибудь обыкновенному честному человеку, чтобы он пользовался ей в его отсутствие? Хотя это и не было совсем вероятным, но все же было

возможным! И, может быть, они просто-напросто приняли за чистую монету все то, что им так горячо хотелось? Тогда как быть? Завтра сообщат в Министерство, сделают проверку, и какой-нибудь начальник улыбнется добродушно, но насмешливо: «Благодарим, мол, за ваши добрые намерения, но вот видите, все оказалось пустым делом, там просто какая-то старушка что-то ковыряла. . .»

Только при одной этой мысли Пешо почувствовал, как весь вспыхивает и мелкий холодный пот орошает его лоб. Нет, такой обиды он не мог бы вынести!

Конечно, никаких колебаний не было бы, если бы он проверил квартиру брошенным Торомановым ключом. Если дверь откроется ключом, значит Тороманов ходил туда. А зачем он ходит туда, почему задерживается там, зачем носит туда кучи романов и продукты? Честные люди не скрываются, они сами покупают себе продукты, зажигают свет, проветривают комнаты. Нет, не было бы никакого сомнения, если бы ключ Тороманова открыл квартиру инженера!

Тогда. . . тогда почему бы не попытаться? Эта мысль приходила к нему не в первый раз, но он всегда отбрасывал ее. Нет, он не боялся за себя, он опасался как бы преступники не почувствовали, что за ними следят, и не удрали бы в последнюю минуту. Тогда, кто его простит, кто его оправдает? Да уже и поздно, нельзя предпринять решительно ничего без согласия своих товарищей. Выходило, что нужно проститься с этой последней возможностью!

Но он не простился с ней, сон бежал от него.

В таком состоянии его застала полночь. Стенные часы в кабинете отца мелодично отсчитали двенадцать глухих, медных ударов. Пешо прислушался. В комнате было совсем тихо, мрак между предметами сгустился и сделал их совсем невидимыми. В глухой тишине скреблось какое-то существо, может быть, древесный червь, но сейчас и этот едва уловимый шум казался Пешо тревожным.

А почему бы в конце концов не проверить? В час или два бандиты непременно уснут, ведь не будут же они бодрствовать всю ночь? Разве уж так трудно и опас-

но пробраться ночью бесшумно по лестнице, так же бесшумно сунуть ключ в скважину, тихонько, ну совсем тихонько проверить действует ли и так же бесшумно вернуться назад? Кто может узнать, что он совершил запрещенную ночную экскурсию? Никто! Зато с каким легким и свободным сердцем он пойдет завтра в Министерство, каким уверенным тоном он доложит обо всем, что случилось!

Нужно только стиснуть зубы и принять решение! Но он не мог этого сделать, колебался, вертелся в постели.

Пробило час. Тогда внезапно, так ничего и не решив, он встал с постели. Лампу зажигать не следует! Совсем бесшумно, не затронув никакого предмета, Пешо оделся и опять в нерешительности остановился перед окном. Улица была совсем безлюдной, спокойно и както мертво горели в ночи уличные фонари.

Идти?

Дверь чуть слышно скрипнула, он оказался в прихожей. В углу, за дверью, как безмолвно вытянувшиеся люди, висела на вешалке одежда.

Нет, нет пути назад!

Через полминуты он уже был на улице. Сначала шел медленно, как бы колеблясь, но с каждой минутой он прибавлял шаг. По дороге он нигде не встретил людей, даже милиционеров не было на углах улиц — ничего кроме звука его собственных шагов. Только пересекая трамвайную линию, он увидел рабочих аварийно-ремонтной службы, которые стучали по рельсам, и перед его глазами засверкала ослепительная молния электросварки.

Вот и улица, где жили бандиты, вот и большой темный массив здания. На всем фасаде не светилось ни одного окна, здание казалось ослепшим. Окна в квартире инженера Дончева были по-прежнему закрыты и облеплены плотно старыми газетами. Пешо пересек улицу и, остановившись у входной двери, легко нажал на ручку.

Дверь была закрыта. Тогда он вынул ключ, который дала ему Живка, и осторожно открыл дверь. Он заколебался на мгновение, потом нажал на кнопку

автомата-выключателя. Белый, неожиданно сильный свет залил все — и мозаичную лестницу, и потемневшие, давно не беленные стены. Пешо опять запер дверь, чтобы кто-нибудь, поднимающийся снизу, не застал врасплох его, и осторожно ступая на носки своих резиновых кет, стал подыматься. Второй этаж был недалеко, и он скоро оказался на площадке перед квартирой инженера Дончева. Вместо ручки на коричневой двери был шар. Чтобы войти, человеку нужно было задержать ключ в положении «открыто» и нажать на дверь.

Обо всем этом Пешо думал еще, когда шел сюда, но сейчас он стоял перед закрытой дверью и все еще колебался, хотя в этот момент не испытывал никакого страха. А если там есть люди, которые не спят? В конце концов, если они даже и не уснули, они не могли бы слышать бесшумного входа ключа в замок и еще более бесшумного повертывания. Если ключ работает, даже и не нужно нажимать на дверь, все будет и так ясно.

Пешо сунул руку в карман и вынул ключ Торomaнова. Только в эту секунду его охватил страх, сердце усиленно забилось. А если за дверьми стоит человек? Если он стоит там на посту? Именно этот страх толкнул его к действию. Пристыженный внезапно прорвавшимся чувством, он шагнул к дверям и осторожно засунул ключ в скважину.

В это мгновение погасла лампа.

Пешо вздрогнул, но усилием воли поборол волнение, которое заставляло дрожать его руку. Сейчас, больше чем когда бы то ни было нужно было спокойствие. Еще только всовывая ключ, он почувствовал, что тот вошел тяжело, как не в свой замок. Страшное подозрение, которое мучило его весь вечер, просто подкосило его ноги, но он быстро овладел собой. В конце концов, ключ был совсем новым, еще не испробованным и ничего нет удивительного в том, что не входит легко.

Немного успокоившись, Пешо решительно нажал на ключ, чтобы повернуть и снова похолодел. Ключ не повочивалрася.

Чорт возьми, что все это значит? Может быть, оправдались все его сомнения? Не пропало ли все самым глупым образом? В отчаянии, он надавил еще

сильнее и на этот раз почувствовал, что ключ стал медленно, как-то мучительно повертываться.

Послышался легкий щелк, дверь открылась. Это щелканье он не предвидел, думая, что дверь только закрыта, но не заперта на ключ. Ничего! Было важно, что ключ работал, что все оказалось так, как должно было быть. Радость счастливого открытия просто залила его сердце и заставила его забыть обо всем. Что делать сейчас, открыть дверь? Нет, нет никакого смысла! Самое разумное закрыть ее опять, на этот раз немного задержав ключ, чтобы не щелкнул замок, а потом бесшумно вытащить его и так же бесшумно исчезнуть вниз по лестнице.

В это мгновение за дверью послышался сильный треск, она отворилась со страшной силой, ключ просто вылетел из его руки. Пешо почувствовал волну рассеченного воздуха, перед ним мелькнула какая-то неясная черная фигура, потом мощная рука схватила его и, как перышко, втащила внутрь. Пешо упал на колени

на цементовый пол, сильно ударился лбом об что-то острое и потерял сознание.

Стук закрываемой двери и резкий щелк замка привели его в себя. Первой его мыслью было отчаянно закричать изо всех сил, звать на помощь.

Но он не закричал! Чувство стыда и гордости взяло верх даже в этот страшный миг, он стиснул зубы, готовый бороться не на жизнь, а на смерть, кусаться, царапаться — не сдаваться преступникам без жестокого боя.

Внезапно сильный электрический свет залил прихожую.

НОЧНОЙ ПОСТ

В эту ночь не только Пешо не мог уснуть. То же самое, хотя и немного по другим причинам, произошло и с Юлией.

Ее возвращение домой началось с неприятностей. Она позвонила у двери, ей открыла мать и, схватив за ухо, повела в кабинет отца. Профессор, еще довольно молодой, с красивым тонким бледным лицом, встретил ее так сердито, как никогда.

— Где ты была до сих пор? — спросил он хмуро.

— Играла, — пролепетала Юлия испуганно.

— Кто это играет на улице до десяти часов? Только хулиганы приходят так поздно. . .

Юлия благоразумно промолчала, не спуская с отца своих ясных, красивых глаз.

— В наказание, запрещаю тебе выходить из дому целую неделю! — сказал все так же сердито отец и нервным движением одел большие роговые очки. Это всегда означало, что разговор окончен и говорить больше не о чем.

— Хорошо, — тихо прошептала Юлия, и ее глаза утонули в слезах.

При виде слез суровость профессора быстро растаяла, как кусочек воска. Он неуверенно кашлянул, снял рассеянным движением очки и сказал более мягко:

— Ладно, ладно, что это за слезы? Большое дело!

— Да я и не плачу! — почти проскулила Юлия и постаралась, чтобы слезы брызнули еще сильнее.

Профессор совсем растерялся.

— Да что ты! Подожди, ты меня не поняла! Я тебе сказал — целую неделю не будешь выходить, а это значит, не выходить без разрешения! Только это, и ничего больше!

— Хорошо, папа, — тихо ответила Юлия, вложив в маленькое слово «папа» столько покорной нежности, что профессор совсем раскаялся за свою суровость.

— Ну, иди! — сказал он, едва сдерживая желание погладить ее по светлой кудрявой головке.

Юлия вышла из кабинета, довольная магической силой своих слез. Нет, ничто в этот вечер не могло испортить ей настроение. Она поужинала, как во сне, и все время в ее голове вертелись слова, которые Пешо сказал о ней. Вот — она и умная и при этом симпатичная, а что хорошенькая — это и слепой увидит. Что ей больше нужно! Эх, конечно, чтобы ребята приняли ее играть в свою компанию, но и это ей уже почти обещано, так что пока больше не о чем тревожиться!

Улегшись, Юлия решила припомнить весь вечерний разговор, слово за словом, чтобы увидеть не забыла ли она чего-нибудь приятного. Дойдя до ласкового отзыва Пешо о Живке, она чуть нахмурилась и быстро прогнала его из своей головы. Верно, Живка умная да и хорошенькая, хоть у нее и такие тонкие ноги, но ведь никто не говорил, что она симпатичная, да и живет она далеко. В общем, в этом ничего страшного нет.

Она продолжала вспоминать разговор дальше, повторяя про себя самые приятные пассажи по нескольку раз. Но подойдя к концу разговора, она внезапно встревожилась. Что скрывалось за этими загадочными словами Пешо о проверке квартиры инженера ключом Торманова? Она вспомнила, что еще тогда в ее сердце появился холодный испуг, заставивший ее с тревогой посмотреть на него. Уж не придумает ли Пешо что-нибудь опасное? Только она ясно чувствовала его горячий характер и смелый непоколебимый дух, который не мирился ни с чем половинчатым. Не толкнет ли все это его на какое-нибудь неразумное решение?

Постепенно тревожные мысли приобрели более определенный характер. А если вдруг Пешо ночью решит проверить квартиру диверсантов ключом Тороманова? Что-то в его тоне, в особом блеске его глаз подсказывало ей, что он не далек от этой мысли. И почему он вечером так настаивал, что сообщить милиции о своих открытиях нужно только завтра? Почему он не согласился пойти еще в этот же вечер? Уж не для того ли, чтобы выиграть время и самому проверить квартиру?

Эта мысль показалась ей такой убедительной, что она тревожно заворочалась в своей кровати. А вспомнив, как Пешо попросил Живку дать ему ключ от парадной двери, чуть не вскочила с постели от тревоги. Почему он попросил ключ, если решил сообщить милиции только на следующий день? Нет, нет, он определенно пойдет этой ночью в чужой дом и проверит, открывает ли дверь ключ Тороманова!

Внезапно ее охватил леденящий страх. А если его там схватят бандиты? Если они каким-нибудь образом заметят его и поймают? Что с ним будет? Они наверное убьют его и выбросят труп на улицу. Она даже представила себе Пешо окровавленным, распростертым, и чуть не охнула. Нет, это не должно случиться — ни в коем, ни в коем случае не должно случиться! После приступа страха вдруг ее охватил приступ решимости. Она непременно должна что-то сделать, чтобы помешать ему!

Но что сделать? Просто пойти к ним и поговорить? Ох, это невозможно, как она будет звонить посреди ночи в чужую квартиру? Она захотела встать, но и это ей показалось невозможным. Отец еще не лег, она слышала сквозь свои тревожные мысли легкий стук машинки. Случалось иногда, что он допоздна работал в своем кабинете, тихо стучал на машинке и уходил в спальню, когда Юлия уже давно спала. Но она не знала, что в таких случаях молодой профессор останавливался перед ее кроваткой, молча и нежно смотрел на нее и потом на цыпочках уходил в спальню. Юлия спала в гостиной, и отец всегда, перед тем как идти спать, проходил мимо нее.

И на этот раз профессор работал до полуночи. Юлия

не мигнула за это время, она не находила себе места, мысленно моля отца поскорей окончить работу и ложиться спать. Среди роя путанных мыслей у нее уже созрел план действий. Из ее окна, выходившего на улицу, отлично был виден подъезд Пешо. Хорошо, тогда она будет стоять у окна, которое и так всю ночь открыто, будет стоять и ждать, пока он не выйдет на улицу! Как только он выйдет, она позовет его, скажет ему, что он не имеет права идти туда, пригрозит ему — да, да, она сделает все, но не допустит, чтобы его убили! Только бы отец лег поскорее, чтобы Пешо не вышел, пока она лежит здесь в кровати. Нет, он не выйдет! Что-то подсказывало ей, что он не выйдет, пока все не уснут.

Наконец пишущая машинка отца перестала стучать, в кабинете послышались тихие шаги. Юлия повернулась к стене, свернулась калачиком и замерла. Пусть он, проходя мимо нее, подумает, что она крепко спит. Для большей убедительности Юлия стала дышать ровно и уже не сжимала веки так сильно.

Скоро дверь отворилась, отец вошел в гостинную... Проходя мимо ее постели, он остановился, постоял с полминуты, которая показалась Юлии бесконечной. Вдруг она почувствовала, что отец склонился над ней, почувствовала даже его дыхание, и в следующее мгновение его мягкая рука ласково погладила ее по головке.

Внезапно Юлия словно забыла обо всем: так глубоко тронула ее эта неожиданная ласка. . . Отец выпрямился, постоял молча несколько секунд над ее постелью, потом прошел в спальню. Как только затихли его шаги и полоска света под дверью погасла, Юлия быстро встала и босиком подбежала к окну. Со своего места она хорошо видела большую часть улицы и подъезд Пешо. Не было никакого сомнения, что если он выйдет, она моментально заметит его. Но улица была совсем пустынна, только какая-то кошка пробежала по тротуару и исчезла в темных дворах. Все здание, где жил Пешо, было тоже темным и казалось пустым.

Юлия стояла так около четверти часа, неподвижно уставившись на далекий вход. Она была в одной ру-

башке, и ей стало холодно от полуночной прохлады, глаза начали слезиться от напряжения. Ей захотелось поискать что-нибудь из одежды и набросить на себя, но она не смела ни на минуту оторваться от окна. Кто знает, может случиться так, что точно в этот момент Пешо выйдет из дому, и того гляди — она пропустит его! Нет, она не тронется со своего места, будет ждать до конца.

Кроме всего прочего, чем больше проходило времени, тем настойчивее в ее душу пробирался страх: а может быть, он уже вышел! Может быть, случилось именно так, может быть, он решил, что времени терять нельзя? Не стоит ли она здесь напрасно, в то время, когда где-то там далеко над его жизнью нависла смертельная опасность? Время шло мучительно медленно, словно минуты были часами, она героически боролась и с холодом, который заставлял ее дрожать, и со сном, который уже отяжелил ей веки, но не двигалась с места. Из ее головы исчезли все мысли, забыв обо всем, она твердо знала одно: не упустить его!

В конце концов Юлия совсем потеряла чувство времени. Сколько стояла — час, два или больше, — она уже не знала. Неужели скоро рассвет? Но небо было по-прежнему все таким же спокойным и темным, все так же бесстрастно горели на улице фонари. Она уже вся дрожала от холода, но не двигалась.

И вдруг, когда она меньше всего этого ожидала, дверь подъезда открылась и вышел Пешо. Она узнала его в тот же миг, хотя он стоял в тени подъезда и внимательно осматривал улицу. Первой ее мыслью было позвать: «Пешо!» — но крик замер в ее груди. Внезапно ее охватил страх и стыд. Разве можно кричать во весь голос? Ведь ее услышут отец и мать! Что подумают тогда о ней и вообще дадут ли ей поговорить с Пешо, чтобы разубедить его? Да и что подумает сам Пешо, может быть, возненавидит ее на всю жизнь за то, что так необдуманно она выдала его чужим людям, за то, что среди ночи так расшумелась о их личных делах. Юлия видела, как он повернулся спиной и быстро пошел по улице в противоположном ее дому на-

правлении, но не закричала, а молча дрожала от ужаса и страха.

Внезапно к ней пришла новая спасительная мысль — почему бы не побежать за ним, почему бы не догнать его? Она схватила свою одежду и стала одеваться. К несчастью, левой туфельки не оказалось на месте. Она лихорадочно начала ее искать под кроватью, под столом, под стульями, но туфельки нигде не было. Из холода ее бросило в жар. Что делать? Зажечь лампу? В этот момент она наступила на что-то твердое и мгновенно поняла, что это потерянная туфля. Она быстро обулась и подбежала к окну. Отсюда путь был гораздо легче и проще. Они жили на первом этаже, невысоко, и ей уже несколько раз случалось прыгать через окно, ступая сначала на цементовый цоколь, и оттуда — на тротуар. Сейчас это было выполнено с молниеносной быстротой, через мгновение она была на тротуаре, хотя и с ободранным коленом, хотя и бессознательно прихрамывая, но полная решимости догнать Пешо.

Улицы были совсем пустынны, людей не было видно. И если бы кто-нибудь прошел в это время, то глубоко бы удивился неожиданному зрелищу: по глухой улице идет, почти бежит девочка в коротеньком платьице, ее кудрявые волосики развеваются от слабого ночного ветерка, лицо бледно и тревожно, взгляд напряженный. Куда поздней ночью спешит это так одинокая и испуганная девочка? Нет ли у нее родителей, кто ей разрешил выйти одной, не боится ли она глухой пустыни ночных улиц? Если бы у него было хорошее сердце, он бы остановил девочку, расспросил бы ее, помог бы ей. Но Юлия не встретила никого, да если бы и встретила кого-нибудь, едва ли заметила бы его — настолько она была охвачена желанием обязательно догнать Пешо. Он действительно вышел раньше ее, он мальчик и идет быстрее, но она зато будет бежать, да, да, будет бежать всю дорогу, но все же догонит его, все же поговорит с ним!

Юлия побежала. Горло у нее пересохло, во рту появился горьковатый привкус железа, ноги стали подкашиваться, а она продолжала бежать. Но внезапно острая

боль в животе, со стороны селезенки заставила ее остановиться и согнуться. Нет, она больше не может! И все же она пошла — сначала медленно, пока боль не стала затихать, потом ускорила шаг и побежала опять. Так — бегом и шагом, она наконец пришла на улицу, где жили бандиты.

С первого взгляда Юлия увидела, что на ней нет ни души. Испуганная, с дрожащими ногами, едва дыша от усталости, она замедлила шаг. Уже нет смысла спешить, уже поздно. Так она подошла к подъезду и, остановившись в нерешительности перед дверью, нажала на ручку.

Закрыто!

Внезапно ей захотелось плакать, слезы брызнули из ее глаз. Упустила она его, все кончено! А может быть, она перегнала его? Может быть, он еще не пришел? Тогда он может каждое мгновение прийти и застать ее здесь.

Она испугалась! Что он скажет, когда увидит ее? Пусть говорит, что хочет, но она дождется его! Только удобно ли здесь, у входа? Юлия осмотрелась. Еще раньше, приходя сюда, она заметила, что как раз напротив дома есть маленький, старинный домик, похожий на миниатюрный замок — с высокими узкими колоннами перед массивным дубовым входом, с массивными фронтонами над окнами, со скульптурными фигурами под крышей. От входа во двор вела очень широкая, белая каменная лестница, почти сливавшаяся с травой во дворе. Сам двор был отделен от улицы низким кирпичным забором с решеткой из кованого железа. Дом выглядел запущенным, во время войны разорвавшаяся рядом бомба изранила фасад, красивые железные ворота покосились и так и остались неотремонтированными. Не раздумывая больше, Юлия шмыгнула до двор, тихо пробралась сквозь густые кусты, потом, затаив дыхание, выпрямилась у забора. С этого места не представляло никакой трудности наблюдать и за улицей, и за домом напротив.

Юлия внимательно осмотрелась. На улице все еще не было видно ни души, окна квартиры, в которой

скрывались бандиты, были темными, плотно занавешенными и все так же облепленными старыми газетами.

Юлия горько вздохнула и стала ждать.

ДОПРОС

Майор царской армии в запасе Крум Пешев был дежурным в квартире инженера Дончева между одиннадцатью вечера и тремя часами ночи. По ежедневному расписанию он должен был ровно в час тридцать связаться по радио с заграничным центром, передать сведения и принять очередные приказы и распоряжения.

Майор был мужчиной лет сорока пяти, высоким, худым, но с мясистым огромным носом, уже довольно красным от злоупотребления сильными спиртными напитками. Его жесткое, изборожденное глубокими морщинами лицо, довольно неудобное для бритья, обрасло десятидневной щетиной, его коротко подстриженные усы уже слились с окольной растительностью. В первые десять дней своего добровольного заключения бывший царский офицер брился по привычке каждый день, но потом безделие, скука, смешанная с ежедневным страхом перед опасностью быть раскрытыми, а также горькая безнадежность и непросыпное пьянство убили в нем эту привычку цивилизации.

Ровно в двадцать минут второго майор встал с широкого мягкого кресла, в котором полулежал и, чтобы не заснуть, умеренно прихлебывал время от времени крепкий коньяк. Комната была совсем темной, а через дверь открытой спальни доносился беспокойный низкий храп двух его товарищей. Радиопередатчик был в ванной комнате. В этом довольно большем помещении, облицованном белым кафелем, было только одно совсем узкое окно, так заботливо облепленное газетами и черной бумагой, что с улицы невозможно было увидеть ни одного луча света. Ночью они зажигали свет только в ванной, где работали на передатчике. До передачи оставалось около десяти минут, но майору

хотелось послушать немного музыки, не опасаясь того, что она будет услышана другими людьми, так как он принимал ее наушниками. Он вздохнул, почесал небрежно раскрытую грудь и, взяв бутылку коньяку, медленно направился в ванную.

Чтобы пройти туда, майор должен был пересечь маленькую прихожую. Поравнявшись со входной дверью, он по привычке остановился и прислушался. На лестнице было совсем тихо, никаких звуков не было слышно. Хотя на дверях и не было глазка, он знал, что на лестнице темно, потому что снизу, под дверьми, не было видно обычной, как это бывало, когда на лестнице горели лампы, светлой полоски. Без особого внимания майор прислушался, ни о чем не думая, ничего не ожидая, без чувства опасности, он прислушался просто по привычке.

В это мгновение под дверью внезапно появилась светлая полоска — на лестнице зажглись лампы. Так как внизу не было слышно обычного протяжного скрипа парадной двери, майор ничуть не обеспокоился. По всей вероятности кто-то собирался выходить из дому, а не входить. Все же он остался ждать. Для него уже не представляло никакой трудности отличать тяжелые мужские шаги от быстрой дроби женских каблучков или легких, почти бесшумных шагов детей. Днем звуки различались труднее, но ночью они были слышны с необыкновенной ясностью и отчетливостью, так что он слышал их безошибочно, независимо от того, доносились ли они с первого или с самого верхнего этажа.

Но на этот раз не послышалось никаких шагов. Немного удивленный, хотя совсем и необеспокоенный, он прислушался. Ничего. Ни голоса, ни стука дверей. Что бы означало такое бессмысленное полуночное зажигание лампы? Более заинтригованный, чем встревоженный, майор прижался к стене, рядом с запертой дверью.

И точно в это мгновение он скорее почувствовал, чем понял, что снаружи перед дверью стоит человек. Ему показалось, что он слышит едва уловимый шорох резиновой обуви, прерывистое дыхание, легкий металлический шум. Майор инстинктивно сунул руку в кар-

ман брюк за револьвером и, исполненный беспомощной злобой, понял, что оставил его на ночном шкафчике. Что делать? Бесшумно вернуться и взять его? Нет, для этого нет времени. В такие решительные моменты его ум работал лихорадочно и работал неплохо. Кто это может быть перед дверью? Представители власти, которые пришли его арестовать? Совсем невероятно. Они бы пришли целой группой сразу, не боясь того, что поднимут шум, они не стояли бы перед дверью, немедленно бы устроили блокаду всего этажа. Тогда кто же это? Может быть, какой-нибудь случайный гость, который ищет кого-то и сейчас остановился, чтобы прочесть фамилию?

Вдруг он услышал, что в замок входит ключ. Это было так неожиданно и необъяснимо, что бандит на мгновение растерялся. Может быть, это Торманов? Нет, сегодня он не должен приходить. Но это и не человек из Госбезопасности — один он бы не лез, как слепой, в опасную квартиру. Внезапно в его голове мелькнуло — вор! Иначе и быть не может — вор! Видимо каким-то образом добрался до ключа и сейчас решил воспользоваться отсутствием хозяев. Бывший майор быстро сообразил — лучше всего дать ему войти и после этого схватить его.

В глубокой тишине резко и сухо щелкнул замок. Сейчас откроется дверь. Если бы он не забыл револьвера, все было бы для него детской игрой, хлопнул бы непрошенного пришельца по голове и лишил бы его сознания. Не может ли толстая бутылка из-под коньяку сделать это дело? Он попытался схватить ее покрепче, но совсем неожиданно она выскользнула у него из рук и с оглушительным звоном разбилась об пол.

На мгновение майор оцепенел от неожиданности. Даже не думая, он знал, что вор, испуганный звоном разбитой бутылки, помчится вниз по лестнице. Майор молниеносно отворил дверь, готовый схватить неожиданного пришельца за горло, и снова едва не застыл на своем месте от удивления. На лестнице в слабом ночном свете чуть вырисовывалась худенькая фигурка мальчика. Не раздумывая больше, майор со страшной силой схватил его и втащил в прихожую.

Когда вспыхнула лампа, он алчно впился в него взглядом. Это был обыкновенный мальчишка, хорошо одетый, с красивым лицом и — что было наиболее удивительным — глаза его смотрели не с ужасом, а как-то резко и с ненавистью.

— Попробуй только пикнуть, — прошипел майор, — я оторву тебе голову, как цыпленку.

— Бандит! — глухо и гневно сказал мальчик.

Майор чуть не подскочил от удивления. Ишь ты — маленький ночной воришка, а набрасывается с оскорблениями на других! В этот момент, разбуженные неожиданным шумом, в прихожую ворвались его два других товарища — оба с тяжелыми американскими револьверами в руках. Один из них, в майке, светловолосый, белый, полный, с босыми, маленькими, как у женщины, ступнями, изумленно спросил:

— Что здесь происходит?

— Сейчас увидим, — сказал майор и внезапно зажал своей тяжелой рукой рот мальчику. — Дайте что-нибудв, свяжем его.

— Что тебе дать?

— Принеси бельевую веревку. И несколько салфеток прихвати.

Светловолосый заторопился к кухне. Другой, с довольно грубым лицом, сильно загоревшим на солнце, с маленькими покрасневшими глазами и хорошо развитой атлетической фигурой, не трогался с места и молча свирепо смотрел на мальчика.

Крепко связанный, с заткнутым салфеткой ртом, Пешо полулежал в углу ванной комнаты, опираясь плечом о холодную кафельную стену. Под душем стоял узкий кухонный столик, а на нем был поставлен какой-то аппарат, довольно похожий на пишущую машинку. Пешо догадался, что это радиопередатчик. Его предположение сразу же оправдалось. Бородатый мужчина, поймавший его, сел к передатчику, одел наушники и, не оборачиваясь, спросил:

— Что передать?

Светловолосый диверсант, все еще полуодетый, си-

дел на низеньком плетёном стульчике, посматривал время от времени на мальчика и задумчиво курил.

— Передай, чтобы нас вызвали контрольно через тридцать минут, — сказал он, не вынимая папиросы изо рта.

Третий диверсант, стоявший выпрямившись у дверей, мрачно пробурчал:

— Не много ли. . .

— Через тридцать минут, — равнодушно, но категорически повторил светловолосый. — Я уже сказал.

Пешо быстро сообразил: этот светлый, наверное, их начальник! Его нужно больше всего остерегаться! Поток мыслей, нахлынувший ему в голову, временно притупил всякий страх. Скоро они начнут допрашивать. Что им сказать? Как объяснить свой приход? Что придумать о ключе? Не ожидая, что его поймают здесь, как мышь, он не придумал предварительно никакой более или менее вероятной истории, чтобы сейчас обмануть их. Не лучше ли вообще молчать и ничего не отвечать на их вопросы? Пешо чувствовал, что это не лучше. Самое главное, усыпить в них все подозрения о какой бы то ни было чрезвычайной опасности, обмануть их, успокоить, чтобы они остались в квартире как можно дольше. Таким образом, когда его товарищи завтра утром заметят его отсутствие, они, может быть, догадаются, что произошло и помогут ему. Это было действительно отлично, но как обмануть диверсантов, как усыпить в них подозрение, когда в его поведении все было так подозрительно? Бесчисленные противоречивые и запутанные мысли лихорадочно кружились у него в голове, он хватался за какую-нибудь из них и сразу же понимал, что эта ложь мелка и неубедительна, что она еще больше усилит их подозрения. Несмотря на свое тяжелое положение, он не отчаивался, продолжал настойчиво искать и чувствовал, что у него начинает кружиться голова от всех этих противоречивых и запутанных мыслей.

Вместе с этим, Пешо чувствовал, что в его груди подымается тяжелое горькое чувство разочарования, подавляющее угрызение совести. Вот — он виноват во всем! Если бандиты испугаются и убегут — он будет

виноват! Если они совершат новые вредительства и преступления, виноват будет он, будто он сам совершил их. И если завтра все заплюют и его, и его товарищей, опять-таки он будет виноват.

И вдруг — новая мысль пришла ему в голову: а если его убьют? Они, наверное, поймут, что оставаться в этой квартире дольше опасно и удерут. Неужели они возьмут его с собой? Невозможно, как они потащат его по улице в таком виде? Оставят его здесь в целости и сохранности? Тоже невозможно. Да он видел их, уже знает их, знает, что они делают. Можно ли оставить в живых такого опасного свидетеля? Пешо почувствовал, как ледяная дрожь прошла по его телу и сильно сжал губы. Ничего, пусть его убьют, он заслуживает этого. Только так он сможет искупить свою тяжелую вину, нет — свое тяжкое преступление! Он будет держаться геройски, как настоящий мужчина, так, как держался отец, когда его истязали в полиции. Пешо не раз слушал его рассказы об этих истязаниях, тайно восхищался его героизмом, его молчанием, тем, что отец не выдал конспирации, и горько сожалел, что никогда не сможет пережить такое. И вот — сейчас это случилось!

Но не нужно думать о таких вещах. Лучше думать о другом, о том, что они захотят узнать у него. Облицованная белым кафелем ванная блестела от яркого электрического света, который просто резал ему глаза. Над монотонно трещавшим передатчиком склонилась крупная лохматая голова диверсанта. Светловолосый мужчина сидел все так же неподвижно на своем низком стуле, молчал, медленно курил, время от времени пошевеливая белыми безволосыми пальцами ног. Было и тихо, и страшно, синие ленточки дыма медленно плыли в маленьком помещении и Пешо, неизвестно почему, показалось в это мгновение, что это не просто дым, а живая, осязаемая смертельная опасность, которая висит над его головой.

Внезапно его охватил страх, но он быстро подавил его и еще крепче сжал губы.

— Готово! — сказал майор и медленно снял науш-

ники. Его взгляд мрачно остановился на мальчике. — Ну, куколка, что будем сейчас с тобой делать?

— Ты молчи! — немного сухо прервал его светловолосый. — Развяжи ему рот!

— Канарейка может запеть! — недовольно пробормотал бородатый, но встал со своего места.

Светловолосый наклонился вперед и, уставившись на мальчика своими холодными синими глазами, тихо и как-то сдержанно мягко сказал:

— Слушай, малый, стоит тебе только пикнуть, — и с тобой кончено. Понял?

Но у Пешо не было возможности ответить ему. Светловолосый помолчал немного и добавил:

— Такое у нас положение — пощады не будет.

Неизвестно почему, притворный шелково-мягкий голос диверсанта напомнил в этот момент мальчику Торманова. Бородатый небрежно вытащил из его рта салфетку и, почесав небритую бороду, снова вернулся на свое место. Светловолосый не отрывал взгляда от Пешо, и синева его глаз словно еще больше сгустилась и стала холодней.

— Предупреждаю тебя говорить только правду, — продолжил светловолосый. — Если обманешь нас даже в пустяке, жестоко поплатишься. Это тебе ясно?

— Ясно, — ответил притворно-покорным голосом Пешо.

— Хорошо, я очень рад, очень рад, что мы поняли друг друга, — все так же мягко, почти ласково сказал светловолосый, и его полненькие губы растянулись в

широкой искусственной улыбке. — Скажи сначала, как тебя звать?

Пешо знал, что в этом не следовало лгать. На кухонном столике вместе с ключами, стеклянными шариками, старым гвоздем и кусками резины, лежал и его ученический билет. Не моргнув, он сказал свое имя.

— Так! — приятельски кивнул ему светловолосый, потом внезапно спросил:

— А ключи эти откуда?

— Мои! — упрямо и немного хмуро ответил Пешо.

— Я спрашиваю, откуда они у тебя? Кто тебе их дал?

— Никто мне их не давал!

На гладком белом лбу диверсанта появилась глубокая поперечная морщина.

— Как так никто?

— Да так. . . никто. Они у меня давно.

— Откуда? Просто так нашел их на улице, что ли?

— Нет. . . мы жили раньше в этой квартире. . . так с тех пор. . . Ключи просто остались у нас. . .

Светловолосый задумался, но только на секунду.

— Предположим, что это правда, — медленно покачал он головой. — Хорошо, что же ты ищешь в чужом доме посреди ночи?

— У меня было. . . было одно дело. . .

— Интересно знать какое?

— Да. . . Как вам сказать. . . я спрятал здесь удочки. . . Еще когда мы здесь жили.

— Удочки?

— Да, удочки. . . И кроме того, катушку и леску... Мы решили идти завтра на Искыр и. . . мне нужно было их взять.

— Ладно, но как же ты их возьмешь? Ведь в этой квартире живут люди. Ведь они услышут тебя?

— А я думал, что инженер уехал на курорт, — ответил Пешо сразу. — Я думал, что в их квартире никого нет.

— Так, а кто тебе сказал, что в квартире никого нет?

— Девчонка одна. . . Она живет в этом доме. . .

— А как ее звать?

— Ее зовут. . . нет, я не скажу вам как ее звать.

— Почему?

— Так. Потому что вы можете ей что-нибудь сделать.

— Нуу и кавалер! — на этот раз непринужденно улыбнулся светловолосый. — Если я захочу, ты мне скажешь все, как миленький.

— Нет, не скажу! — мрачно и решительно заявил Пешо. — Это вам только кажется, что я скажу.

Опять гладкий лоб диверсанта прорезала глубокая морщина, но через секунду его губы растянулись в широкой механической улыбке, с которой он вел допрос до сих пор.

— Ну, ладно, сейчас не будем спорить по этому вопросу. Итак, ты пришел сюда, чтобы взять свои удочки. . . Где они?

— Я спрятал их в одно. . . одно потайное место.

— А именно?

— В кладовую. . .

— Хорошо, скажи мне где находится эта кладовая? Откуда можно пройти к ней?

— В кладовую можно войти через кухню. . .

— А есть в ней окно?

— Есть. . . то есть нет, нет.

— Таак. Скажи тогда, сколько комнат в квартире и как они расположены?

Этот вопрос не застал Пешо врасплох. Он видел квартиру Живки и предполагал, что квартира инженера приблизительно одинакового расположения.

— Сколько комнат в квартире? — нарочито небрежно переспросил он. — Есть большая гостинная с окнами на улицу. . . Из гостинной большая двухстворчатая дверь ведет в кабинет. . .

— Какая именно?

— Такая — стеклянная, входит в стены, раздвижная. . . Напротив этих дверей есть другие, которые ведут в спальню.

Светловолосый замолчал, потом пододвинул свой стул совсем близко к Пешо. Мальчик, внимательно

следивший за ним, ничего особенного не заметил его выражении.

— Посмотри мне в глаза, — сказал светловолосый изменившимся, немного резким и пискливым голосом. — Прямо в глаза мне посмотри!

Пешо, словно загипнотизированный, посмотрел на него.

— Так. . . так вот, малый, я тебе скажу, что ты бессовестный лжец. Смотришь мне в глаза и лжешь.

— Я не вру! — сказал глухо Пешо.

— Врешь!

— Не вру!

В воздухе неожиданно мелькнула маленькая белая рука диверсанта, резко и сильно прозвучала пощечина. Мальчик ударился головой о кафель и ему показалось как будто что-то потекло по ударенной щеке — может быть, кровь или пот.

— Не смейте бить! — с глубокой яростной ненавистью крикнул Пешо. — Вы дорого поплатитесь за это!

— Я раздавлю тебя, лжец такой! — злобно прошипел светловолосый.

— Я не лгу!

— Лжешь! Я докажу тебе сразу же, что ты лжешь! Во-первых, в квартире нет никакой кладовой! Во-вторых, кроме гостиной есть только одна комната, а не две, и никаких стеклянных дверей нет!

— Может быть, я забыл! — ответил глухо Пешо.

— Как это можно забыть дом, в котором жил?

— Можно. . . Мы жили здесь давно, я и забыл.

— Когда?

— Да. . . наверное, лет десять тому назад. . .

— Десять лет! — злобно повторил светловолосый. — А тебе сейчас сколько лет?

— Двенадцать!

— Ясно!. . . — диверсант насмешливо посмотрел на него. — Да ты, значит, настоящий вундеркинд! Просто. . . чудо природы!

Пешо не понял насмешки.

— Да, да! — покачал головой светловолосый. —

Двухлетним ты играл удочками, даже прятал их в несуществующие кладовки. Молодец!

Пешо почувствовал, как его сердце сжалось и похолодело. «Вот — сам запутался в своей лжи, не сумел выдержать!» Не зная, что ответить, он хмуро молчал.

— Слушай сейчас внимательно, что я тебе скажу! — начал снова светловолосый диверсант. — До сих пор ты непрестанно врал. Даю тебе минуту сроку, чтобы ты подумал и сказал нам правду добровольно! Если не скажешь, у нас есть много способов силой заставить тебя говорить! Только я предупреждаю тебя, солоно тебе придется!

Он замолчал и уставился на свои красивые золотые часы. Пешо опять лихорадочно стал думать. Придумать в эту короткую минуту новую ложь показалось ему невозможным и противным. Так или иначе, они запутают его своими многочисленными вопросами и поймут, что он опять лжет. Тогда, может быть, сказать им правду? Никогда! Пешо внезапно почувствовал такую смелость и решительность, что понял сразу — никогда! Что бы они ни делали, как бы его ни мучили, он не скажет им правды. Так вел себя когда-то его отец, так сделает и он. Что бы ни случилось, что бы они ни сделали с ним, он будет молчать, и хотя он не взрослый, а мальчишка, он выдержит, он не будет, ни в коем случае не будет хуже отца!

— Готово! — сказал светловолосый диверсант. — Время истекло! Будешь говорить?

— Не буду! — сказал Пешо резко, и глаза его засияли решимостью, его красивое смуглое лицо стало еще красивее и светлее. Это вдохновенное выражение не ускользнуло от внимательно наблюдающих глаз диверсанта, и он удивленно спросил:

— А почему, разрешите спросить? Что особенного... чудного и страшного в таком простейшем деле? Почему ты не хочешь говорить?

— Так, — упорно и мрачно сказал Пешо.

— Но почему так?

— Потому что я вообще не хочу говорить... с предателями!

Впервые диверсант вздрогнул и серьезно и пристально посмотрел на мальчика. Пешо сразу же понял, что сделал ошибку, что подсказал им то, о чем, он знал, не надо было говорить.

— Интересно! — пробормотал злобно светловолосый. — А почему это мы предатели?

— А что вы делаете здесь с этим аппаратом? — Пешо кивнул головой в сторону передатчика. — С кем у вас связь?

— Так! Значит, ты не хочешь говорить?

— Не хочу!

— Тогда мы силой заставим тебя! — сказал светловолосый и повернулся к дверям. — Принеси мне шнур от плитки!

Диверсант с грубым лицом молча вышел и вскоре вернулся с электрическим шнуром. По его вспыхнувшим глазам можно было понять: он догадался, что будут делать с мальчиком. Светловолосый диверсант оторвал нижнюю часть шнура, отделил проволочки, потом воткнул штепсель в контакт прямо над головой мальчика..

— Ясно тебе? — спросил он тихо, оглядывая мальчика холодным змеиным взглядом.

— Нет, мне не ясно! — ответил глухо Пешо, хотя он уже догадался.

— Сейчас ты поймешь! Электрический ток спокойно может убить взрослого, а уж тем более такого мальчишку, как ты. Ну, мы тебя опалим немножко. Что ты скажешь об этом? Не лучше ли тебе сказать все добровольно?

— Мне нечего говорить! — ответил Пешо, и глаза его снова засияли.

— Хорошо, посмотрим! Вот, только для опыта! Светловолосый быстро коснулся руки Пешо оголенной проволокой. Электрическая искра тряхнула худенькое тело мальчика, он слабо вскрикнул.

— Будешь говорить?

— Нет!

Лицо мальчика опять стало гордым и светлым, каким, наверное, было лицо его отца, когда его истязали в полиции.

— Заткните ему рот! — сказал решительно светловолосый. — Он и так ему не нужен!

Диверсант с грубым лицом наклонился над Пешо и быстро завязал ему рот.

Через пят минут все три диверсанта сидели за низким круглым столиком в гостиной. Комната была совсем темной, потому что они боялись зажечь электричество, и хотя сидели совсем близко друг к другу, они не могли видеть даже своих лиц, которые были сейчас действительно мрачными и встревоженными. Майор уже совсем отрезвел, диверсант с грубым лицом неспокойно сопел. Только светловолосый как будто сохранил присутствие духа.

— Ясно, мальчишка не заговорит! — сказал он тихо и задумчиво. — Этот экзальтированный типчик, наверное из коммунистической семьи, здорово наглотался разными «Молодыми гвардиями». . .

— Оставь его мне, — сказал майор, — тогда посмотрим. . .

— Нет времени, да и смысла! Я не верю, чтобы мы узнали что-то особенное. Мне кажется, что это просто какая-то мальчишеская история, иначе до сих пор органы Государственной безопасности уже схватили бы нас. . .

Эга возможность была такой страшной, что все трое на мгновение замолчали.

— Для нас есть только один важный вопрос! — продолжал светловолосый, понизив голос. — Как действовал мальчишка, один или с помощниками? Однако, явно, что милиции они не сказали ничего, иначе мальчишка не был бы сейчас один. Из двух вероятностей мы должны допустить худшую — у мальчишки есть и какие-то помощники, и другие знают о нашей квартире. Тогда самое позднее утром они узнают, что их дружок исчез, и глядь — на этот раз заявятся не одни!

— Как бы этой ночью не заявились! — мрачно отозвался майор. — Может быть, пацан вошел сюда, а другой на улице поджидает!

— Не верится! — сказал светловолосый, но на этот раз в его голосе впервые мелькнула тревога. — Ты ведь говоришь, что внизу дверь заперта.

— Заперта. . .

— Он бы не запер ее, если бы внизу его ожидал помощник. Мальчик, видимо, хотя бы на этот раз, действовал один. . .

— Неизвестно! — встревоженно просопел майор.

— Верно, что неизвестно. . . Так или иначе мы немедленно должны смыться. Я сейчас же позвоню Б8, предупредим и Торманова. Через полчаса нас не должно здесь быть.

— Это самое умное из сказанного до сих пор! — просопел молчаливый диверсант. — Чем раньше, тем лучше!

— А что делать с мальчишкой? — спросил майор.

— Оставим его связанным здесь! — ответил равнодушно светловолосый.

— Глупости! — отозвался сердито диверсант с грубым лицом. — Лучше всего перед уходом кокнуть его!

— Зачем?

— Как зачем? Да ведь паршивец знает уже все! Он знает о передатчике, хорошо изучил наши морды! Завтра в Государственной безопасности будет полнейшее описание всего! Тогда даже милиционеры смогут нас узнать.

Светловолосый диверсант знал это лучше него и все же решительно был против убийства. Дело было в том, что оба его помощника имели тяжелые приговоры, вынесенные местной властью, для них не было пути назад. Его личное положение, однако, не было столь безнадежным. Даже если его и поймают, он сможет отделаться каким-нибудь сносным приговором, а убийство мальчика приведет его прямо на виселицу. Но разве можно сказать им об этом? Нельзя! С другой стороны, он уже не верил в хороший исход дела после такого длинного добровольного заключения в квартире инженера.

— Я не согласен на его убийство! — сказал он решительно. — Мы должны не забывать, что у нас не только диверсионные задачи, но и политические! Если

мы убьем мальчишку, их пропаганда использует это и настроит против нас весь народ! Как вам это кажется — зверски убитый мальчик! Да ведь и у самого простого зеленщика волосы дыбом встанут. Нет, нет, я не согласен!

— А согласен, чтобы мы сами положили голову под топор? — сердито пробурчал диверсант с грубым лицом. — А я вот не согласен.

— И я! — добавил сухо майор.

Светловолосый диверсант посмотрел на светящийся циферблат своих часов и обратился к майору:

— Иди сразу же к передатчику! Нас скоро будут вызывать!

Майор быстро встал со своего места.

— Что передать?

— Передай, что группа по непредвиденным обстоятельствам уедет на объект 14 этой ночью, а не завтра ночью.

И помолчав мгновение, обратился к диверсанту с грубым лицом:

— Иди и ты, помоги ему справиться с шифром! Я сразу же свяжусь с Б8 и устрою наш отъезд.

Оба диверсанта, охваченные тревожным нетерпением, быстро пошли к ванной комнате. Светловолосый мужчина постоял немного на своем месте, потом чуть слышно вздохнул и пошел к телефону. Непредвиденные события, вопреки его кажущемуся спокойствию, плохо отразились на его самочувствии.

ЮЛИЯ ДЕЙСТВУЕТ

Юлии было мучительно и страшно ждать в заброшенном дворе. Спрятавшись в кустах, она вздрагивала от полуночной прохлады и от страшных мыслей, приходивших ей в голову. Время от времени вспархивала в темных ветвях птица, кошка внезапно прыгала на изгородь, и Юлия испуганно замирала на своем месте. Но в эти минуты она больше всего боялась за своего маленького друга, который так странно исчез в боль-

шом белом доме. Что случилось с ним? Почему он не выходит? Хотя в эти страшные минуты ей было совсем трудно думать спокойно, она понимала, что нет никаких разумных причин задерживаться так долго внутри. Сколько времени нужно, чтобы проверить, открывает ли ключ двери? Наверное, не больше пяти минут. До сих пор прошло много раз по пять минут, а от Пешо не было и следа.

Куда пропал он? Жив ли или уже случилось какое-нибудь непоправимое несчастье?

Терзаемая противоречивыми мыслями, она ждала за оградой и не отрывала взгляда от подъезда. А действительно ли он вошел в дом? Она не уверена, потому что не видела. Но куда может пойти он в этот поздний ночной час? Уж не пришло ли ему в голову немедленно сообщить милиции — сообщить еще этой же ночью, чтобы избежать какой-нибудь опасности? И это было возможным, но ей не верилось. Она чувствовала, что он там, внутри, в большом белом доме, и дрожала от страха. Что случилось с ним, почему он не выходит?

Наконец Юлия поняла, что ждать здесь дольше опасно и бессмысленно. Если с ним случилось несчастье, она должна помочь ему, спасти его. Хотя она и поняла это, ей было невыразимо трудно оторваться от своего места. Ей казалось, что стоит ей пойти куда-нибудь, как там, наверху, произойдет страшное несчастье, которое уже никто не сможет поправить. Да, лучше сразу же побежать в милицию, предупредить, попросить помощи, но, несмотря на это, у нее не хватало воли тронуться с места и оторвать взгляд от неподвижных дверей.

Так прошло еще четверть часа. Наконец, собрав всю силу воли, она медленно вышла из дворика. Дверь была все такой же неподвижной, окна инженера — все такими же темными. Но где искать помощи? Где отделение милиции? Внезапно она вспомнила, что мальчики собирались идти в Министерство внутренних дел. Кто-то говорил, что там обязательно есть дежурный начальник. Хорошо, она пойдет туда! Юлия знала, где находится громадное массивное здание Министерства внутренних дел, но сейчас ей было трудно

ориентироваться. Она вышла на трамвайную линию, осмотрелась и поняла: если пойдет по линии, то, достигнув маленького сквера, она увидит за ним само Министерство.

Пока она спешила по безлюдной улице, поднялся вихрь, в воздухе понеслись клочки бумаги. Через некоторое время закапали и одинокие крупные капли, но скоро перестали. Через четверть часа Юлия подошла к скверу и, завернув за угол, увидела выросший перед ней огромный каменный фасад Министерства. В двух местах светились окна, и Юлия, ободренная, поспешила вперед.

Подойдя к зданию, она смущенно остановилась. К каким дверям подойти, кому позвонить? Было что-то трогательное в этой полуночной картине: мрак, ветер и она, совсем одна, маленькая и беспомощная у громадного тяжелого массива Министерства, поднявшая к окнам свой маленький носик, с развевающимися от ветра светлыми волосами. Кому позвонить, кого позвать?

Внезапно она вздрогнула. В тени здания зашевелилась человеческая фигура и, когда она вышла на освещенное место, Юлия увидела, что это солдат — серьезный, даже хмурый, с автоматом на груди.

— Кого ты здесь ждешь, девочка? — спросил он строго.

— Товарищ солдат, — быстро, задыхаясь начала Юлия, — я должна сейчас же поговорить с самым главным начальником!

— С каким начальником?

— С дежурным, — догадалась она.

— Здесь нет начальников! — немного сердито ответил солдат. — Ну, иди! Как это можно, чтобы дети бродили по ночам?

— Но, товарищ солдат, — быстро и отчаянно зашептала Юлия, — диверсанты, товарищ солдат, поймали Пешо. . .

— Какого Пешо?

— Пешо — мальчик. Диверсанты его поймали и заперли в. . . комнате!

Солдат невольно улыбнулся. Приснилось ли что-то

этой девочке, или читала она до поздней ночи какую-нибудь книгу? Нет у диверсантов других забот, как ловить детей и запирать их в комнатах! И что это за родители, которые не следят за своими детьми! Как это можно!

— Слушай, девочка, сразу же иди домой! — сказал строго солдат. — Слышишь, иди немедленно!

— Ну, прошу вас, товарищ солдат, — отчаянно всхлипнула Юлия. — Прошу вас, ведь Пешо убьют!

— Я не имею права разговаривать с тобой, — сказал солдат. — Я на посту! Ну, иди!

— Да как же. . . Ведь они. . .

— Иди, иди! Если что-нибудь есть, пусть придет твой отец!

Солдат повернулся и пошел на свое место. Его подкованные сапоги застучали по тротуару; блеснул, перед тем, как исчезнуть в тени, автомат. После нескольких часового напряжения Юлия почувствовала, как все в ней сломалось, она опустила голову, заплакала, роняя крупные, горячие слезы и пошла вниз по улице.

Полковник Филиппов сидел один в своем кабинете, углубившись в сведения, переписку и документы, лежащие перед ним в папке. Не впервые случалось ему задерживаться допоздна — для него в последние годы это стало почти ежедневной практикой. В эти годы враги республики резко усилили свою деятельность, всячески стремясь смутить свободную и счастливую жизнь. Они засылали диверсантов через соседние капиталистические страны, сбрасывали их с самолетов в малонаселенные районы, вербовали среди остатков разгромленного капиталистического класса вредителей и шпионов, провокаторов и убийц. Большая часть этого подбирающегося к сердцу родины сборища попадала в руки пограничников, но все же многие пробирались безнаказанно в большие города и жизненные центры страны. Они были не только счастливчиками, но и самыми опытными и, конечно, самыми опасными. У них была возможность вредить, и они вредили. С ними он должен был бороться денно и нощно, без отдыха, ни на

секунду не выпуская ниточки, которые он держал в своих руках.

Наконец полковник поднял голову от бумаг. Лицо его было широким, смуглым, жестким — не раз дожди и ветры били ему в лицо, не раз он замерзал в годы тяжелой немецкой оккупации. В эти годы он узнал и голод, и суровую боль ран, и беспощадную жестокость врагов. Его широкое, светлое, добродушное лицо стало жестким и темным, глаза приобрели суровый стальной блеск, но вопреки этому в глубине своего сердца он остался почти таким, каким был в молодые годы. Это особенно было заметно, когда он улыбался широкой добродушной улыбкой, которая почти скрывала его глаза, и в такие моменты человеку трудно было бы узнать в нем руководителя органов, перед которыми дрожала целая армия врагов.

Но сейчас полковник не улыбался. Его взгляд снова приобрел свой стальной отблеск, хотя усталость и покрыла его виски тонкими морщинками. Несколько диверсантских групп расползлось по стране, темными ночами пищала вражеская радиостанция, но несмотря на все усилия, его люди не могли ее открыть. Она работала довольно ловко, умело сменяла длину волн и время передач, которые велись на таких интервалах, что невозможно было ее обнаружить. Что делать? Группа, которой было поручено открыть ее, работала крайне напряженно, но все еще не было никаких результатов.

Где-то вдали погромел гром. Уж не пойдет ли дождь? Полковник встал и открыл окно. По небу шли низкие, разорванные облака, но дождя еще не было и, может быть, и не будет, потому что дул сильный ветер. Он посмотрел вниз на тротуар и удивленно поднял брови. Маленькая девочка что-то говорила часовому, очевидно о чем-то просила, на что-то настаивала, но солдат упорствовал. Он услышал только громкое «иди, иди», потом девочка пошла и горько заплакала. Полковник в недоумении почесался. Это еще что? Вид расплаканной девочки словно кольнул его в сердце. Он следил за ней некоторое время, неожиданно взволнованный — такой маленькой и беспомощной казалась она с этой

высоты — и потом быстро направился к телефону и набрал номер караулки.

— Начальник караула? — строго спросил он. — Немедленно приведите ко мне девочку, которая говорила с часовым на втором посту! Торопитесь, чтобы не упустить ее!

Полковник положил трубку и снова посмотрел в окно. Улица была пуста, девочка, наверное, завернула за ближайший угол. «Найдут!» — решил он успокоенно и снова сел на свое место. Хотя ему и хотелось продолжить свою работу, ум его рассеивался, образ одинокой плачущей девочки настойчиво преследовал его.

Наконец в дверь постучались и вошел дежурный офицер. Он ввел с собой ту самую девочку, но на этот раз она не плакала, все ее лицо словно озарилось радостной надеждой. Полковник быстро встал, дал ей стул и как, только они остались одни, — решительным жестом выдвинул ящик стола. Там он всегда держал пакетик с мятными конфетами, которые употреблял, чтобы меньше курить. Конфеты были на своем месте, но полковник, посмотрев на них, отказался от своего намерения: что-то во всем виде девочки, в ее лихорадочном взгляде, в чудном озарении ее красивого лица как-то подсказывало, что конфеты будут не к месту.

— Ну? — спросил он дружелюбно. — Говори, девочка, что случилось?

— Товарищ начальник, — начала Юлия и горячо, и умоляюще, — поторопитесь, товарищ начальник, диверсанты поймали Пешо. . .

Эти слова смутили даже полковника — он не ожидал такого резкого начала.

— Спокойно, девочка, какие диверсанты и какой Пешо?

— Мы, товарищ начальник, случайно открыли диверсантов.

— Кто это вы?

— Мы — ребята. . .

— Хорошо, хорошо, начни тогда сначала. . .

Юлия начала сначала. Ее рассказ был несвязным, довольно путанным, но полковник, слушавший с напряженным вниманием, понимал все и чувствовал, что

ему говорят истину, а не детские выдумки. Хотя он и был глубоко удивлен и даже поражен этой историей, редкой интеллигентностью и находчивостью своих неизвестных помощников, лицо его оставалось сдержанным, взгляд спокойным, словно ничего особенного и не произошло, словно ему рассказывали обыкновенную уличную историйку. Но когда Юлия дошла до случая со счетчиком, до таинственного движения его колесика, он вздрогнул, задал ей несколько дополнительных вопросов и быстро поднял телефонную трубку.

Первым делом он объявил в дежурной части боевую готовность, потом связался с гаражем и дал несколько дополнительных приказаний. Когда он положил трубку, его лицо казалось немного покрасневшим, в глазах появился огонек.

— А потом что произошло? — спросил он с интересом. — Только короче.

Юлия сама чувствовала, что нужно торопиться. Когда она кончила, полковник взял трубку и сказал телефонисту:

— Свяжите меня сразу же с Кириллом Андреевым, звоните, пока не ответит!

Он хорошо знал отца Пешо, они известное время были вместе в Сливенской тюрьме. Пока он задавал дополнительные вопросы Юлии, глаза девочки стали снова тревожными, потом почти испуганными.

— Мы должны ехать, товарищ начальник! — сказала она умоляюще. — Его могут убить!

В этот момент зазвонил телефон, полковник поднял трубку.

— Это ты, Андреев? — спросил он спокойно. — С тобой говорит полковник Филиппов! Слушай, у меня к тебе срочный вопрос, хочу чтобы ты срочно ответил: твой сын Пешо дома, в своей кровати?

— Конечно, дома, — ответил удивленно сонный голос.

— От тебя требуется проверит это!

— Но что это за глупости!

— Проверь, проверь! Время не ждет!

Юлия напряженно ждала. Полковник, не отнимая трубки, посмотрел на нее, чуть улыбаясь, подбодряюще,

словно хотел сказать: «Сейчас, сейчас! Сразу же, как ответит — едем!»

Долго ждать не пришлось — полковник вздрогнул и стал слушать.

— Ну? Так? — спросил он с напряженным лицом. — Не беспокойся, ничего опасного нет! Нет, тебе говорят, что ты болтаешь о каких-то несчастьях! Нет, сейчас не могу! Не могу, спешу! Жди у телефона, скоро опять позвоню тебе.

Юлия не знала, как называется улица, на которой жили диверсанты и пришлось взять ее с собой. Две мощные машины полетели по пустынным улицам, которые стали немного скользкими, потому что, пока Юлия была в Министерстве, прошел короткий дождь. Скоро они приехали на улицу и остановились у дома. Из большой машины вышла целая группа людей, которые сразу же разбежались в различных направлениях и словно провалились сквозь землю. Полковник повернулся к Юлии.

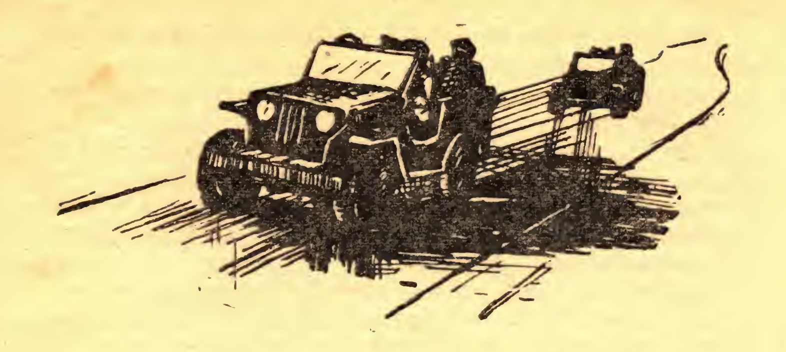
— Ты будешь ждать здесь! — сказал он ласково. — Скоро я приведу твоего друга.

— Можно и мне? — умоляюще попросила Юлия. Полковник улыбнулся:

— А если начнут стрелять?

Когда Юлия осталась одна, ее снова охватил леденящий страх. Неужели будут стрелять? Что будет с Пешо в этой стрельбе? Она хотела крикнуть, но полковник уже ушел. Через стекло Юлия видела, что окна на первом этаже вспыхнули, показался молодой мужчина в пижаме, с которым заговорили люди полковника Филиппова. Юлия знала, что это художник, у которого они попросили ключ от подъезда.

Полковник поднялся по лестнице со своими людьми. Как всегда в подобных случаях, он был спокоен и уверен в успехе. Если бандиты еще внутри, они не убегут. Едва ли и окажут сопротивление. Всегда, когда они чувствовали над своими головами железную руку народной власти, бандиты делались мягкими как воск, теряли самообладание, быстро капитулировали. Хотя полковник никогда не недооценивал своих врагов, хотя воевал с ними с полным напряжением, все же в глу-



бине души он презирал их и часто небрежно относился к опасностям, угрожающим его жизни.

Группа остановилась перед дверью инженера. Филиппов позвонил долго и настойчиво. Все стали ждать с револьверами наготове.

Изнутри никто им не ответил. В квартире царила мертвая тишина, словно там никого не было и никто не жил там в отсутствие инженера!

Приходилось звонить снова и снова.

Никакого ответа!

Внезапно открылась соседняя дверь, на пороге показался пожилой человек в пижаме, с сердитым, все еще сонным лицом. При виде военных, сонное выражение сразу же пропало, он смущенно заморгал и забормотал какие-то извинения.

— Войдите в свою квартиру, гражданин! — сказал учтиво полковник. — Спите спокойно, ничего особенного не случится!

Смущенный человек поспешил убраться.

— Взломайте дверь! — спокойно приказал полковник. — Ждать мы больше не можем!

Полковник первым вошел через взломанную дверь и сразу включил свет. Прихожая была пуста, но в полном беспорядке, на мозаичном полу валялись осколки разбитой бутылки, остро и неприятно пахло давно непроветряемым помещением и алкоголем.

— Коньяк! — безошибочно определил полковник Филиппов, хотя сам и не пил.

Из прихожей вели три двери. Правая была большая, из матового стекла, вероятно, она вела в комнаты. Слева была обыкновенная кухонная дверь с маленьким, тоже матовым стеклом. Третья дверь находилась против входа, она была довольно узкой, вся белая и, наверное, — подумал полковник — вела в ванную. Он решил, что ванная будет первым плацдармом в чужой квартире, и решительно нажал на дверь. Она открылась сразу же, но он почувствовал, что ударил во что-то мягкое и податливое, словно дверь уперлась в человека.

Полковник онемел. Дверь может удариться так, если за ней мешок с одеждой или человеческий труп.

Человеческий труп!

Он лихорадочно зажег свет и одним взглядом охватил все это тесное белое помещение. На мозаичном полу действительно лежала, крепко связанная веревками, человеческая фигура, точнее — это была мальчишеская фигура. Рот его был завязан белой салфеткой, но глаза смотрели на полковника нерадостно и мрачно, словно пришли не освобождать его, а арестовывать.

Одним движением полковник снял салфетку и взволнованно встал на колени перед мальчиком.

— Бандиты убежали! — сокрушенно сказал Пешо.

Полковник сразу понял, что происходит в душе мальчика и, заставив себя подавить собственное огорчение и разочарование, сказал улыбаясь:

— Ничего, но этот раз они не убегут далеко.

Два помощника опустились на колени и сразу же развязали мальчика.

— Здесь в ванной был передатчик, — сказал Пешо. — Совсем маленький, подмышкой можно носить.

Полковник кивнул.

— Это я уже понял. . . А давно бежали диверсанты?

— Не меньше часа тому назад, — ответил глухо Пешо.

Полковник задумался, потом спросил:

— В квартире есть телефон?

— Не знаю, товарищ полковник, я был только в ванной. . .

— Идем со мной. . .

Они прошли в гостиную. В большой, элегантно обставленной гостиной все было так разбросано, словно через нее пронеслась летняя буря. Как и в прихожей, здесь нестерпимо воняло непроветренной комнатой, алкоголем, грязным бельем. На полу валялись пустые бутылки, серебряные бумажки от шоколада, окурки, рваные газеты и больше всего — куски хлеба и колбасы. Осмотревшись, полковник Филиппов заметил телефон и с радостью констатировал, что тот не поврежден. Он подошел к нему и стал быстро набирать какой-то номер.

— Товарищ полковник, а откуда вы знаете, что я здесь? — внезапно спросил Пешо.

— От Юлии. . . Подожди минутку!

Не успел он набрать номер, как ему сразу же ответили, словно там ждали с трубкой в руке.

— Товарищ Андреев? — спросил полковник, шутливо меняя голос. — Говорите!

Потом, повернувшись к Пешо, ласково сунул ему в руку трубку.

— Держи!

Глубоко взволнованный и пораженный неожиданным ходом событий, Пешо взял трубку и прижал ее к уху.

— Папа. . . — сказал он тихо, осипшим от волнения голосом. — Это я!

В НАДЕЖНЫХ РУКАХ

В эту ночь почти никто не смог спать.

Только Юлию отправили на машине домой. Перед тем как ехать, возник спор, как войти в квартиру, через дверь или снова через окно. Конечно, Юлия энергично настаивала — через окно! Полковник развеселился, игра ему понравилась.

— Пусть будет так! — сказал он, отечески похлопывая девочку по худеньким плечикам. — Только завтра все расскажем твоему отцу, иначе нельзя.

— Прошу вас, товарищ начальник, не говорите ему! — умоляла Юлия с беспомощным видом.

— Как это можно не говорить? — сдержанно улыбнулся полковник. — Мы должны ему сказать!

Юлия простилась с Пешо, который должен был поехать на другой машине в Министерство. Совсем внезапно она протянула ему свою узкую белую ручку через открытое окно машины, и глаза ее наполнились слезами. Впервые они, как взрослые, пожали друг другу руки.

— Ты не сердись на меня! — сказала она почти плача. — Видишь, я ведь не виновата.

Пешо изумленно почувствовал, что и у него защипало глаза.

— Мне на тебя сердиться? — воскликнул он взволнованно. — Не за что на тебя сердиться.

Машина тронулась. Вскоре на пустынной улице, где жила Юлия, случайный прохожий увидел издали необычайное зрелище: двое молодых офицеров в синих фуражках, довольно смущенные своей необыкновенной миссией, помогли девочке пробраться в свою комнату через окно. Забравшись в комнату, Юлия внимательно прислушалась. Тихо! Она махнула рукой своим новым друзьям, которые продолжали смотреть снизу, улыбнулась им и исчезла во мраке комнаты. Вскоре на улице тихо заработал мотор их машины.

В это время в кабинете полковника Филиппова Пешо подробно рассказывал историю брошенного ключа. Полковник часто прерывал его, расспрашивал иногда о мельчайших подробностях, задавал дополнительные вопросы. Все это время стенографист старательно записывал весь допрос, или точнее, весь разговор. Для полковника не осталось скрытым почти ничего — даже самый незначительный продавец, к которому заходил Тороманов, или изменения в туалете мадам Торомановой.

В первый момент два обстоятельства более других привлекли внимание полковника Филиппова — посещения Торомановым букинистического магазина и его ночное путешествие на машине. Пока они подробно разбирали самые незначительные случаи и эпизоды в букинистическом магазине, позвонил телефон. Полковник Филиппов поднял трубку, послушал с невоз-

мутимым видом известное время, потом коротко приказал:

— Хорошо! Продолжайте поиски!

Потом, посмотрев на мальчика, задумчиво сказал:

— Тороманов удрал вместе с женой! Другого, конечно, нельзя было и ожидать.

Обо всем, касающемся машины, в которой ездил Тороманов той ночью, Пешо дал подробнейшие сведения: марка, модель, внешние признаки, кроме номера. Как это ни казалось Пешо странным, номер он забыл, хотя некоторые цифры и помнил. Пришлось посреди ночи вызвать Чарли, и один офицер поехал за ним на машине.

— Этот вопрос чрезвычайно важен! — сказал серьезно полковник Филиппов, словно разговаривая с кем-нибудь из своих помощников. — По-моему, диверсанты бежали из города на машине! Думаю, что это та же машина, на которой путешествовал Тороманов.

— Я не слышал никакого шума мотора! — сказал Пешо. — А я прислушивался очень внимательно, даже слышал, как открылась и закрылась дверь подъезда, но никакая машина не проходила.

Полковник улыбнулся.

— Ничего удивительного, — ответил он. — Бандиты приняли меры, чтобы их отъезд на машине остался в тайне. Однако они не приняли в счет один пустяк.

Глаза Пешо заблестели от любопытства.

— А мне вы скажете, что именно?

— Конечно, ведь ты же мой помощник! Они не приняли во внимание дождь. Да и едва ли предполагали, что мы найдем тебя в квартире еще этой ночью...

— А при чем тут дождь? — не понял Пешо.

— Очень просто! Машина, которая взяла диверсантов, остановилась не перед домом инженера Дончева, а в соседнем переулке, чтобы ты не услышал шума мотора. Пока она ждала, прошел небольшой дождичек — может и пяти минут не было! Потом машина уехала! Понимаешь?

Пешо задумался только на мгновение, а потом возбужденно воскликнул:

— Понял! Когда машина уехала, там, где она стояла, осталось сухое место.

— Молодец! — с искренним восхищением отозвался полковник и похлопал мальчика по спине. — Молодец, верно!

Пешо зарделся от похвалы.

— В данном случае они могли бы и не допустить этой ошибки, — продолжал полковник. — На улице растут довольно большие акации, под ними тоже сухо. Шофер мог просто поставить машину под одну из них, но не сообразил!

— А точно ли, что сухое место оставлено автомобилем?

— Совсем точно! — утвердительно кивнул головой полковник. — Ясно видны отпечатки шин, мы даже знаем их марку!

— Ох и интересно же! — воскликнул совсем по-мальчишески Пешо.

— Есть кое-что еще более интересное, о чем мне только что сообщили, — продолжал полковник. — Перед домом Тороманова, приблизительно в то же время, остановилась машина с точно такими же шинами! На влажном асфальте совсем ясно видны отпечатки.

— Значит они уехали вместе?

— Да, вместе. Если бы мы знали номер машины, мы бы через некоторое время могли установить, выехала

ли из Софии легковая машина под таким номером и в каком направлении! Конечно, гораздо вероятнее, что преступники сменили номер своей машины. . .

— Непременно сменили! — покачал головой разочарованный Пешо. — А вы знаете, товарищ полковник, откуда пришли эти диверсанты?

— Можно догадаться, да и мы открыли кое-какие мелочи в квартире инженера Дончева, которые они оставили второпях. Эта группа бесспорно на американской службе! Сформирована в Западной Германии, потом была переброшена в Грецию. . . А как пробралась в Болгарию, узнаем позже. . .

— А когда позже?

— Да когда их поймаем!

— Мы должны их поймать, товарищ полковник! — воскликнул Пешо с такой горячностью, что полковник Филиппов улыбнулся. Конечно, он не знал, какая буря бушевала в душе мальчика. Пешо понимал, что своим необдуманным поступком он стал причиной побега диверсантов, это мучило его и он ото всего сердца желал, чтобы преступники были пойманы как можно скорее. Только такой исход облегчил бы его совесть и смыл бы, хотя и не до конца, его вину.

Пока они ждали Чарли, полковник вышел ненадолго и принес в свой кабинет несколько альбомов со снимками.

— Если увидишь диверсантов на фотографии, узнаешь? — спросил он.

— Узнаю! — ответил Пешо твердо.

Он долго перелистывал толстые листы альбома, долго всматривался в лица, пока наконец не воскликнул:

— Вот он!

Полковник вздрогнул и наклонился над плечом мальчика. С фотографии смотрел на них своими мрачными и холодными глазами диверсант с грубым лицом.

— Ты уверен?

— Абсолютно уверен! — ответил возбужденно Пешо. — Я бы узнал его и среди тысячи. Этот диверсант все время молчал и только сопел.

— Хороша птица! — сказал задумчиво полковник.—

Редкий головорез! Если поймаем его, это будет большая удача!

Скоро Пешо открыл среди фотографий и второго члена диверсантской группы — бывшего майора с небритым лицом. Но третьего диверсанта, у которого было такое легко запоминающееся лицо, он не смог открыть, хотя и перерыл альбом два раза. Он не мог открыть и снимка шофера диверсантов, но это было легко объяснимо, так как тогда он не успел рассмотреть в темноте его лица. Но и эти открытия были немаленькими. Сейчас уже у них были фотографии и фамилии двух преступников, а это должно было чрезвычайно облегчить их дальнейшую работу.

Уже начало светать, но поглощенные работой они не чувствовали никакой потребности во сне. Небо порозовело, в окно входил прохладный утренний воздух. На улицах зашумели моторы первых автомашин, застучали железные колеса телег. Пока полковник давал приказания продолжать поиски легковой машины диверсантов, в кабинет ввели Чарли.

Увидев его, Пешо радостно поднялся со своего места. Чарли выглядел немного смущенным этим неожиданным ночным вызовом, но увидев приятеля, лицо его просветлело.

— Чарли, — начал сразу же взволнованно Пешо, — ты помнишь номер легковой машины?

— Какой машины? — удивленно поднял брови Чарли.

— Да той, на которой прошлой ночью приехал Тороманов.

Чарли даже во сне мог бы сказать этот номер.

— Конечно! — ответил он, по привычке весело подмигнув. — 1150!

Полковник Филиппов быстро сообщил номер по телефону, потом познакомился со своим новым помощником. Хотя он знал уже довольно подробно всю историю преследования Тороманова, он снова расспросил Чарли обо всем, что тот видел сам и пережил. Между прочим, он записал все подробности о платьях, которые Тороманова шила у его матери — цвет, фасон, рас-

цветка, — но в этом мальчик не очень мог ему помочь, ответы его были довольно неопределенными.

— Выходит, машина и платье не одно и тоже! — пошутил полковник.

— Неет! — вздохнул Чарли. — Вот если бы Юлия была, она бы все сказала.

Опять позвонил телефон, полковник сразу же поднял трубку. Как обычно, по его лицу было невозможно понять, какую новость он слышит — важную или совсем незначительную.

— Продолжайте поиски! — сказал он кратко и положил трубку.

Потом, повернувшись к мальчикам, добавил серьезным голосом:

— Машина под номером 1150 выехала из Софии около половины третьего.

Чарли и Пешо быстро переглянулись.

— Я говорю вам это, потому что понял, что вы серьезные мальчики, — продолжал полковник, — достойные полного доверия, которые, кроме того, умеют хорошо хранить тайну.

— Вы поймаете их, товарищ полковник? — спросил Пешо, на этот раз чуть ли не умоляюще.

— Конечно, поймаем, мой мальчик. . .

Полковник подошел к окну, постоял немного, заглядевшись в далекое румяное небо, потом бросил озабоченный взгляд на часы.

— Вы устали, вам нужно отдохнуть! — сказал он тепло, отцовским тоном. — Моя машина отвезет вас домой. . .

— А мы вам не понадобимся для чего-нибудь? — спросил Пешо, и сердце его сжалось.

Полковник пошлепал его по щеке:

— Если вы мне понадобитесь, я вызову вас сразу же! Разумеется, вы не должны уходить далеко от дома!

— Мы будем на посту! — ответил гордо Чарли.

— Все же неплохо, чтобы вы поспали! Этим утром я поговорю с вашими другими товарищами, чтобы совсем дополнить картину.

— А потом? — спросил Пешо.

Полковник продолжительно и внимательно посмотрел на него:

— А потом на сегодняшнее утро остается еще одна работенка — посетить букинистический магазин.

Посещение букинистического магазина было совсем кратким, но — как шутил потом полковник — довольно содержательным.

Вскоре после открытия магазина, в него вошли двое штатских, потом еще один с мальчиком. В магазине не было никого, кассир что-то писал карандашем на клочке бумаги, одна из продавщиц раскладывала книги на полках. У прилавка стоял главный продавец, лет пятидесяти, с поредевшими седыми волосами, одетый в довольно хороший, хотя и поношенный костюм, с темно-синим галстуком-бабочкой на шее. Он выглядел немного невыспавшимся, рассеянным и почти не взглянул на группу, вошедшую в магазин.

Мальчик был довольно высокий, с сухими, почти худыми ногами, обутыми в дешевые новые сандалии, его пепельные волосы были подстрижены, можно сказать, по-домашнему. Это был Костя. Только его лицо казалось необыкновенно серьезным и напряженным.

— Этот! — прошептал Костя, чуть заметно указав головой на пожилого продавца.

— Хорошо! А теперь выходи! — сказал тихо полковник Филиппов.

Мальчик явно неохотно вышел. Двое мужчин, которые перед ними вошли в магазин, приблизились к главному продавцу, по-прежнему рассеянно смотревшему на улицу через стеклянную витрину. Там проходили люди, мелькали автомобили, звенел изо всех сил на узкой улице трамвай. Жизнь текла себе обычная и будничная, как всегда.

Продавец взглянул на двух мужчин только тогда, когда они встали перед его прилавком. Еще только взглянув на их серьезные лица, он почувствовал, как смутное беспокойство кольнуло в его сердце.

— Ни с места! — тихо сказал один из мужчин. — Вы арестованы!

Продавец внезапно побледнел как мертвец, в его лице не осталось капли крови.

— Любое сопротивление бессмысленно! — все так же тихо сказал другой мужчина. — Магазин окружен.

Продавец кивнул как во сне, дрожащими пальцами стал снимать длинные сатиновые нарукавники.

— Спокойнее! — сказал сердито один из мужчин. — Ваша судьба зависит от вас, а не от нас!

Не сказав ни слова, главный продавец сел в мощную черную машину, которая ожидала немного в стороне от входа. «Этот скажет все!» — подумал полковник, зашагав по солнечному тротуару один. Мимо него все так же спешили люди, так же звенели трамваи, так же сверкали на солнце легковые машины.

Было совсем обычное будничное софийское утро.

СЛЕДЫ ИСЧЕЗАЮТ

Вопреки ожиданиям полковника Филиппова, поиски диверсантов внезапно зашли в тупик. Легковая машина, выехавшая ночью из Софии вместе с диверсантами, словно сквозь землю провалилась. Она не прошла ни через один из следующих постов, ее не заметили нигде, хотя все органы власти были уведомлены вовремя. Конечно, вскоре установили, что номер машины фальшивый. Старый грузовичок, развозивший овощи, единственный имел законное право на этот номер. Самым интересным было то, что машина с номером бандитов въехала в город этой же ночью, по тому же шоссе. Приблизительно через час она снова выехала из города и пропала. Дополнительной проверкой было установлено, что эта же машина два дня тому назад, точно в ту ночь, когда Тороманов приехал на машине домой, въехала в город по тому же шоссе и выехала через тот же самый пункт несколькими часами позже.

В следующие два дня эти данные были подробно анализированы. Внимательно были прослежены маршруты всех машин, с момента их выезда до момента при-

бытия, которые этой ночью въехали в Софию или выехали из нее. После этого проследили маршруты всех машин, которые этой ночью были в движении в соседних с Софией городах. Исследование не принесло никаких результатов. Оказалось, что эти машины, все без исключения, были государственными, которые шли по точно установленным служебным маршрутам. Любая возможность обмана со сменой номера была исключена.

Тогда куда же пропала машина с преступниками? Оставались две возможности. Во-первых, было возможно, что машина исчезла где-нибудь на маленьких проселочных дорогах, старательно избегая контрольные пункты. Вторая возможность казалась полковнику Филиппову более вероятной: машина скрывается где-нибудь в окрестностях Софии или, по крайней мере, между двумя соседними контрольными пунктами по шоссе. Это предположение подкреплялось и следующим фактом: машина подъехала к дому Торманова слишком скоро после ее возможного вызова.

Вероятная картина бегства рисовалась в воображении полковника Филиппова так: после того, как диверсанты схватили мальчика, они понимают, что их пребывание в городе уже очень опасно и решают бежать этой же ночью. По телефону они вызывают машину. Легковая машина приезжает, берет их, после этого заезжает за Тормановыми, берет их и исчезает по тому же самому шоссе, по которому въехала в город. Конечно, связь могла осуществится не по телефону, а через передатчик, если в машине диверсантов тоже есть радиопередатчик, но это казалось полковнику менее вероятным. Вся эта операция длилась около двух часов — срок весьма небольшой для того, чтобы машина могла приехать в город издалека, принять пассажиров и снова исчезнуть.

Придя к такому выводу, полковник сконцентрировал почти всю тяжесть поисков, главным образом, в районе шоссе и ближайших к нему селений. Особое внимание он обратил на телефонные центры, откуда шофер легковой машины мог бы получить приказ сразу же выехать в город. Но вопреки самым старательным

поискам, его люди не смогли открыть ни малейшего следа от исчезнувшей машины — ничего, что показало бы им, что они идут по верному пути. Никто не видел автомобиля, никто не слышал ничего сомнительного. Никаких следов автомобильных шин на мягких проселочных дорогах не было, чтобы поощрить их поиски. Преследование диверсантов как будто стало совсем безнадежным, но полковник Филиппов, верный своему твердому и терпеливому характеру, ни на мгновение не отчаялся, ни на мгновение его вера в удачный исход дела не пошатнулась.

В тупик зашло и следствие по делу пойманного в букинистическом магазине шпиона. Он не отрицал своей вины. Еще во время первого допроса он рассказал все, что знал, но этого было немного. Часто в букинистический магазин какой-то незнакомый человек приносил книги, в переплете которых были спрятаны шифрованные сведения. Продавец должен был передавать их Тороманову, имени которого он даже не знал, а Тороманов, со своей стороны, должен был — как предполагал полковник — носить их на квартиру инженера. Там, по всей вероятности, их передавали по радио вражеской централи. Продавец не знал ни о нелегальной квартире, ни о легковой машине, ни о будущих намерениях диверсантов.

Так в бесплодных поисках прошло пять дней.

В эти пять дней и ребята не чувствовали себя хорошо. Преследование окончилось, но обычные игры уже совсем не удовлетворяли их. Одно дело строить остроумные планы, разгадывать трудные загадки, следить за опасными преступниками, и совсем другое — сидеть на каком-нибудь мусорном ящике и сбивать мнимые вражеские самолеты. Мальчики почти не играли — они собирались в сквере или в дворницкой Кости и проводили время в разговорах. Но о чем бы они не говорили, о чем бы ни заходил их разговор, в конце концов они неизбежно приходили к тому, что пережили так недавно. Они вспоминали различные эпизоды, объясняли себе различные случаи, которые тогда казались им необъяснимыми, и тайно тосковали, что все уже кончилось.

Когда разговоры исчерпывались, они ходили на далекие прогулки — то ли в парк, то ли на реку. Эти прогулки были как будто веселее, но и в самые веселые моменты Пешо чувствовал известную сдержанность в поведении своих товарищей. Он становился все более нервным и мрачным, часто беспричинно вспыхивал, но никогда не заговаривал о своей большой вине. Глубоко в себе он был уверен, что даже если и имеет какую-нибудь вину, он многократно искупил ее своим твердым, мужественным поведением, когда был у диверсантов. Сам полковник Филиппов, к которому Пешо очень привязался, держался с ним, как с большим парнем, открыто восхищался его героизмом, хвалил его перед товарищами и ни одним словом, ни одним жестом не укорил его за преждевременный поступок.

Однажды мальчики возвращались из парка. Вечерело, вдали на западе пылало огненно-красное небо, но между деревьев уже спустились синеватые сумерки, спокойные и чистые, как закат. Кое-где в аллеях мелькали люди, старики сидели на скамьях, подперевшись на свои деревянные палки, по дорожкам бегали дети, и в воздухе звенели их нежные голоса. Постепенно большая группа распалась. Даже Юлия, постоянно вертевшаяся около Пешо, пошла вперед с Чарли, что-то оживленно и весело рассказывая ему. Последними шли Пешо, Веселин и Костя — «вечная троица», как их называли в школе, командирская тройка всей компании. Они шли молча и медленно, что раньше случалось редко. Вообще за последнее время в их разговоры стали прокрадываться необычайные паузы, в них чувствовалось что-то недосказанное, в их отношениях как будто не хватало прежней сердечности.

Первым и как-то внезапно начал откровенный разговор Пешо. Он посмотрел на своих друзей исподлобья, покраснел и резко спросил:

— Вы кажется что-то. . . сердитесь на меня?

— Сердимся? — Веселин смущенно посмотрел на него, застигнутый врасплох внезапным вопросом. — За что на тебя сердиться?

— Откуда я знаю? Вам лучше знать!

— Тебе так кажется, — ответил Веселин и уставился в землю.

Настало неловкое молчание.

— Вы чего-то дуетесь на меня. . . — сказал Пешо с настоящей, глубокой горечью в голосе. — Будто я так уж виноват. А если и виноват, почему вы не скажете?

Костя, до сих пор молча шлепавший босыми ногами в пыли, внезапно остановился и посмотрел на него. В его зеленоватых умных глазах притаилась какая-то необыкновенная для его возраста, немальчишеская серьезность.

— Может ты и виноват! — сказал он резко.

— Говори, ну, говори! Выкладывай все! — подтолкнул его Пешо, криво усмехаясь.

— А ты думаешь не скажу! Если хочешь знать, все ребята считают тебя виноватым, все до одного!

— Это за то, что меня жгли электричеством? — спросил язвительно Пешо. — За то, что я ничего не выдал?

Суровость во взгляде Кости внезапно исчезла, лицо его смягчилось.

— С тобой невозможно говорить! — сказал он с горечью. — Ты все не туда гнешь.

— Хорошо, не буду! — дрогнул Пешо, и в его голосе прозвучали чуть ли не умоляющие нотки. — Скажи, в чем я виноват?

— Ты хорошо знаешь, в чем ты виноват! — вмешался Веселин, все еще не отрывая глаз от земли. — Диверсанты убежали? Убежали! Если бы ты не пошел туда ночью, они бы не удрали, полковник поймал бы их там, как зайцев!

Пешо не ответил. В чужих устах вина ему показалась снова такой убедительной, что действительно ответить было трудно.

— Да разве я хотел, чтобы так получилось? — ответил он совсем тихо. — Я сделал это, чтобы лучше было, чтобы мы не попали впросак! Разве я мог допустить, что кто-то будет стоять за дверью?

— Но ведь мы приняли решение? — продолжил

Веселин. — Ты почему его не выполнил? Почему все сделал, как тебе вздумалось?

Пешо замолчал. В это мгновение ему горячо хотелось признать свою вину, но что-то останавливало его — что-то неприятное и чужое.

— Хорошо, скажем, что это так! — ответил он со вздохом. — Верно, это так. А вы, если вы мне друзья, почему не сказали этого сразу, а столько времени молчали и дулись!

Мальчики смущенно посмотрели на своего товарища.

— Ну, почему? — настаивал Пешо.

— Виноватый должен начинать первым! — сказал хмуро Костя.

— Должен, но я не начал! А вы почему притаились? Это по-товарищески?

Веселин вздохнул.

— В том-то и дело, что сначала мы не сердились на тебя! — сказал он, колеблясь. — Когда ты спасся, мы все обрадовались и забыли плохое! Ты так хорошо держался с диверсантами, что плохое тогда даже и в голову нам не приходило!

Веселин смущенно почесал кончик носа и продолжил:

— Хорошо, а потом что стало? Диверсанты бежали. Теперь нас злость разбирает и нам тяжело! Вот в чем все дело!

— Полковник поймает диверсантов! — ответил Пешо так уверенно, что его друзья молча взглянули на него. — Это ясно, как дважды два — четыре! Вы не знаете, что за человек полковник!

— Эх, когда он поймает их, нам полегчает! — сказал со вздохом Костя. — А тебе пусть это будет уроком!

Пешо сам понимал, что такой горький урок никогда не забывается. Действительно, если бы он послушал своих друзей, сейчас на его плечах не лежала бы такая тяжелая ответственность. Он на самом деле глубоко верил, что диверсанты будут открыты, но сейчас впервые ясно почувствовал — ошибка остается ошибкой! Решение, принятое всеми, должно было быть для него обязательным.

— И для меня это урок, и для всех, — ответил Пешо, покраснев. — И это ясно, как дважды два — четыре!

После того, как эти долго сдерживаемые слова были сказаны, туман между приятелями рассеялся. Это произошло как-то незаметно, но когда ребята вернулись на свою улицу, они были гораздо веселее, чем когда уходили в парк. Между ними восстановились старые товарищеские отношения, сейчас и смех их был искреннее, и улыбки сердечнее. Впервые за столько дней они почувствовали необыкновенную легкость в своих сердцах.

Когда они подошли к дому Пешо, специалист по машинам Чарли первым заметил большую черную машину.

— Смотрите! — воскликнул он удивленно. — Машина полковника!

По всей компании прошла дрожь возбуждения. Уж не случилось ли чего? Не диверсантов ли поймали?

— Наверное, полковник у вас! — предположил Веселин. — Иначе зачем же машина будет ждать здесь?

Первой мыслью Пешо было ринуться вверх по лестнице, но он подавил свое нетерпение и, обернувшись к ребятам, спокойно сказал:

— Вы ждите в сквере! Если есть что-нибудь интересное, я сразу же спущусь и скажу вам!

Потом не торопясь он стал подыматься по лестнице.

Действительно, полковник Филиппов был у отца Пешо. Он приехал около часа тому назад, но все еще терпеливо ждал. В этот вечер ему было необходимо поговорить еще раз с Пешо и его друзьями.

Ожидание не было досадным — поговорить с отцом Пешо было о чем. Сначала речь зашла о прошлом — общие приятели, общие воспоминания, потом разговор незаметно перебросился на мальчиков. Полковник Филиппов еще раз высказал свое восхищение перед остроумным способом, которым мальчишки разрешили все загадки, перед их находчивостью и изобретательностью

во время слежки за Тороманову, перед их острым умом и трезвыми решениями и, особенно, перед храбростью, которую они проявили в последние дни.

— Мы не знаем наших детей! — сказал задумчиво Андреев. — Нам кажется, что они прозрачны, как стекло, а они постоянно удивляют нас.

— Это потому, что для нас очи всегда остаются детьми, — ответил полковник. — А они уже не дети, они разумные ребята.

— Да, верно! — с неожиданной для их разговора горячностью сказал Андреев. — И скажу тебе откровенно, именно из-за этого я не сержусь на сына.

— А почему же ты должен на него сердиться? — удивился полковник. — Только этого не хватало, чтобы ты на него сердился!

— Ну! Как это не за что! Да, скажем, хотя бы за этот его довольно глупый поступок — пойти ночью к диверсантам.

— Ты не прав! — погрозил ему пальцам полковник.

— Подожди, я ведь сказал, что не сержусь на него!

— Об этом и речи не может быть! В конце концов они все же мальчишки и того, что они сделали до сих пор, больше, чем достаточно!

— А разве не из-за него диверсанты удрали?

— Это уже совсем другой вопрос! Да и диверсанты все еще не удрали!

— А вот я иду еще дальше, — сказал горячо Андреев. — Пусть даже они и убегут! Ничего, я не буду на него сердиться! Для нас диверсанты не бог знает какая проблема, а если и проблема, то временная, завтра ее уже не будет! Но для нас существует другая, острая и жизненно важная проблема — воспитать настоящих, достойных граждан республики. . . А это я понимаю так: воспитать смелую и сильную молодежь, самостоятельных и храбрых людей! Чтобы они звенели самой чистой сталью, чтобы мы гордились ими! Чтобы у них было свое лицо, своя голова на плечах, своя физиономия! Вот чего мне хочется! Откровенно говоря, мне совсем не нравятся такие препарированные педагоги, которые превращают послушание в покорность и насаждают в детях дух подчинения, рабами которого

сами они являются десятилетиями! Что же может получиться из таких детей?!

— Черт возьми, ты прав! — сказал полковник. — Я не думал по этим вопросам, но мне кажется — ты прав!

Андреев замолчал.

— Конечно это не все! — сказал он потом, уже более спокойным тоном. — В смелости должен быть и разум, иначе мы все вернем назад. . . Необходима сознательная дисциплина. . . И вот в этом-то мой сын серьезно провинился. . .

Точно в этот момент в комнату вошел Пешо. При виде полковника, лицо его засияло.

— Вы их поймали, товарищ полковник? — спросил Пешо радостно.

Полковник покачал головой.

— Все еще нет, мой мальчик! Но поймаем!

И подумав мгновение, прибавил:

— Если вы поможете нам еще немного, непременно поймаем!

Пешо весь вспыхнул. Что может быть лучше — они опять включатся в работу, всеми силами постараются помочь!

— А как мы вам можем помочь, товарищ полковник? — спросил он возбужденно.

Полковник Филиппов снова задумался.

— Если вы вспомните все, абсолютно все, что случилось между вами и Торомановым. Вы, конечно, рассказали нам многое и исключительно помогли, но данные оказались недостаточными. Бандиты словно сквозь землю провалились, мы не можем открыть никакого следа. Я хочу, чтобы вы снова припомнили все, все обдумали, даже самую мельчайшую, незначительную подробность! Может получится так, что какая-нибудь мелочь, на которую до сих пор мы не обращали никакого внимания, наведет нас хотя бы на краешек верного следа. . . Ты понимаешь, что я хочу сказать?

— Понимаю, товарищ полковник! — ответил Пешо немного разочарованно.

Он ожидал, что дело будет серьезнее — они будут за кем-то следить, ездить куда-нибудь на мощных ма-

шинах Министерства. . . Полковник Филиппов словно почувствовал, что происходит в душе мальчика, и поторопился сказать:

— А когда мы нападем на верный след, снова обратимся к вам за помощью. Важно получить сейчас хоть какой-нибудь намек, хотя и совсем незначительный, чтобы ухватиться за что-нибудь. . . Сейчас мы буквально действуем с завязанными глазами. . .

— Товарищ начальник, ребята ждут внизу! — сказал Пешо.

— Ждут?

— Мы когда увидели машину, подумали, что случилось что-то важное!

— Молодцы! От вас ничего не может укрыться! — засмеялся полковник Филиппов. — Хорошо, иди и поговори с ними. . . Пусть сегодня вечером все снова подумают, а завтра в полдень трое из вас придут ко мне поговорить.

— Сию минуту, товарищ полковник! — ответил Пешо кратко, почти по-солдатски, и поспешил к выходу.

— Я надеюсь на них, — сказал полковник Филиппов, когда они остались одни. — И как будто именно на них я больше всего надеюсь. . . Я убедился, что мальчишки видят то, к чему взрослые иногда слепы.

На следующий день в полдень Пешо, Веселин и Чарли вошли в кабинет полковника. Мальчики были серьезны, лица их имели деловое выражение, и полковник Филиппов сразу же понял, что их разговор не будет напрасным. Все трое ребят уселись в удобные кресла, вытащили листы бумаги, потом Пешо спросил:

— Можно начинать, товарищ полковник?

— Я весь — внимание! — сказал полковник Филиппов вполне искренне.

Пешо начал свой доклад, другие в это время коечто дополняли или уточняли. Когда через полчаса все было окончено, когда было высказано все, лицо полковника выглядело оживленным, в его глазах появился радостный блеск.

— Вы просто чудесные ребята! — сказал он с хищением.

— Есть что-нибудь важное? — спросил с надеж... Пешо.

— Конечно! Во-первых, по вашему описанию вид... что машина не «Шевроле», а наверное, «Бюик». . .

— Да я видел ее марку. . . — сказал смущенно Чарли.

— Где?

— На крышке заднего колеса!

— Ну вот, крышка была, вероятно, просто-напросто сменена. . . Это во-первых, а во-вторых, очень важна эта примета на правом заднем крыле. Если бы мы знали раньше эту подробность. . .

— А сейчас разве поздно?

— Нет, не поздно. . . Кроме того, для меня очень важен случай с ходатайством в рудники. . . Почему Тороманов накануне таких важных событий хотел, чтобы его назначили на работу в рудники?

— И мы думали об этом! — сказал Пешо.

— Вот вам и след, который мы не должны упускать! Директор рудников мой близкий знакомый, он нам поможет в поисках! Достаточно только еще сегодня позвонить ему.

Полковник Филиппов поговорил с мальчиками еще с четверть часа и потом проводил их до большой лестницы.

— Итак, сегодня вечером будьте дома! — сказал он при расставании. — Может быть, кто-нибудь из вас мне потребуется!

— Будьте спокойны, товарищ полковник! — ответил за всех Пешо.

Мальчики стали спускаться по лестнице с поднятым самочувствием. Наконец и они были необходимы, снова прибегали к их помощи, они снова примут активное участие в поисках диверсантов.

На следующий день ровно в 20 ч. 20 минут на станцию Хвойна прибыл с довольно большим опозданием регулярный пассажирский поезд. Уже стемнело, вокруг старых вязов около станции, слабо вспыхивая, летали светлячки, в ветвях тихо посвистывали ночные птицы. С запада уже шел мрак и гасил последние светлые тона неба. Станция была тихой, темной и глухой — как и все маленькие провинциальные вокзальчики, — и так как вблизи не было никакого большего селения, она была почти безлюдной. Начальник станции с бледным газовым фонарем в руках был единственным встречающим поезд.

Большой черный паровоз остановился, пыхтя, окутываясь белым паром. Из вагонов вышло несколько пассажиров, большинство из них рабочие рудников, и еще одна пара, которую начальник станции заметил сразу же. Это были довольно хорошо одетый штатский мужчина средних лет и мальчик в коротких штанах — вероятно, отец и сын и, вероятно, те самые гости, которых ожидает машина главного директора. Только пять минут тому назад шофер директора приходил спросить, на сколько опаздывает поезд и, сердито ворча, снова влез в машину.

Путники были налегке, только мужчина держал в руках небольшой хороший кожаный чемодан. Мальчик оглянулся, словно ожидая кого-то увидеть, и удивленно сказал:

— Кажется никакого шофера нет!

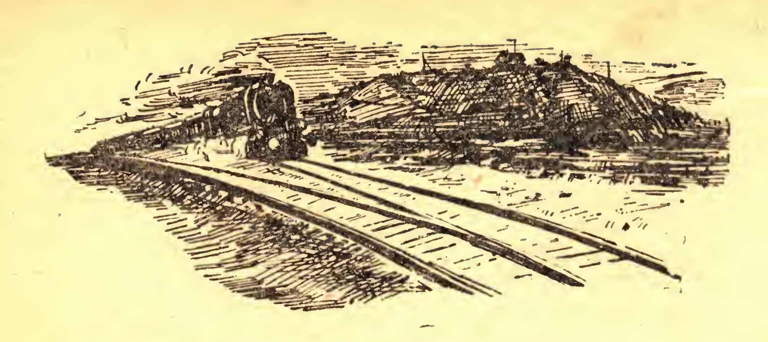
— Не может быть! — ответил убежденно мужчина. — Наверное, он ждет нас у машины!

Начальник станции слышал только последние слова и, хотя вмешиваться в чужой разговор было не совсем прилично, добродушно сказал:

— Машина директора на шоссе, товарищ инженер. . . Давно ждет. . .

— Спасибо, — кивнул мужчина. — Как можно пройти туда?

— Через зал ожидания. . .



Мужчина и мальчик пошли туда. Не трудно догадаться, что это были полковник Филиппов и Пешо. Точно так было уговорено с директором рудников — приехать сюда как инженер со своим сыном, а машина директора подвезет их до самих рудников, находящихся километрах в пятнадцати от станции, у подножья гор. Выйдя из зала ожидания, они увидели вдали светлые электрические гроздья, все еще неясные, трепещущие во мраке, неожиданные и удивительные для окружающей их пустоши. Это были рудники и рабочие поселки возле них. Огни, казалось, висят в воздухе, так как гора стала совсем невидимой во мраке.

— Вот и машина! — сказал обрадованно Пешо.

Действительно, машина ждала их на маленькой площади за станцией, темная и едва заметная во мраке. Они направились к ней — впереди Пешо, а в двух шагах от него полковник с чемоданом в руках. Когда они подошли совсем близко, Пешо пораженно остановился, сердце его сильно забилось.

Может быть, он обманывается? Может быть, он заблуждается?

Перед ним стояла машина бандитов. Он узнал ее сразу же, узнал ее силуэт, ремонтированное крыло, а еще с большей ясностью и уверенностью, чем машину, он узнал шофера — худого, молчаливого, с подстриженными усиками. Услышав шаги, шофер повернулся и посмотрел на них. Его мрачные, чуть поблескивающие глаза испытующе остановились на инженере.

Если бы гром ударил среди ясного неба, Пешо не удивился бы так сильно. Он стоял, как парализованный,

не смея сделать ни шагу вперед. Верить ли своим глазам? Что делает здесь на далекой одинокой станции машина диверсантов? Настоящим счастьем было, что шофер не смотрел на него, а не отрывал своих темных мрачных глаз от полковника.

— Вы инженер Тошев? — спросил шофер спокойным, но немного хриплым голосом.

— Я. . . Бай Стефан нас ждет?

— Он в дирекции! — ответил равнодушно шофер. — Ваша квартира будет там!

— Мы немного запоздали, — сказал полковник. — Каждый день так бывает?

— Конечно. . . Я знал, что не нужно приезжать так рано. . .

Не вставая со своего места, шофер открыл дверцу машины. Первым сел полковник, потом Пешо. Они еще не успели удобно усесться, как машина внезапно тронулась — слишком торопливо и нервно, как показалось Пешо. Его первой мыслью было сообщить полковнику о своем поразительном открытии. Но как? Вслух это было невозможно, шофер мог их услышать. Кроме того, зеркальце над рулем было установлено так, что он, наверное видел всю внутренность машины. Даже Пешо, продолжавший сидеть на своем месте, как будто прирос к нему, видел время от времени в зеркальце холодный испытующий взгляд шофера, который продолжал незаметно следить за полковником. Шоссе, по которому они ехали, было новым, однако довольно разбитым, машину подбрасывало, но она не уменьшала скорости. По неровной поверхности шоссе двумя светлыми дорожками бежал свет фар, кое-где мелькали одинокие деревья, камни, побеленные известкой, маленькие мостики. Местность была совсем пустынна, на шоссе не было никакого движения.

Внезапно в машине вспыхнул свет. Его зажег полковник.

— Ну-ка посмотрим, — сказал он шутливо, — что мы за люди!

— Истощится аккумулятор! — отозвался шофер сдержанно. — И так он слаб!

Пешо почувствовал, как полковник осторожно толк-

нул его в ногу, и посмотрел вниз. Полковник держал в руке папиросную коробку, повернутую белой стороной. На ней неровными, кривыми буквами было написано:

«*Машина и шофер бандитов?*»

Свет погас.

— Да, — чуть слышно прошептал Пешо во мраке.

Полковник легко потрепал Пешо по колену, словно хотел сказать: «Спокойно! Нет ничего страшного! Спокойно, я знаю все и все понимаю!» Пешо с облегченным сердцем облокотился назад, волна радости залила его грудь. Как догадался полковник? Как он мог понять то, что было таким чудным и необыкновенным, чего ни один нормальный человек не мог бы ожидать? Он осторожно повернулся и посмотрел на него. Полковник Филиппов смотрел перед собой с невозмутимым лицом, но что-то в его позе говорило о тревожной напряженности. Пешо снова замер. Что будет? Не произойдет ли что-нибудь здесь в машине?

Полковник Филиппов был действительно серьезно встревожен, но не за себя, а за мальчика. Да, он догадался, действительно догадался! Перед отъездом из Софии у него зародилось неясное и непонятное еще подозрение — не найдут ли они в районе рудников машину бандитов? При повторной справке оказалось, что одной из машин, въехавших в Софию в ту памятную ночь, была именно машина рудников и именно марки «Бюик». Этот факт, который мог быть совсем случайным, в сопоставлении с интересом Тороманова к рудникам, уже зарождал известное подозрение. Полковник не верил в него серьезно, но все же взял Пешо с собой, чтобы тот мог узнать в случае необходимости машину или шофера.

И сейчас полковник горько сожалел о том, что не предупредил во время мальчика о возможной встрече. Он ясно заметил, как смутился Пешо, почувствовал его изумление, видел, как тот быстро и тревожно осмотрел всю машину. Описание шофера, данное мальчиками, совпадало с видом мужчины, который был перед ним. В следующую очередь нужно было посмотреть

крыло. На нем была видна та примета, о которой его уже предупредили. Усевшись в машину, полковник стал лихорадочно думать, как спросить Пешо, как проверить? В темноте он написал краткую фразу, ловко сыграл номер с лампочкой. Ясно! Сейчас все ясно!

Но почти сразу же мысли полковника приняли другое направление. Понял ли шофер, кого он везет? Это было вполне возможно. Личность полковника не была секретной, он ходил по городу в своей форме, и все, которые хотели, могли его знать. Разве он, будучи нелегальным деятелем партии, не знал всех начальников политической полиции и около двух дюжин полицейских агентов? Разве они не были известны и его товарищам? Сейчас было также вполне вероятно, что шофер-диверсант знает его. Полковник Филиппов почувствовал в его поведении какую-то растерянность и удивление, он почувствовал в его взгляде что-то особенное, что его смущало и говорило об опасности.

И еще один вопрос интересовал полковника — вооружен ли шофер? Если он вооружен, в чем полковник был почти уверен, положение еще более усложнялось. Значит, шофер вооружен и знает кого везет. Он понимает, что над ним и его соучастниками висит смертельная опасность. С другой стороны, шофер убежден, что сам он неизвестен, что никто и не подозревает, какую машину он ведет. Шофер не знает и не может знать, что Пешо видел его уже и узнал его. А если внезапно ему придет в голову отделаться от своих опасных спутников? Он вероятно убежден, что застанет их врасплох и инициатива будет полностью в его руках. Пустое, темное и безлюдное шоссе вполне поощряло такие действия.

Полковник незаметно переложил револьвер из заднего кармана в карман пиджака, внимательно продолжая наблюдать за шофером. Вскоре ему показалось, что шофер тоже делает какие-то едва уловимые движения, похожие на те, которые сам он только что проделал. Действительно, если у него есть револьвер, он вынул его из заднего кармана брюк и теперь он лежит в кармане его пиджака.

Машина продолжала мчаться по шоссе. Уже совсем стемнело, поле с обеих сторон словно исчезло. Мотор мощного автомобиля продолжал спокойно работать, время от времени вспыхивала и снова гасла сигнальная лампочка. Но вопреки тишине и кажущемуся спокойствию, полковник ясно сознавал смертельную опасность. Сейчас он горько сожалел, что взял мальчика с собой, иначе мог был легко положить конец тягостному положению.

Все же полковнику Филиппову одно было ясно — шофер не может повернуться и стрелять, пока машина в таком быстром движении. Это бы означало потерю контроля над рулем и привело бы к катастрофе. Значит, нужно смотреть в оба.

Машина вошла в редкую дубовую рощу, свет фар зашарил по стволам и ветвям.

Внезапно мотор стал работать прерывисто.

— В чем дело? — спросил полковник.

— Какое-то повреждение, товарищ инженер, — так же спокойно ответил шофер.

«Значит, сейчас!»

Полковник Филиппов упер дуло револьвера в худой затылок шофера и сказал ледяным голосом:

— Ни с места, стрелять буду!

Шофер так и застыл. Его положение сейчас было совсем невыгодным, он не мог пошевельнуться, а тем более повернуться назад и стрелять.

— Останови машину! — тем же ледяным тоном приказал полковник.

Шофер нажал на тормоз, машина остановилась на темном, безлюдном шоссе. Только фары, которые все еще горели, освещали кусочек густой рощи.

— Руки вверх!

Шофер медленно, неохотно поднял руки.

— Выше! Стоит тебе шевельнуться, и я буду стрелять!

Шофер застыл в неудобной позе. На мгновение полковник увидел в зеркале его мертвенно-бледное отчаянное лицо.

— Пешо! — обратился он к мальчику. — Выйди из машины, не закрывая дверцы. Иди к шоферу и из

правого кармана пиджака вытащи револьвер! Осторожнее, не нажми на курок!

Пешо, наблюдавший с немым восторгом за разыгравшейся сценой, ловко выскочил из машины и влез к шоферу. Еще только засунув руку в его карман, он почувствовал холодное дуло револьвера.

— Дай мне оружие! — сказал полковник и на этот раз улыбнулся. — Так, очень хорошо!

Теперь в руках полковника Филиппова было два револьвера. Он приказал шоферу вылезть на дорогу и снова попросил Пешо внимательно обыскать его. Другого оружия у него не оказалось.

— Садись за руль! — приказал полковник. — Пешо, садись и ты!

Шофер молча уселся на старое место.

— А сейчас слушай, приятель, что я тебе прикажу, — начал полковник совсем спокойно, более смягченным тоном. — Во-первых, включишь мотор и продолжишь езду! Во-вторых — не будешь увеличивать скорость больше двадцати километров в час. В третьих — никуда не будешь сворачивать! В четвертых — остановишься перед дирекцией, возьмешь мой чемодан и будешь идти в двух шагах передо мной до кабинета директора. Все выполнишь так, словно здесь между нами ничего и не произошло! Если попытаешься сделать что-нибудь другое, кроме того, что я тебе приказал, пеняй на себя, нянчиться с тобой я больше не буду! Ясно?

— Ясно! — ответил упавшим голосом шофер.

— Ну, поехали!

Машина медленно тронулась, на сей раз со скоростью телеги. Чтобы избежать какой-либо неожиданности, полковник зажег лампочку. Некоторое время все ехали молча, потом полковник спросил:

— Ты меня знаешь? Ты знаешь, кто я?

— Не знаю, — сказал шофер глухо.

— Врешь, ты хорошо знаешь меня. . . Я полковник Филиппов. . . Моя фамилия тебе известна?

— Я вас не знаю, — снова после краткого молчания ответил шофер.

— На лжи далеко не уедешь, — сказал полковник

строго. — Почему ты вынул револьвер из заднего кармана и переместил его в карман пиджака?

— Он был в кармане пиджака. . .

— Ко всему прочему ты хочешь сделать меня слепым! Ну, хорошо, зачем же порядочному шоферу держать заряженный револьвер в кармане пиджака, сняв предохранитель?

— Дороги здесь опасные! — ответил глухо шофер.

— Верно что опасные, — усмехнулся полковник Филиппов. — Иногда и на таких затерянных шоссе прогуливаются офицеры Государственной безопасности.

Шофер ничего не ответил.

— Твоя ложь не отличается большой оригинальностью, — сказал полковник. — Ты врешь самым глупейшим образом.

— Я не вру и ничего не знаю, — ответил шофер.

— Вот видишь, — на воре шапка горит! Ты все знаешь и все скажешь! Конечно, все пойдет в твою пользу! Это облегчит твою судьбу! В конце концов над твоей головой не висит такой приговор, как над головой Владо Попова, например, или Петра Заякова! Пока мы приедем, ты подумай хорошенько!

Полковник ясно видел в зеркальце, как шофер вздрогнул, как его глаза слегка расширились. И только через минуту он едва не пожалел, что начал этот разговор. На шоссе им навстречу показалась машина с сильными фарами. Они начали сигналить друг другу светом. Неприятная дрожь прошла по телу полковника. А если шофер ударит машину в грузовик? При такой страшной опасности для него это будет все же каким-то выходом — или смерть всем, или, если он останется в живых — спасение! Фары все приближались, полковнику казалось, что машины ударятся друг в друга. Ему хотелось закричать: «Внимание!» — но он сжал губы. Зачем самому подсказывать?

Однако, шофер был далек от подобной мысли. Подавленный неожиданным ходом событий, все еще ошеломленный и смертельно испуганный, он благополучно привел машину к большому освещенному электричеством зданию дирекции. Как ему было приказано, шофер вышел из машины, взял чемодан полковника и,

не оглядываясь, стал подыматься по лестнице с убитым видом. Полковник Филиппов, ни на секунду не спускавший с него глаз, уже предчувствовал, нет, знал, что шофер будет говорить. Вместе с Пешо они прошли по внутренней лестнице и когда поднялись на второй этаж, шофер остановился перед большой белой дверью с надписью «Главный директор».

— Здесь! — сказал он глухо.

— Хорошо! Постучи и войди!

Шофер покорно выполнил приказ. Войдя в большой, удобно меблированный кабинет, полковник сразу же увидел всех, кто был внутри. За столом сидел с утомленным и рассеянным лицом директор рудников Стефан Бобев, а в стороне, в одном из кресел, в штатской одежде сидел начальник охраны рудников лейтенант Наумов. Увидев своего гостя, директор улыбнулся и встал, но лейтенант, который был уведомлен о том, что полковник Филиппов приедет инкогнито, даже не тронулся с места.

— Наумов! — сказал полковник. — У тебя есть наручники?

Офицер вздрогнул:

— Имеются, товарищ. . . — он проглотил слово «полковник».

— Хорошо, Наумов, надень их на этого вашего приятеля. . . Ему, наверное, будет так удобнее, да и мы будем чувствовать себя спокойнее.

На мгновение полковник получил удовольствие увидеть изумленные лица мужчин в комнате.

— Ну, живее, живее!

Шофер, уже совсем сломленный и лишенный какой бы то ни было надежды, покорно протянул свои руки.

Вскоре начался допрос.

— Слушай внимательно! — сказал полковник. — Я знаю, что группа диверсантов, скрывающаяся в квартире инженера Дончева, сейчас находится здесь, в рудничном поселке или где-нибудь поблизости. Я знаю, что 26 ночью ты вывез их из квартиры инженера и на следующий день привез их сюда на служебной машине.

Сейчас меня прежде всего интересует, — где они скрываются? Где их квартира! Ты это знаешь, и я хочу услышать это от тебя!

На мгновение на лице шофера появилось колебание, он молчал.

— Я жду! — твердо повторил полковник Филиппов.

— Господин полковник, вы... вы должны мне обещать, вы должны дать мне честное слово, что это... облегчит мою судьбу...

— Я не суд и лично не могу обещать тебе ничего, — сказал строго полковник. — Но признание облегчить твою участь, это само собой разумеется. Мы не звери, как вы, злоба и месть нам чужды... Для нас важно не иметь врагов, которые подрывают мирную жизнь нашей страны. Если ты дашь основания считать, что исправишься, наш суд даст тебе полную возможность жить, искупить свою вину и стать новым человеком... Когда-нибудь ты снова станешь свободным и вся эта жизнь, которую ты вел до сих пор, покажется тебе тяжелым и страшным кошмаром! Когда-нибудь ты будешь стыдиться, что так упорно старался вредить своей родине.

Шофер молчал.

— Хорошо, я буду говорить! — сказал он внезапно и лицо его потемнело от прилива крови. — Я скажу все, что знаю... И так игра проиграна, нет смысла пропадать из-за провалившегося дела...

— Где они скрываются? — настаивал полковник.

— Здесь, в поселке... в квартире зубного врача.

— Зубного врача? — воскликнул директор. — Этого не может быть!

Шофер посмотрел на него с затаенным презрением.

— Они у зубного врача, — повторил он вяло.

— Все пятеро, или Торомановы остались в Софии?

— Только трое... Вы знаете фамилии двоих, а третий и мне неизвестен... Торомановы, конечно, остались в Софии, здесь бы они только мешали.

— Оружие у них есть?

— Да, у них есть автоматическое оружие и несколько гранат.

— А где взрывчатка?

Шофер снова слегка побледнел.

— Взрывчатка в складе № 8.

— Под землей? — воскликнул лейтенант Наумов и бессознательно вытер рукой выступивший на лбу пот.

Полковник Филиппов строго посмотрел на него:

— Прошу не прерывать! Кто охраняет взрывчатку?

— Никто ее не охраняет! Сама себя охраняет! — ответил шофер глухо. — Завхоз думает, что там хранятся запасные части компрессоров.

— С какой целью взрывчатка хранится там?

— Вы знаете с какой, — ответил шофер и облизал сухие губы.

— Я-то хорошо знаю, но и ты должен сказать.

— Группа должна была взорвать рудники. . .

— . . . С людьми. . .

— Да, с людьми. . .

— На какой день это было назначено?

— Точно не было установлено. . . Мы все еще искали возможность устроить одного или двух из группы в рудники, чтобы проникнуть внутрь, как рабочие. . . Но это оказалось необыкновенно трудным, просто. . . невозможным. . .

— Почему вы отказались от идеи, чтобы Тороманов проник в рудники как инженер?. .

Шофер смущенно посмотрел на полковника.

— Мы поняли, что его не примут. . . Здесь бдительность так усилена, что это просто невозможно. . .

— Оказалось, что не так уж сильна! — сказал полковник. — Раз вы внесли внутрь взрывчатку, значит что-то в бдительности хромает. . .

Лейтенант Наумов покраснел.

— Взрывчатка это одно, а люди совсем другое! — ответил шофер.

— Кто имеет право входить в контакт с группой, которая сейчас скрывается у зубного врача?

— Никто, кроме меня. . .

— А, может быть, каждый, кто знает пароль. . .

— Пароль знаю только я. . .

— А если вам перебросят помощников из-за границы?

— Это уже другое. . . Они должны его знать. . .

— Скажите его! Скажите перед всеми!

Лицо шофера снова потемнело от прилива крови, он едва не заикнулся от усилия, но пароль сказал.

— Так! — вздохнул полковник. — Сейчас ты можешь немного отдохнуть! Стефан, дай ему воды и папирос! Если хочет — дай ему немного коньяку. . .

— Коньяку? — переспросил директор.

— Да, немного, чтобы пришел в себя!

Полковник и лейтенант Наумов вышли из кабинета. Пешо, все время молча слушавший допрос, облегченно вздохнул. Не было уже никакого сомнения — на этот раз бандитам не вырваться. Вопреки пережитой опасности, вопреки тяжелому душному воздуху в кабинете директора, сейчас ему казалось, что ему дышится легче, чем когда бы то ни было. В это время директор рудников как-то неохотно и чуть ли не с отвращением выполнял распоряжения полковника Филиппова. Он налил воды в чистый стакан, принес коробку папирос высшего сорта, потом откуда-то вынул и бутылку коньяку. Шофер прежде всего набросился на папиросы, но наручники мешали ему зажечь спичку. Поморщившись, директор зажег ему папиросу.

— Здорово ты меня подвел, — сказал он мрачно. — Я к тебе с таким доверием, а ты пригрелся, как змей за пазухой. . .

— Лично вам я ничего плохого не сделал, — глухо пробормотал шофер. — Я благодарен вам за ваши заботы!

— Хороша благодарность, — вскипел внезапно директор. — Хороша благодарность — поднять в воздух рудники!

Шофер беспомощно опустил голову.

— Ничего не поделаешь, — вздохнул он. — Они держали меня в своих руках.

Пешо едва не выскочил из комнаты, так отвратительны были ему оправдания шофера. Скоро в кабинет снова вошел полковник Филиппов, но по его спокойному лицу нельзя было узнать, какие решения он принял и что собирается предпринять. Он опустился в кресло, немного помолчал, потом медленно заговорил:

— Мне уже ясна игра со смененными номерами машины. . . Только одного я не могу понять — по какой

причине вы выехали отсюда в Софию как раз вовремя, чтобы спасти их!

Шофер поднял голову.

— Так было условлено, — ответил он коротко.

— А откуда вы знали о том, что произойдут непредвиденные события?

— Конечно, не знал. . . Я выехал 26 вечером, под предлогом, что нужно зарядить аккумуляторы и сделать маленький ремонт. . . Предварительно было договорено, что я возьму их машиной следующей ночью, после того, как сутки пробуду в городе. . . По предварительному плану я должен был взять пятерых — группу из квартиры инженера плюс Тороманова и его жену. Также по предварительному плану я должен был сделать все, чтобы замести следы машины в случае, если заметят ее номер. . . Подъехав к Софии, а заменил номер машины фальшивым номером и так въехал в город. . . По плану я сразу же привел машину в Софийский гараж, где останавливались рудничные машины, и позвонил по телефону в квартиру инженера...

— Во сколько? — спросил полковник.

— Без четверти два. . .

— А потом?

— Из квартиры инженера я получил приказ — ровно в 2 ч 10 минут быть на одной из соседних улиц. . . Я понял по тону, что произошло что-то непредвиденное и был, конечно, готов ко всяким неожиданностям. . . В определенное время я явился на место и взял группу с багажем. . . Я получил приказ взять и Тороманових, что сразу же выполнил. . . Так со всеми пятерыми я приехал на мою городскую квартиру. . . Там я оставил всех. . .

— Где находится ваша квартира? — спросил полковник.

Шофер назвал улицу и номер дома.

— Потом?

— Потом-то и началась игра. . . Еще не было трех часов, когда я выехал из города через контрольный пункт, мой номер, конечно, был заботливо записан. Для милиции моя машина въехала в город около полуночи и немного позже выехала обратно по той же до-

роге. . . Внешне это выглядело так. . . А фактически я остановил машину вне города и снова заменил номер, на этот раз настоящим. . . Подождал, когда пройдет три часа и сменят постового, который мог бы запомнить меня или машину, и вернулся обратно. . .

Конечно, на контрольном посту снова записали номер машины!. . Что выходило изо всей этой операции?. . Машина с номером рудников проехала нормальное расстояние, прошла через все контрольные посты и въехала в город, не выезжая из него. . . Кроме того, вторая мнимая машина, которую возможно бы засекли, если бы следили за какой-нибудь из квартир, въехала в город и выехала из него в одну и ту же ночь... Нам было ясно, что эту машину будут искать где-то в окрестностях Софии, так как ее номер не был записан ни на каком другом контрольном посту. . .

— В какой гараж ты отвел машину? — спросил полковник.

— Снова в тот же гараж.

— Не заметили ли там твоих прогулок?

— Гараж этот маленький, только на несколько машин, а я знал, что в эту ночь он будет совсем пустым... Сторожу я сказал, что еду к себе на квартиру за одеждой, потому что на следующий день у меня не будет времени для разъездов. . . Как только рассвело, я поехал в ремонтную мастерскую, где мне сделали кое-какие поправки в электрической проводке и сменили аккумулятор. В пять часов дня я посадил группу из трех человек, и мы выехали из Софии. . . Конечно, внешне они сильно изменились. Мы предполагали, что мальчика уже нашли и он рассказал, как выглядят те, которые поймали его. . . Мы также знали, что если они допустят, что мы бежали на машине, они будут искать ее в ночь предполагаемого бегства, остановят свое внимание на всех машинах, которые выехали из города в ту ночь, и, наверное, их введет в заблуждение машина с фальшивым номером — единственная, которая может показаться им подозрительной. . . Таким образом, опасность для нас становилась минимальной. . . Действительно, по дороге к рудникам никто не остановил

нас и не устроил проверки — что мы за люди, куда едем. . . Как мне кажется, номер удался вполне. . .

— Удался! — согласился с горечью полковник. — Только не совсем! Почему вы оставили Тормановых в Софии, и где они скрываются?

— Было опасно взять всю исчезнувшую группу. . . Особенно опасной была женщина, с ее слишком броской внешностью. . .

— А где они сейчас?

— На моей квартире. . . Хозяевам я сказал, что это мои родственники из провинции, которые будут принимать минеральные ванны и останутся здесь всего на несколько дней. . .

— В общем, ты мастер лгать, — заключил полковник Филиппов и встал. — Плохо только, что у лжи ноги коротки! Всегда так было и всегда будет так!

Потом, обернувшись к Пешо, ласково прибавил:

— А нам с тобой, мой мальчик, в этот вечер предстоит еще одно маленькое дело. . . Ты должен увидеть и опознать твоих приятелей из квартиры инженера Дончева. . . Надеюсь, что скоро они будут там, где им место. . .

Благодаря тому, что шофер сказал пароль, диверсантская тройка была поймана без особого труда. Лейтенант Наумов и сержант из его подразделения, одетые в полутуристские костюмы, проникли в дом зубного врача и наставили дула револьверов на ошеломленных преступников. Немного позже Пешо пошел в арестантскую и установил, что это те же самые люди, которых он видел в квартире инженера Дончева. Вместе с диверсантами было захвачено в полной сохранности и их снаряжение, включая радиостанцию и шифр. В одном из рудничных складов, как и говорил шофер, была открыта взрывчатка.

Той же ночью в Софии были арестованы еще четыре члена диверсантской группы, среди них были и супруги Тормановы. Успел ускользнуть только инженер Дончев, который, узнав, что его квартира раскрыта, сумел перебраться через границу в Грецию.

Через два дня после больших арестов, полковник Филиппов приехал на машине к Пешо и сразу же собрал своих маленьких помощников. Пришли все, включая и Юлию. Полковник выглядел довольным, шутил с ребятами, а с Юлией держался так, словно она была самой важной среди всех. Вообще, настроение было повышенным и веселым, все приняли, как вполне заслуженный дар, кекс, который мать Пешо им приподнесла. В конце полковник положил руку на плечо Юлии и серьезно спросил:

— Вы знаете, почему я пришел к вам сегодня?

— Знаем! — почти в один голос ответили ребята.

— Да ну! А почему?

— Чтобы рассказать, зачем Тороманов бросил ключ в окно.

Полковник чуть глаза не вытаращил от удивления.

— Ну и хитрые же вы мальчишки! — воскликнул он с восхищением. — Правильно, узнали. Только тайна не ахти-какая, все выходит очень просто!

Полковник посмотрел на внимательные лица ребят и продолжил:

— В тот вечер в дом Торомановых вошли двое милиционеров, которые искали какую-то свою односельчанку. Девушка работала в этом доме домработницей, милиционеры знали на каком этаже, но забыли фамилию семьи. Ладно, они поднялись на нужный этаж и позвонили сначала Торомановым. . . Госпожа Тороманова посмотрела в глазок и, так как совесть у нее не была чиста, впала в панику. Она бросилась к мужу и напугала и его: «Милиция». . . Единственной уликой, которую имел у себя Тороманов, был ключ. . . Куда его спрятать? Конечно, при тщательном обыске все спрятанное можно найти. . . Он посмотрел в окно, на пустой двор и, так как в тот момент не заметил вас, спокойно бросил ключ во двор. Сразу же после этого он понял, что тревога была напрасной, пошел искать ключ и нашел вас. . . Дальше вы знаете историю лучше меня.

— А-а-а, не верно, товарищ полковник! — засмеялся Чарли. — Мы ничего не знаем о самих диверсантах! Скажите откуда они пришли, что хотели сделать!

Полковник Филиппов шутливо улыбнулся:

— Видите ли, это еще не разрешается! — сказал он. — Дело находится все еще под следствием, и я не имею права выдавать никаких тайн. . . Но скоро заговорят о нем, очень скоро! Тогда вам все станет ясным.

И действительно, мальчики узнали об этом, только когда в суде было рассмотрено дело группы шпионов и диверсантов. По признаниям и документам было установлено, что группа была подготовлена в американском лагере в Баварии и потом переброшена в Грецию. Здесь она была снабжена всем необходимым снаряжением, большой суммой в левах и долларах, радиопередатчиком последней модели и подробно инструктирована. Во время перехода границы завязалась перестрелка, двое из диверсантов были убиты, но остальные успели пробраться в Софию.

В Софии бандиты прежде всего установили связь с Тpromановым, который нашел им квартиру у инженера Дончева. Тороманов был обязан снабжать их продуктами и сведениями, которые они передавали заграничной централи с помощью передатчика. Сведения собирались шпионской сетью, которую полностью не смогли раскрыть.

В то же самое время группа диверсантов усиленно подготавливала выполнение основной задачи, для осуществления которой она была послана в Болгарию. Их прицельной точкой были рудники, в которых добывались ценные руды. Их целью было разрушить рудники и хотя бы временно приостановить производство. Сначала они завербовали шофера главного директора, которого бандиты держали в руках из-за его старых прегрешений перед революционным движением в стране. Все же оказалось, что его помощь будет недостаточной, так как у него не было доступа в рудники. Он сумел только скрыть взрывчатку в безопасном месте и подготовил переброску диверсантов в квартиру зубного врача. Тороманов делал большие усилия, чтобы проникнуть в рудники, как инженер, но все его попытки оказались напрасными. В конце концов он прекратил их сам, чтобы не возбудить каких-нибудь подозрений.

Тогда бандиты приняли новый вариант — проникнуть в рудники простыми рабочими или прорваться туда силой, чтобы взорвать основные узлы и оборудование, а потом на машине директора добраться до пограничной области. Первоначальный план предусматривал, чтобы в бегстве участвовали Торомановы, но события расстроили это бегство. Как уже известно, благодаря бдительности мальчиков, преступление было раскрыто накануне его осуществления.

Суд вынес преступникам заслуженное наказание.

СПУСТЯ НЕКОТОРОЕ ВРЕМЯ

Прошло несколько месяцев.

Каникулы окончились, белое здание школы как будто до самой крыши наполнилось веселым, радостным и взволнованным гомоном учеников. По тихим коридорам снова зазвенел старый школьный колокольчик в руках сгорбленного и как будто еще больше поседевшего «дядьки». В колбах и ретортах химического кабинета снова закипели удивительные смеси, загорелись ярким химическим светом газовые вспышки. На столах юных натуралистов появились препарированные жаворонки, пестрые саламандры, длинные злые змеи. В физическом кабинете было шумно и интересно — вертелись диски, блестели на солнце прозрачные кристаллы, заряжались электричеством лейденские банки. Перед детьми снова открылся чудесный и незнакомый мир природы, перед которым хорошие ученики приходили в восторг от интереса и любопытства, а ленивые, может быть, немного пугались его и беспокоились.

Так незаметно прошел сентябрь. Погода была приятной и теплой, неизменной шелковой мягкостью блестело осеннее небо. По нему все чаще стали мелькать черные точки перелетных птиц, из парков доносилось тревожное карканье, листья пожелтели и стали осыпаться. Повсюду, где была жизнь, властно установилась осень — мягкая, ароматная, необыкновенно богатая красками и полутонами и, может быть, чуть-чуть уны-

лая и грустная, потому что следом за ней должна была прийти холодная и суровая зима.

В начале октября в школе, где учились наши маленькие герои, был проведен пионерский сбор. Торжество состоялось в большом школьном зале. Сцена была богато украшена и задрапирована красными знаменами, а длинный стол был застлан новым полотном, словно нарочно купленным к торжеству. Старые бумажные гирлянды были заменены новыми, с рампы большой сцены свисали красивые ковры, которые дети видели впервые. В зале довольно сильно пахло дезинфекцией, но зато всюду было чисто, приятно, уютно. Кроме пионеров, здесь были все учителя, много родителей и довольно большая группа офицеров, в большинстве своем молодых, в малоизвестной пионерам форме. Подходил час открытия. Те, которые были сзади, подымались на цыпочки, чтобы увидеть героев торжества, но не видели ничего, кроме нескольких плешивых голов и какой-то зеленой дамской шляпки с пером, совсем одиноких в море красных пионерских галстуков и улыбающихся лиц пионеров и пионерок.

Героев не было! Их нельзя было видеть в зале!

В сущности, немногие знали, что они здесь в маленькой комнатке, которая находилась сзади сцены и служила гардеробной.

Их внешний вид не предвещал ничего хорошего — все они выглядели необычно побледневшими, смущенными и почти испуганными. Даже Пешо, умевший выглядеть хладнокровным и спокойным и в самых трудных положениях, сейчас словно потерял присутствие духа, стоял, притихнув, рядом с отцом и не отрывал глаз от эмалированной кокарды фуражки, которую полковник Филиппов небрежно оставил на одном из туалетных столиков. Костя с новым пионерским галстуком и в новых суконных брюках — ни длинных, ни коротких — сидел в углу, время от времени судорожно глотал и напрасно искал взглядом помощи от своих приятелей. Веселин, Бебо, Чарли и другие ребята — все сидели в комнатке, как на шипах, и ждали с замиранием сердца, когда им скажут: «Ну, выходите!»

Только Юлия выглядела спокойной и улыбающейся,

хотя и у нее была своя немалая забота. С раннего утра чрезмерно заботливая мама украсила ее волосы чересчур огромным синим бантом. Еще тогда Юлия почувствовала в этом украшении что-то ненормальное, она попыталась возразить, но все ее возражения были отвергнуты. Сейчас бант словно давил и жег ей голову. Все пионерки пришли на торжество в скромной пионерской форме, без бантов и украшений, и, кажется, именно так должно было быть, — дело действительно было серьезным и важным. Может быть, незаметно снять бант? Но ведь тогда останется торчать целая прядь нерасчесанных волос, а это смешно и совсем не соответствует торжеству.

Но почему они медлят? Скоро стало известно, что ждут важного человека из Министерства внутренних дел, того, который должен был произнести речь и раздать награды. Юлия узнала, что это будет заместитель министра. Она представила себе крупного мужчину в куртке, с седыми волосами и продолговатым серьезным лицом. Взгляд у него, конечно, будет немного суровым и проницательным, походка тяжелой, голос размеренным и важным. Ох, не легко будет с таким большим человеком! А если он почему-либо внезапно рассердится и начнеть задавать вопросы? Если строго и с укором посмотрит на ее бант? А если спросит ее, сколько ей лет? Соврать ему? О, нет, нет, ни в коем случае! Как может пионерка лгать, при том, в такой торжественный день! Чтобы набраться смелости, она посмотрела на своих друзей, но увидев какими смущенными и притихшими выглядят и они, тихо вздохнула. Полковник Филиппов, заметив этот вздох, улыбнулся и дружески подмигнул ей. У Юлии отлегло от сердца. Раз полковник Филиппов здесь, ничего страшного нет, он такой добрый и верный друг, что на него можно всегда, ну совсем всегда и во всех случаях рассчитывать.

Вскоре в коридорчике послышались быстрые шаги, дверь отворилась и в дверях показалась поседевшая голова «дядьки».

— Заместитель министра прибыл, — заявил он торжественно.

Юлия выпрямилась и стала ждать, затаив дыхание, внешне совсем спокойная. Однако казалось, что взрослые люди в комнате совсем не встревожены. Они даже не встали со своих мест. Дверь снова открылась и в комнатку вошло трое человек. Первый из них, которому двое других вежливо дали дорогу, был молодым человеком, небольшого роста, с смеющимися глазами и шутливой улыбкой. На нем был обыкновенный серый костюм, в руках он держал такую же серую фуражку, из кармана пиджака торчала заботливо сложенная газета. Полковник Филиппов встал первым и поздоровался с гостем.

— Вы немного опоздали, — с едва заметным укором сказал полковник.

Заместитель министра скрестил обе руки на груди.

— Прошу прощения! — сказал он с искренним сожалением. — Произошла непредвиденная служебная задержка.

Ему представили маленьких героев торжества. Когда они дошли до Юлии, заместитель министра улыбаясь посмотрел на нее и по-отцовски похлопал ее по плечу.

— Смотрите, какая маленькая красавица! — сказал он чуть ли не с удивлением.

Потом, всмотревшись в нее, серьезно добавил:

— И моей дочке подарили такой же красивый бант, но мы не знаем, как его завязывать.

— Да очень просто! — начала воодушевленно Юлия.

— Не так-то просто, — прервал ее, улыбаясь, заместитель министра. — Дело в том, что у нее нет волос...

— Нет волос? — вздрогнула Юлия.

— То-есть, есть, только очень мало. . . Ей всего шесть месяцев. . .

В комнатке засмеялись. Полковник Филиппов сказал:

— Раз мы готовы, пошли! Нас уже ждут!

Все пошли — взрослые спокойно, о чем-то тихо переговариваясь между собой, мальчики — с сжатыми сердцами. И внезапно Юлия, которая до того момента держалась лучше всех, впала в панику:

— Пешо! — воскликнула она, испуганно глядя на него. — Пешо, прошу тебя, развяжи мне бант!

— Почему?

— Потому что с бантом нехорошо, пойми, нехорошо!

— А зачем же ты тогда его завязала?

— Мама мне его завязала. . .

— Раз она тебе его завязала, пусть она и развяжет. . .

Но мать Юлии была в зале, именно ей принадлежала зеленая шляпка с пером.

— Прошу тебя, Пешо, прошу тебя! — воскликнула Юлия чуть ли не испуганно.

— Мы опоздаем! — сказал Пешо сердито.

— Только на минуточку . . .

Поняв, что ему не отделаться от нее, Пешо быстро развязал бант, — Юлия облегченно вздохнула и с признательностью посмотрела на своего товарища.

— Торчат у меня волосы? — спросила она озабоченно.

Но Пешо только махнул нетерпеливо рукой и поторопился догнать других. Юлия лихорадочно наслюнявила пальцы и начала приглаживать торчащие волосы. Остальные уже подымались по узкой лестничке на сцену, громкий шум аплодисментов хлынул к декорациям. Прижав ладонью волосы, Юлия стала подыматься по лестнице позади всех.

Торжество продолжалось не долго. После пионерского церемониала и рапортов, слово дали заместителю министра. Он вышел на трибуну, несколько секунд осматривал зал и бессознательно улыбнулся — таким прекрасным, близким сердцу был вид сотен чистых и светлых лиц пионеров, сотен внимательных и взволнованных глаз, красных галстуков, чисто выстиранных и старательно выглаженных рубашек. Заместитель министра помолчал еще мгновение и начал не совсем так, как думал:

— С взволнованным сердцем я выхожу перед вами, дорогие пионеры, дорогие дети нашей народной вла-

сти!. . Не могло и быть иначе — так хорош повод, который собрал всех нас под этой крышей. Ваши товарищи, ваши близкие друзья — я думаю, вы все им ни в чем не уступаете — совершили дела, которыми мы все особенно гордимся. . . Они помогли народной власти в борьбе с ее злейшими врагами и проявили не только героизм, но также высокую интеллигентность, изобретательность и находчивость. . .

В зале взорвались аплодисменты, которые долго не смолкали. Герои торжества, еще совсем недавно выглядевшие бледными и смущенными, сейчас залились краской и взволнованно опустили глаза к полу. Заместитель министра продолжал говорить. Он выразил большую признательность органов Министерства внутренних дел маленьким героям и среди общих рукоплесканий объявил, что им будут подарены книги. Здесь он задумался на мгновение и все тем же сердечным и дружеским тоном продолжил:

— Может быть, все удивятся тому, что самую большую похвалу получает Юлия. . . Все вы здесь знаете до мельчайших подробностей всю историю, и хорошо известно, что, в сущности ваш, товарищ Петр Андреев был в центре всей деятельности, что он был, так сказать, сердцем и мотором этой деятельности. . . Когда он был в плену у диверсантов, он проявил героизм, которым мы все гордимся.. . . Но Андреев в то же время допустил большую слабость, которую довольно трудно простить хорошему и сознательному пионеру. Он не посчитался с товарищеским коллективом и позволил себе некоторые поступки, вопреки решению своих товарищей. . . Таким образом, он не только усложнил преследование бандитов, но что гораздо важнее — подверг свою жизнь серьезному риску. . . Для нас это имеет особенно большое значение. Мы всегда будем нуждаться в вашей помощи, в помощи и содействии всех граждан, но когда дело касается пионеров, мы ни в коем случае не хотим такой помощи, при которой вы рискуете своей жизнью или безопасностью. . . Это вы должны хорошо запомнить. . . Народная власть уже очень сильна, она располагает всевозможными способами, чтобы справиться со своими врагами и по-

тому никогда не позволит, чтобы жизнь и безопасность ее самых маленьких граждан подвергались риску. . .

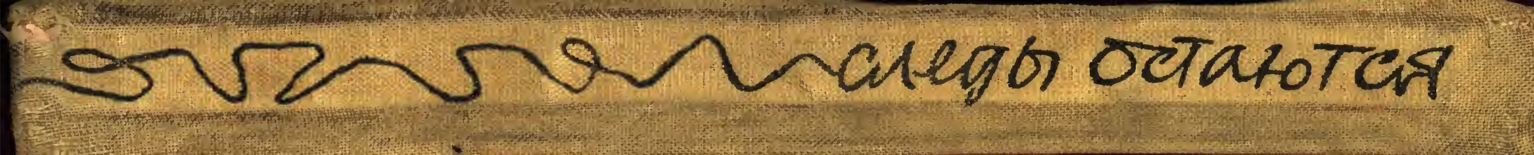
После речи заместителя министра слово было дано Пешо. Он заботливо написал его, но пока говорил, очень редко заглядывал в бумагу. Его волнение как будто уже прошло. Голос звучал теперь уверенно и твердо, его темные глаза спокойно смотрели куда-то над головами пионеров. От имени всех своих товарищей он поблагодарил за большое внимание, оказанное им народной властью, и торжественно обещал, что они будут служить своему народу все так же верно и преданно, образцово выполняя пионерские обязанности и в школе, и вне ее. . .

— А что касается Юлии, — кончил он, — я считаю, что действительно она показала себя самой достойной среди нас — это я признаю здесь перед всеми от всего сердца, и перед всеми я хочу извиниться перед ней за то, что когда-то я пренебрегал ею, потому что она девочка, а от девочки — думал я — ничего особенного ожидать нечего. . . Я действительно допустил грубую ошибку, не подчинившись решению товарищеского коллектива. . . Это я теперь отлично понимаю. . . И так как я понял это, для меня самой большой и настоящей наградой является то, что мои друзья простили меня и снова считают таким верным товарищем, как считали раньше. . . Большей награды, чем эта, для меня не может быть. . .

Пешо не мог продолжать. Внезапно в большом зале разразилась настоящая буря рукоплесканий. Аплодировали все — и пионеры, и учителя, и молодые офицеры, и пожилые родители, и все люди, которые сидели за длинным столом, покрытым красным полотном. Пешо смущенно замолчал, беспомощно посмотрел на своего отца, потом снова повернулся к большому залу. Впервые с тех пор, как он вышел на трибуну, он всмотрелся в публику, и внезапно у него захватило дыхание. Сейчас он увидел своих друзей такими, какими он их никогда не видел — он видел их взволнованные лица, видел их блестящие глаза, видел их глубокую и искреннюю радость и любовь и понял, как сильно прозвучали его слова о товариществе. Внезапно он увидел и своего

классного руководителя в первом ряду, увидел в его взгляде глубокое волнение, и это волнение словно внезапно перелилось в его грудь и сжало ему горло. Он чуть не всхлипнул. Влага затуманила его взгляд. В тумане слез образы словно расплылись, лица исчезли и изо всего, что было в зале, в его сознании остался только пламень красных знамен, которыми был задрапирован балкон, и незатихающий шум рукоплесканий.

Это были мгновения, которые Пешо не забудет никогда.


следы остаются